

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

Е. Н. ВАРЮШЕНКОВА

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ
ПРИСУБСТАНТИВНОГО ИНФИНИТИВА
В ПРЕДЛОЖЕНИИ

Монография

Под научной редакцией профессора В. И. Фурашова

Владимир 2013

УДК 811.161
ББК 81.411.2–22
В18

Рецензенты:

Доктор филологических наук, профессор зав. кафедрой
русского языка Владимирского государственного университета
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
М. В. Пименова

Доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка
Петербургского государственного университета путей сообщения
Л. В. Миллер

Печатается по решению редакционно-издательского совета ВлГУ

Варюшенкова, Е. Н.

В18 Синтаксические функции присубстантивного инфинитива в предложении / Е. Н. Варюшенкова ; под науч. ред. проф. В. И. Фурашова ; Владим. гос. ун-т имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. – Владимир : Изд-во ВлГУ, 2013. – 128 с. – ISBN 978-5-9984-0321-7.

Является первым монографическим описанием синтаксических функций присубстантивного инфинитива в предложении. Подробно представлены критерии квалификации синтаксических функций присубстантивного инфинитива, находят решение отдельные вопросы синтаксического синкретизма второстепенных членов предложения.

Адресована преподавателям вузов, аспирантам и студентам филологических факультетов.

Рекомендована для формирования профессиональных компетенций в соответствии с ФГОС 3-го поколения.

Библиогр.: 181 назв.

УДК 811.161
ББК 81.411.2–22

ISBN 978-5-9984-0321-7

© ВлГУ, 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА 1. КОНСТРУКЦИЯ С ПРИСУБСТАНТИВНЫМ ИНФИНИТИВОМ В СТРОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ	16
1.1. Отличие конструкций с присубстантивным инфинитивом от сходных синтаксических построений	17
1.2. Об усеченных конструкциях	20
1.2.1. Конструкции с пропущенными существительными.	20
1.2.2. Конструкции с пропущенным инфинитивом	26
1.3. Порядок компонентов в конструкции с присубстантивным инфинитивом	28
1.4. Обособление присубстантивного инфинитива	31
Выводы по первой главе	34
ГЛАВА 2. КРИТЕРИИ РАЗГРАНИЧЕНИЯ СИНТАКСИЧЕСКИХ ФУНКЦИЙ ПРИСУБСТАНТИВНОГО ИНФИНИТИВА В ПРЕДЛОЖЕНИИ	33
2.1. О недостаточности морфологического критерия	39
2.2. О методике вопросов	40
2.3. Об учете семантики имени существительного	41
2.3.1. Деривационные свойства имен существительных	42
2.3.2. Лексико-семантические группы имен существительных	43
2.4. Коммуникативные факторы	61
2.4.1. Сема намерения в предложении	61
2.4.2. Побудительные предложения	63
Выводы по второй главе	64
ГЛАВА 3. СИНТАКСИЧЕСКИЕ ПОЗИЦИИ ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО И ФУНКЦИИ ИНФИНИТИВА	69
3.1. О зависимости функций инфинитива от синтаксической позиции имени существительного	69
3.2. Инфинитив при подлежащем	69
3.3. Инфинитив при субстантивном компоненте сказуемого	83
3.4. Инфинитив при второстепенных членах предложения	92

3.4.1 Инфинитив при дополнении.....	92
3.4.2. Инфинитив при несогласованном определении	96
3.4.3. Инфинитив при приложении.....	98
3.4.4. Инфинитив при обстоятельстве	100
Выводы по третьей главе	107
ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ОБЩИЕ ВЫВОДЫ	111
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	117

ВВЕДЕНИЕ

В русской лингвистике не ослабевают интерес к особой форме глагола – инфинитиву. Ученых интересует происхождение, сочетаемость инфинитива с другими единицами языка, его синтаксические функции. Однако многие вопросы остаются пока недостаточно проясненными.

Остро дискуссионным является вопрос о синтаксических функциях присубстантивного инфинитива.

К. А. Тимофеев [141], в отдельных случаях Н. А. Метлина [103], Е. М. Галкина-Федорук [49], П. А. Лекант [92], В. И. Фурашов [151] склоняются к тому, чтобы усматривать в сочетании «существительное + инфинитив» один член предложения, т.е. вообще или при определенных условиях отказывают инфинитиву при существительном в праве на самостоятельную синтаксическую функцию в предложении.

В исследованиях лингвистов, квалифицирующих присубстантивный инфинитив как самостоятельный член предложения, намечаются следующие точки зрения: 1) А. А. Шахматов [170], Н. П. Каноныкин [71], Н. М. Александров [5], Г. Н. Ключов [76] придерживались мнения, что инфинитив, примыкающий к существительному, выполняет в предложении роль дополнения; 2) В. Андреев [7], А. Г. Руднев [125], В. П. Сухотин [139], Р. С. Зуева [69], А. В. Дудников [58] – видят в нем определение; 3) А. А. Шахматов [170], А. И. Моисеев [108], М. А. Павловская [113], Р. С. Зуева [69] расценивали некоторые случаи употребления присубстантивного инфинитива как приложение; 4) А. И. Моисеев [108], Н. А. Метлина [103], Н. Г. Чиликина [161], А. Н. Гвоздев [50], Л. В. Аникина [8], В. В. Бабайцева [19], В. И. Фурашов [151], В. М. Брицын [35] настаивают на неоднозначности синтаксической функции инфинитива, ее зависимости от определенных лексико-семантических и синтаксических факторов.

К. А. Тимофеев против квалификации присубстантивного инфинитива как дополнения или определения. По его мнению, самостоятельной роли в общей структуре предложения присубстантивный инфинитив не играет, но, примыкая к господствующему над ним су-

ществительному, вместе с ним может выступать в составе любого члена предложения [144, с. 169]. Однако только отчасти справедливы утверждения, что словосочетания, образуемые инфинитивом и именем существительным, входят в состав одного члена предложения [105, с. 262]. Это прежде всего касается сказуемого. Так, Е. М. Галкина-Федорук [49, с. 413] относит к сложным сказуемым «устойчивые неразложимые сочетания глагольного характера» типа «*имел намерение уехать*», «*изъявил желание учиться*». Такого же мнения придерживается П. А. Лекант, относя к глагольным фразеологизмам сочетания типа «*задался целью напугать*», «*имел обыкновение целоваться*» [90, с.79]. Но в данном случае необходимо уточнить степень связанности компонентов в устойчивых сочетаниях и, следовательно, их состав. Оказывается, что *изъявить* можно *желание, волю, готовность*, а *задаться* – обязательно *целью*. Сочетание этих компонентов обусловлено лексически. В сочетаниях *имел намерение уехать, имел обыкновение целоваться* лексическая связь между глаголом и существительным значительно слабее. В подобных конструкциях могут функционировать многие модальные существительные: (*имел*) *возможность, потребность, стремление, право, основание* и др. Замена существительных в такой модели и, за редким исключением, невозможность замены всего сочетания эквивалентом-словом позволяет констатировать относительную свободу компонентов. Еще более свободным в смысловом плане в данных сочетаниях является инфинитив. С уверенностью можно утверждать, что сочетания типа *имел намерение, задался целью* и др. под. распространяются именно инфинитивом, но значение каждого из распространителей глагольно-субстантивного сочетания предугадать не дано. Таким образом, инфинитив здесь является грамматически зависимой частью конструкции «спрягаемый глагол + существительное + инфинитив», и рассматривать его следует либо как самостоятельный член предложения, либо как часть сказуемого, но лишь при том условии, что конструкция без инфинитива не может функционировать в предложении. В художественных текстах встречаются примеры использования подобных сочетаний и без инфинитива: «*Он все лежал, стараясь заснуть, хотя чувствовал, что не имел ни малейшей надежды, и все повторял шепотом случайные слова из какой-нибудь мысли*» (Л. Толстой); «*У него были условия верные, как музыка. Он имел намерение*» (Ю. Тынянов). Признавая окка-

зиональность употребления сочетания *не имел...надежды, имел намерение*, позволим себе утверждать, что по-настоящему связанными в конструкции «спрягаемый глагол + существительное + инфинитив» являются часто только первые два компонента.

Проблема состава непростого сказуемого не имеет однозначного решения. Модальные существительные очень часто входят в его состав. Их лексическое значение в составе сказуемого может быть ослаблено, и тогда инфинитив является грамматически зависимым, но семантически весьма значимым компонентом синтаксически неделимого сочетания, выступающего в роли единого члена предложения [152, с. 352].

Вероятно, именно синсемантичность слов, присоединяющих к себе зависимый инфинитив, может считаться основанием для включения инфинитива в состав члена предложения.

В лингвистической литературе находим различное понимание синсемантичности (см.: О. С. Ахманова [16, с. 408]; Е. В. Гулыга [57, с. 62 – 72]). На наш взгляд, наиболее приемлемой является точка зрения В. И. Фурашова, который утверждает, что синсемантичность и автосемантичность слов, как правило, является конситуативно обусловленной. Таким образом, в одних случаях слово автосемантично, в других (в зависимости от контекста) может оказаться синсемантическим. Исходя из этого, можно предположить, что ослабление лексического значения слова в отдельных случаях значительнее, чем в других, поэтому невозможность определения степени синсемантичности опорного существительного часто позволяет видеть в зависимом инфинитиве самостоятельный член предложения.

1) А. А. Шахматов считал исконной для инфинитива функцию дополнения, так как по происхождению инфинитив – косвенный падеж отглагольного существительного. Признавая, что с течением времени инфинитив приобрел другие функции в предложении, но отчасти сохранил свою исконную природу – дополнения, А. А. Шахматов отводил инфинитиву роль дополнительного глагольного члена [170, с. 265 – 266], что, вероятно, приближает его к простому и релятивному дополнению.

2) Возможность трансформации многих субстантивно-инфинитивных сочетаний в субстантивно-субстантивные (*мастер декламировать – мастер декламации*) и невозможность постановки

смыслового вопроса *какой?* от существительного к инфинитиву (что, впрочем, весьма спорно) позволили Н. П. Каноныкину утверждать, что инфинитив при существительном всегда является дополнением [71, с. 49 – 50]. Только как дополнение склонен характеризовать инфинитив при модальных существительных, образованных от глаголов, Н. М. Александров, аргументируя это возможностью замены инфинитива существительным [5, с. 358]. С этим нельзя согласиться безоговорочно, поскольку не всегда инфинитив при отглагольных модальных существительных можно заменить существительным без ущерба для смысла. Ср.: *желание помочь – желание помощи*. Г. Н. Ключев, определяя связь между именем существительным и зависимым инфинитивом, находит «преимущественно изъяснительные отношения» [76, с. 75].

Таким образом, происхождение инфинитива из косвенного падежа отглагольного существительного и возможность замены инфинитива существительным являются, по мнению ученых, основанием считать его в предложении дополнением. К этому следует добавить, что многие отглагольные существительные, образованные от переходных глаголов, сохраняют сильное управление, что позволяет находить между существительным и инфинитивом объектные отношения.

3) Из атрибутивной функции распространителей существительного исходил В. Андреев, считая, что инфинитиву при существительном свойственно быть определением [7, с. 77]. Атрибутивный характер инфинитива при имени существительном видит и В. П. Сухотин [139, с. 91]. А. Г. Руднев, критикуя позицию Н. П. Каноныкина в отношении синтаксической функции присубстантивного инфинитива, утверждает, что инфинитивы при существительных выступают в роли определения, а не дополнения, поскольку обозначают признаки существительного [125, с. 31]. А. В. Дудников также склонен полагать, что инфинитив способен примыкать как определитель к существительным с различными модальными значениями [58, с. 330].

Опираясь на представление о том, что всякий распространитель существительного носит характер его атрибута, Р. С. Зуева утверждает, что в основе словосочетания «существительное + инфинитив» лежат определительные отношения [69, с. 12].

Следовательно, субстантивный характер определяемого слова позволяет этим лингвистам решать спор о синтаксической функции присубстантивного инфинитива в пользу определения. Признавая частично справедливость подобного утверждения, отметим, что такой односторонний подход (только со стороны определяемого) к квалификации присубстантивного инфинитива не может быть признан оптимальным.

4) А. А. Шахматов, утверждая мысль о субстантивной природе инфинитива, отводил ему также роль своеобразного инфинитивного приложения при существительном [170, с. 264]. К. А. Тимофеев также отмечал небольшую группу случаев, где инфинитив является приложением к существительному [142, с. 270]. В пользу утверждения о том, что обособленный инфинитив – приложение, А. И. Моисеев приводит следующие доводы: а) имеет место особое интонационное членение предложения, интонационное выделение инфинитивной группы; б) при существительном наличествует определение, особенно выраженное словами *один, одна* [108, с. 243 – 245]. Далее он конкретизирует свою мысль, отмечая, что «хотя существительные, вступающие в такую связь с инфинитивом, в большинстве своем могут присоединять к себе инфинитив как непосредственно примыкающее слово, однако есть такие существительные, при которых инфинитив может быть или исключительно, или главным образом только в роли своеобразного приложения» [108, с. 249]. Представляют интерес примеры, приведенные А. И. Моисеевым: «[У художника] Жукова есть еще одна, тринадцатая, *нагрузка* – *оставаться художником*» (К. Симонов); «Аксинья неистово молилась, *просила* у бога последнюю *милость* – *сохранить жизнь* ребенка» (М. Шолохов). Существительные *нагрузка* и *милость*, действительно, редко встречаются в сочетании с обособленным зависимым инфинитивом, однако, как кажется, нет смысла на этом основании отличать подобную реализацию конструкции от похожих с обособленным инфинитивом, но с регулярно встречающимися существительными. Близкой к приложению находили роль обособленного инфинитива М. А. Павловская [113, с. 106] и Р. С. Зуева [69, с. 232]. Присубстантивный инфинитив, действительно, трудно «уложить» в существующую схему членов предложения [108, с. 105]. Происхождение его из имени существительного и особое по-

ложение в обособленной позиции могли привести ученых к мысли о возможности квалификации инфинитива как приложения. Однако отношения между определяемым существительным и обособленным инфинитивом (инфинитивным оборотом) отличаются от отношений, наблюдаемых между определяемым существительным и приложением. Не всегда легко разграничить определяемое слово и приложение, тогда как главный и зависимый компоненты конструкции «существительное + инфинитив» грамматически дифференцируются всегда. Обособленные инфинитивные обороты могут содержать в себе оттенки пояснения, присоединения, вставных конструкций и, наконец, добавочной, сопутствующей предикативности [151, с. 93 – 95] и выполняют в основном функцию обособленного определения.

б) Уже давно лингвисты обратили внимание на неоднозначность синтаксической функции присубстантивного инфинитива. В целом ряде работ находим подтверждение мысли о том, что инфинитив при имени существительном выполняет различные функции. А. И. Моисеев, например, находит, что инфинитив, зависимый от существительного, является чаще всего определением [109, с. 16]. Он также считает, что при существительных типа *мастер, охотник, любитель* и под. зависимый инфинитив может входить в состав сказуемого, для обособленного инфинитива исследователь отводит роль приложения [108, с. 13]. Н. Г. Чиликина, полагая, что в большинстве случаев присубстантивный инфинитив выступает в роли определения, обнаруживает и ограниченный круг имен существительных, при которых инфинитив выполняет роль дополнения [161, с. 8]. Дополнения встречаются, главным образом, при существительных, образованных от глаголов и прилагательных со значением процессов и признаков, утверждает А. Н. Гвоздев, но при существительных, не образованных от глаголов или потерявших связь с глаголами, определительность преобладает [50, с. 112, 119].

Нельзя обойти вниманием интересные мысли, высказанные в диссертационном исследовании Н. А. Метлиной «Независимый и зависимый инфинитив и его синтаксическая роль в предложении современного русского языка». Исследуя конструкцию на уровне словосочетания, автор находит, что инфинитив одновременно выражает как объектные, так и атрибутивные отношения [103, с. 259 – 260]. Вместе

с тем, на это общее значение наслаивается целый ряд второстепенных, сопутствующих, перекрещивающихся значений, обусловленных грамматическим и лексическим значением тех слов, тех членов предложения, с которыми в предложении связан инфинитив [103, с. 262]. В работе обозначена серьезная заявка на перспективы исследования синкретичности инфинитива, однако рамки словосочетания не позволили ее осуществить. Здесь требуется обращение к предложению.

Принимая во внимание возможность синонимичного употребления инфинитива и существительных в косвенных падежах, М. А. Павловская утверждает, что положение о значении инфинитива, близком к выражению объектных отношений, только в том случае надо считать обоснованным, когда инфинитиву соответствует синонимическое существительное в косвенном падеже, сочетающееся с тем же словом, что и инфинитив [103, с. 95]. С помощью этого приема М. А. Павловская пытается разграничить словосочетания с присубстантивным инфинитивом в роли определения и в роли дополнения. Следует заметить, что это важный, но не единственный критерий, поэтому он не может считаться достаточным для дифференциации синтаксических функций присубстантивного инфинитива.

Подробно анализируя происхождение и словообразовательное «наследство» имен существительных, способных присоединять зависимый инфинитив, Л. В. Аникина останавливается на отглагольных существительных. Она утверждает, что наиболее способны к управлению существительные, образованные от глаголов, способных иметь при себе объектный инфинитив: *приказал **остаться** – приказ **остаться*** [8, с. 5]. Автор относит такой инфинитив к дополнению, поскольку инфинитив при таких существительных не может быть определением... «потому, что он называет свойство не самого этого существительного, а является глагольным признаком, приписываемым одному лицу, в то время как существительное, к которому он примыкает, характеризует другое лицо» [8, с. 3]. Такой инфинитив, действительно, чаще всего имеет преобладающую функцию дополнения, но «анализ смысловых отношений в предложении... нельзя механически подменять утверждением о том, что... объектный инфинитив всегда является дополнением» [151, с. 90]. Примеры, приведенные исследователем, свидетельствуют о справедливости этого заме-

чания; действительно, *просьба зайти* и *моя просьба осмотреть работы* (в смысле *разрешить мне осмотреть*) – явления в языке, безусловно, разного порядка.

Многие склонны думать, что присубстантивный инфинитив может выполнять синтаксические функции как определения, так и дополнения. Так, В. М. Брицын, следуя положениям «Грамматики русского языка» [55, с. 191 – 230] и «Русской грамматики» [127, с. 148 – 149], находит в конструкциях «существительное + инфинитив» то детерминативную, то лимитативную функцию [35, с. 146, 150]. Автор часто называет только делиберативную или просто облигаторную функцию инфинитива, иногда перечисляет лексико-семантические группы существительных без указания синтаксической функции примыкающего к ним инфинитива [35, с. 152]. В определении синтаксической функции инфинитива он в основном опирается на соотносительность инфинитива с именем существительным в падежных формах с предлогами или без предлогов. Например, *жажда* + Р.п. без предлога; *порыв* + Д.п. с предлогом; *мечта* + П.п. с предлогом *о* [35, с. 146]. Автор не использует терминов членов предложения, поэтому трудно решить, насколько близко его представление о синтаксических функциях присубстантивного инфинитива к представлениям других лингвистов. При этом В. М. Брицын часто называет сразу два значения, а это говорит о том, что в его представлении инфинитив – синкретичный член предложения.

Синкретичное значение присубстантивного инфинитива подчеркивает В. В. Бабайцева, утверждая, что «примыкающий инфинитив часто сочетает в себе определительное значение с объектным: «Мысль (какая? о чем?) *жениться* на Олесе все чаще и чаще приходила мне в голову» (А. Куприн) [19, с. 133]. Настоящим открытием в области переходных явлений языка стала известная теперь шкала переходности – «шкала Бабайцевой». Ее можно представить в виде А – Аб – АБ – аБ – Б. Конечные точки шкалы А и Б обозначают сопоставляемые синтаксические единицы и их разновидности, между которыми в синхронной системе языка (особенно речи) существует бесконечное число переходных звеньев, «переливающихся одно в другое» [17, с. 31].

Эту идею развивает В. И. Фурашов, используя как основу для создания парадигматической концепции членов предложения [151, с. 11]. В. И. Фурашов включает в состав парадигмы три основных элемента:

1) исходный, занимающий сильную синтаксическую позицию, обладающий полным набором дифференциальных структурных и семантических признаков (соответствует позициям А и Б на шкале В. В. Бабайцевой);

2) синкретичный элемент парадигмы, занимающий слабую позицию частичной нейтрализации, обладающий неполным набором типичных для члена предложения признаков, случаи разрешимого синтаксического синкретизма (на шкале В. В. Бабайцевой это позиции Аб и аБ);

3) синкретичный элемент парадигмы, занимающий слабую синтаксическую позицию полной нейтрализации, совмещающий равноправные дифференциальные признаки разных членов предложения (позиция АБ на шкале В. В. Бабайцевой) [151, с. 17]. Именно определение позиции синкретичного члена предложения (присубстантивного инфинитива) помогает В. И. Фурашову наиболее объективно, на наш взгляд, решать вопрос о синтаксической функции инфинитива, зависящего от имени существительного. «Синтаксический синкретизм в семантике второстепенного члена, выраженного присубстантивным инфинитивом, в одних случаях оказывается разрешимым в пользу дополнения, в других – в пользу определения, но синкретизм может оказаться и неразрешимым, а различия между определением и дополнением – полностью нейтрализованными» [151, с. 89].

Подробный анализ примеров, сделанный автором, позволил ему не только подтвердить справедливость теоретических положений, выдвинутых в монографии, но и прийти к несколько неожиданному, но закономерному выводу о том, что инфинитив в данных конструкциях иногда приобретает оттенок обстоятельства цели: «Александра Ивановна также явилась к своей должности – *занимать гостей*, которых на этот раз было человек пятнадцать» (С. Аксаков) [151, с. 96]. До сих пор об оттенке обстоятельства у инфинитива, зависящего от неконкретного существительного, можно было встретить лишь редкие и осторожные замечания. Например, В. П. Сухотин говорил об устойчивых сочетаниях типа *искал случая*, при которых инфинитив

выполняет роль обстоятельства цели, предназначения [139, с. 85 – 97]. О. П. Ермакова, выдвигая гипотезу о развитии новых целевых предлогов, включает в их число предлог *с целью* и утверждает следующее: «*С целью* – входит в целевые отношения не только с отглагольным существительным, но и в целевые конструкции с инфинитивом» [61, с. 13]. Важно заметить, что О. П. Ермакова не уточняет, принадлежит ли значение обстоятельства цели самому инфинитиву или всей конструкции «*с целью* + инфинитив».

Возвращаясь к приведенному выше примеру В. И. Фурашова, остановим внимание еще на двух важных, на наш взгляд, замечаниях. Во-первых, этот оттенок отмечен у присубстантивного инфинитива не только в обособленном, но и в необособленном положении [151, с. 92]. Во-вторых, В. И. Фурашов отмечает, что инфинитив может обнаруживать связь не только с определяемым существительным, но и с глаголом-сказуемым [151, с. 96]. Тип синкретичных членов предложения с двойной зависимостью (от глагола-сказуемого и от определяемого имени существительного) получил название «дуплексив». Автор термина, Л. Д. Чеснокова, давая подробную характеристику данному явлению, ограничивает выражение дуплексива в основном именными частями речи и наречием [159, с. 100]. Выделяя особый тип глагольного дуплексива, Л. Д. Чеснокова приводит пример конструкции с присубстантивным инфинитивом: «И нежные родители продолжали *приискивать предлоги удерживать* сына дома» (И. Гончаров). Анализируя данный пример, наряду с примерами, в которых инфинитив в подобной конструкции примыкает к глаголам, исследователь утверждает, что дуплексив, выраженный инфинитивом, характеризуется одновременной двойной зависимостью от имени и глагола и обозначает процессуальный признак по отношению к имени и обстоятельственное или объектное значение по отношению к глаголу [159, с. 79]. Особенно важным в этом наблюдении для нас оказывается, что Л. Д. Чеснокова так же, как и В. И. Фурашов, находит у присубстантивного инфинитива в позиции дуплексива обстоятельственный оттенок значения.

Концепция синтаксического синкретизма предоставляет широкие возможности для решения ряда лингвистических проблем, в том числе и проблем синтаксических функций присубстантивного инфинитива.

Анализируя примеры разрешимого и неразрешимого синтаксического синкретизма в области второстепенных членов предложения, В. И. Фурашов уделяет много внимания и зависимому от существительного инфинитиву. Отмечается, что в парадигме определения присубстантивный инфинитив занимает место на ее периферии (наряду с наречием и компаративом), что определения, выраженные инфинитивом, часто имеют оттенок значения дополнения и занимают слабые синтаксические позиции частичной нейтрализации. Эти определения относятся к именам нарицательным, которые не образованы от глаголов или утратили с ними соотносительность, а также к тем отглагольным существительным, при которых употребляется субъектный инфинитив [151, с. 91]. При отнесенности к отглагольному существительному, сохранившему свойственное соответствующему глаголу отношение к объектам, инфинитив является дополнением с оттенком определения [151, с. 87]. При конкретных существительных и при некоторых отвлеченных (в определенных условиях) исследователь отводит инфинитиву роль определения с оттенком обстоятельства цели, предназначенности [151, с. 91,92]. Объектный инфинитив в предложении с отчетливо не прослеживающимися отношениями между разными действующими лицами В. И. Фурашов относит к явлениям полной нейтрализации различий между определением и дополнением [151, с. 89].

Из представленного анализа лингвистической литературы следует, что вопрос о синтаксических функциях присубстантивного инфинитива до сих пор не имеет однозначного решения и нуждается в дальнейшем изучении с привлечением значительного количества нового фактического материала.

Глава 1. КОНСТРУКЦИЯ С ПРИСУБСТАНТИВНЫМ ИНФИНИТИВОМ В СТРОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Долгое время, занимаясь изучением присубстантивного инфинитива, ученые не выходили за пределы словосочетания (А. И. Моисеев, Н. А. Метлина, Р. С. Зуева, С. С. Петровская). Однако трудности квалификации синтаксической функции инфинитива в словосочетании дают основания полагать, что необходим выход за пределы словосочетания. Г. А. Золотова справедливо замечает, что целый ряд синтаксических форм целесообразно изучать не в плане теории словосочетания, а в плане теории предложения, как компоненты его организации [66, с. 66]. В. И. Фурашов также склонен думать, что члены предложения неправомерно анализировать только в границах словосочетания, поскольку в предложении они обнаруживают не те же самые связи и отношения [151, с. 20].

Так, в словосочетании *согласие копать* у инфинитива можно наблюдать значение дополнения и определения. Значение определения присуще ему как распространителю субстантива, а значение дополнения обусловлено сохранением у существительного способности производящего глагола сочетаться с инфинитивом (*согласиться копать*). Однако определить, какое из значений преобладает, в словосочетании невозможно. Зато в предложении функции инфинитива в такой конструкции явно дифференцируются: «Лишь Саше Краюшкиной было дано молчаливое *согласие копать* в отдалении, в уголке пожарища, безо всяких, конечно, надежд на успех» (В. Астафьев). Объектная позиция инфинитива при отчетливо различающихся действующих лицах в конструкции (*согласие дает одно лицо, копать будет Саша*) говорят о преобладании в инфинитиве функции дополнения и о второстепенности функции определения. Если бы предложение имело вид «Саша дала *согласие копать*... в уголке пожарища...», то субъектное положение инфинитива вывело бы на первый

план функцию определения, а функцию дополнения сделало бы вторичной. В обоих предложениях заметно и еще одно добавочное значение у инфинитива – значение обстоятельства цели, обусловленное компонентом намерения в значении сказуемого: *дано согласие* – с какой целью? – чтобы могла *копаться*. Обстоятельственное значение у присубстантивного инфинитива определяется только в предложении.

Учет предложенческих связей присубстантивного инфинитива позволяет отграничить конструкцию с присубстантивным инфинитивом от сходных синтаксических конструкций, а также увидеть компоненты конструкции там, где словосочетание «существительное + инфинитив» выделить трудно.

В лингвистической литературе под термином «конструкция» подразумевается «синтаксическое целое, составленное из объединенных в речи языковых единиц, сочетающихся вследствие наличия у них определенных грамматических свойств» [15, с. 205]. Объединение языковых единиц в конструкции традиционно обуславливается «присущими им грамматическими свойствами» [124, с. 111]. Существенное дополнение в понятие термина «конструкция» вносит Л. Д. Чеснокова, утверждая, что «конструкция – это синтаксическая единица-структура, компоненты которой находятся в определенных смысловых отношениях, образуя некоторое смысловое и грамматическое единство» [158, с. 18]. Конструкция с присубстантивным инфинитивом – одна из таких конструкций.

1.1. Отличие конструкций с присубстантивным инфинитивом от сходных синтаксических построений

Конструкция с присубстантивным инфинитивом обнаруживает сходство с синтаксическим построением, где инфинитив примыкает не к существительному, а к фразеологической единице, в которую входит существительное: «Эта простая, казалось, просьба до такой степени была не ко времени сейчас, что у него *не повернулся бы язык заговорить* об этом с Проценко» (К. Симонов). В подобных предложениях обязательным является распространение фразеологизма инфинитивом со значением речи: *сказать, спросить, произнести, заговорить* [180, с. 110].

То, что фразеологизм, построенный по модели «подлежащее + сказуемое», употребляется в безличной конструкции, приближает его к единицам с модальным значением. Ср.: *не может заговорить, не имеет возможности заговорить*. Однако такое употребление инфинитива нельзя квалифицировать как собственно присубстантивное.

Вызывает сомнение и попытка квалифицировать инфинитив как присубстантивный в примерах типа: «Это сыновья из разных семейств, ... знающие назубок Святое писание или бесхитростно невежественные, – все они *горят желанием служить вере отцов*» (В. Тендряков). Фразеологические словари фиксируют словосочетания и предложения, которые находятся «на стадии перехода или переосмысления во фразеологизмы» [146, с. 14]. Таким, на наш взгляд, является и сочетание *горят желанием*. О незавершенности процесса фразеологизации может свидетельствовать возможность постановки вопроса от существительного к инфинитиву (*желанием – каким? – служить вере отцов*). К «нефразеологизмам» относятся и так называемые «описательные обороты», т.е. глагольно-именные словосочетания типа *дать согласие, принять решение*. Это словосочетания, в которых каждое слово сохраняет свое лексическое значение, форму, грамматическую характеристику. Имена существительные в этих оборотах чаще всего образованы от глаголов, с которыми соотносится оборот [90, с. 43].

Следует отметить, что в примере мы имеем конструкцию не с собственно присубстантивным инфинитивом, а с инфинитивом, расширяющим фразеологизм или описательный глагольно-именный оборот.

Утрату свободы сочетаемости в сказуемом с глагольным опорным словом и именем существительным отмечает В. В. Бабайцева. Приведя пример таких промежуточных сочетаний, не ставших еще фразеологизмами, как *дать обещание, принять предложение* и др., она полагает, что квалификация их может быть двойкой: они могут рассматриваться как сказуемое (особенно если сочетание легко заменить одним словом), но в них может быть выделено и дополнение [17, с. 89]. В. В. Бабайцева считает, что к составному глагольному сказуемому «относятся сказуемые, вспомогательная часть которых включает фразеологизм с глагольным опорным словом: *горю желанием (хо-*

чу) *учиться*; сделал усилие (хотел) *подняться*; изъявил желание (согласился) *работать*; имел намерение (собирался, хотел) *уехать* и под.» [17, с. 90]. П. А. Лекант такие построения относит к «неспециализированным формам составного глагольного сказуемого», опираясь на активизацию «употребительности описательных глагольно-именных оборотов» в качестве вспомогательного компонента составного глагольного сказуемого [90, с. 79 – 81, 85 – 86].

Однако промежуточное положение указанных сочетаний (между свободным и фразеологически связанным) позволяет во многих случаях квалифицировать глагол и существительное как самостоятельные, отдельные члены предложения. По мнению Н. Н. Прокоповича, для этих сочетаний «характерным и типичным способом семантического распространения ... выступает присоединение распространяющих элементов (отдельных слов или целых сочетаний) прежде всего к зависимому существительному. А это, в свою очередь, очень ярко свидетельствует о резком изменении в характере отношений между глагольным и субстантивным компонентом [120, с. 56].

Н. Н. Прокопович приводит примеры согласованных определений при существительных, однако можно предположить, что и инфинитив как распространитель существительного в описательном глагольно-именном обороте меняет отношения между глаголом и существительным, делает их менее тесными. Такой подход позволяет рассматривать инфинитив в подавляющем большинстве случаев как самостоятельный второстепенный член предложения.

В дальнейшем присубстантивным мы будем считать также и инфинитив, примыкающий к существительному – компоненту сказуемого. Признавая условность использования данного термина в этом случае, заметим, что, обнаруживая зависимость от всего состава сказуемого, инфинитив все-таки сохраняет смысловые и синтаксические отношения и с существительным. Необходимость учета лексического значения существительного для установления синтаксической функции примыкающего к нему инфинитива, а также оттенков синтаксических значений инфинитива дает основание включать в число конструкций с присубстантивным инфинитивом и те, в которых инфинитив распространяет существительное, являющееся частью сказуемого.

1.2. Об усеченных конструкциях

Принято думать, что в конструкции с присубстантивным инфинитивом обязательно должны присутствовать два компонента: имя существительное и инфинитив. Вместе с тем встречаются примеры, где недостающие компоненты восстанавливаются по смыслу или из контекста.

1.2.1. Конструкции с пропущенными существительными

В предложении может отсутствовать или не повторяться субстантив: «*Мысль **искать** своему положению **помощи** в религии была для нее так же чужда, как **искать помощи** у самого Алексея Александровича*» (Л. Толстой); «Я подошла к пианино и сыграла двумя руками куплет „Варшавянки“, это очень помогло: у публики *создалось настроение **слушать** рассказ, а у Толы – **говорить***» (Н. Сац).

В первом примере при отсутствии существительного инфинитивная группа повторяется целиком – *искать помощи*; во втором – при отсутствии повтора существительного заменяется и инфинитив. В первом случае существительное необязательно, так как предложение может иметь вид: ***Искать помощи** в религии было для нее так же чуждо, как **искать помощи** у Алексея Александровича*, но сказуемое, выраженное формой *была чужда*, позволяет определить в сопоставляемой части предложения *как **искать помощи*** материально не выраженный субстантив *мысль*.

Во втором примере опущено не только существительное, но и глагол-сказуемое. Оба элемента восстанавливаются из предыдущего текста, и это позволяет квалифицировать конструкцию с присубстантивным инфинитивом как неполную.

Общим для данных двух случаев следует признать то, что каждый из приведенных примеров имеет по две части, в каждом примере обе части построены по одинаковой схеме: *у публики **создалось настроение слушать**, у Толы – **говорить**; **мысль **искать помощи** в религии (т.е. у бога), **искать помощи** у Алексея Александровича***. Общей оказывается также связь между частями, включенными в полную и неполную конструкции. Эта связь, по определению В. А. Белошапковой, – необязательная односторонняя [24, с. 184].

Представляется необходимым отметить типы конструкций, в которых субстантив, на первый взгляд, не имеет формальных связей с инфинитивом.

Существительное в конструкции не повторяется, если компонент, выполняющий роль подчиняющего себе инфинитив, выражен количественно-именным сочетанием: «Перед ним было *три пути*. Чрезвычайно соблазнял *первый*: *кинуться* на эти лампы и замысловатые вещицы, и все их к чертовой бабушке *перебить*, и таким образом *выразить* свой *протест* за то, что задержан зря... Первый путь Иван отринул. Был *второй*: немедленно *начать повествование* о консультанте и Понтии Пилате. ...Иван и от этого пути отказался, решив избрать *третий*: *замкнуться в* гордом *молчании*» (М. Булгаков).

Слово *путь* употребляется в тексте не раз, но перед инфинитивом не повторяется, поэтому здесь можно констатировать неполноту представленности конструкции. Порядковые числительные *первый*, *второй*, *третий* имеют первичной в предложении функцию определения, а поскольку инфинитив уточняет их значение, в его значении также можно находить атрибутивность. Актуализирующим определительную функцию инфинитива является и условие его обособленного положения в предложении.

Существительное в конструкции может быть заменено словом *один*, имеющим в отдельных случаях формы разных родов: «Из поручений досталось ему, между прочим, *одно*: *похлопотать* о заложении в Опекунский совет несколько сот крестьян» (Н. В. Гоголь); «Надо было принимать какие-то меры, и, как всегда, срочные. Меры, а какие?... В распоряжении школы есть всего *одна*... – *поговорить* с непутевым родителем, *воззвать* к его совести» (В. Тендряков); «Решением, отвечающим интересам общества, может быть *одно*: как можно скорее *обуздать* инфляцию» («Известия»); «Все голоса во мне давно умолкли, кроме *одного* – *уехать*» («Известия»).

В приведенных выше примерах обязательный компонент конструкции, имя существительное, присутствует, но не имеет формальной связи с инфинитивным оборотом. Эту формальную связь оно как бы перепоручает слову *один*, которое в полной конструкции выполняло бы роль усилительно-ограничительного компонента. Ср.: «Все голоса во мне давно умолкли, кроме *одного* голоса – *уехать*». К

определяющей функции инфинитива здесь добавляется оттенок пояснения [151, с. 95]. Отметим, что и в неполной конструкции этот оттенок значения инфинитива сохраняется.

Присутствие существительного не является обязательным в конструкциях, где сказуемое в предложении выражено глаголами *дать* – *давать*, *искать*, устойчивыми сочетаниями *взять на себя*, *позволить себе*: «Ивановский еще немного прополз под кустарником, чтобы *дать* своей растянувшейся-таки группе *подобраться* поближе и *разместиться* под спасительным его укрытием» (В. Быков). Ср.: *дать подобраться* – *дать возможность подобраться*. «Он дал время Андрею *прийти в себя*» (Б. Окуджава). Ср.: *дал время прийти в себя* – *дал прийти в себя*. «Если нашему брату *повадку дать* к вашему сиятельству за всяким добром на барский двор *кланяться*, какие мы крестьяне будем?» (Л. Толстой). Ср.: *повадку дать кланяться* – *дать кланяться*. «Он был безмолвен и *не искал выделиться*» (О. Форш). Ср.: *не искал выделиться* – *не искал возможности выделиться* – *не искал случая выделиться*. «И если у нас в городе ... некоторые *позволяют себе роскошь не походить одеждой* на других ..., то ... нам здесь не до того, мы все здесь заняты делом» (Б. Окуджава). Ср.: *позволить себе роскошь не походить одеждой на других* – *позволить себе не походить одеждой на других*.

Присутствие существительного в приведенных примерах обусловлено в одних случаях соображениями стилистического характера (сущ. *повадка*), в других случаях обеспечивает экспрессивную окраску конструкции (сущ. *роскошь*); отсутствие существительного делает конструкцию нейтральной, эмоционально не окрашенной. Особо следует заметить, что конструкция «дать/давать + инфинитив» в большинстве случаев свободно заменяется конструкцией с существительным *возможность* («дать возможность + инфинитив»). Исключением можно считать фразеологизм *дать понять*, в котором при трансформации резко меняется смысл. Ср.: *ему дали понять* – приказали, заставили понять; *ему дали возможность понять* – дали возможность разобраться, мягко попеняли.

Отсутствие существительных в таких конструкциях ставит инфинитив в положение более тесной связи с глаголом-сказуемым. В предложении без существительного инфинитив выполняет роль до-

полнения, что позволяет в параллельных конструкциях с присубстантивным инфинитивом тоже находить в инфинитиве значение дополнения, наряду с определительным значением.

В конструкции может отсутствовать существительное со значением лица, которому предписывается совершить действие, названное инфинитивом: «... Он тотчас же написал записку Роландаки, посылавшему к нему не раз с предложением *купить* у него лошадей» (Л. Толстой). Ср.: *посылавшего к нему кого-то с предложением купить*.

Формальное отсутствие, кажущаяся необязательность компонента позволяют, однако, восстанавливать его по смыслу. Наличие в языке конструкций, в которых отсутствует компонент со значением лица – потенциального исполнителя действия, названного инфинитивом, обусловлено (в смысловом плане) наличием в обществе отношений старшего – младшего: господ – слуг, начальника – подчиненного, взрослого – ребенка. Необходимость компонента, называющего исполнителя потенциального действия, обусловлена в данной конструкции логическим планом оценки, где цель, обозначенная в инфинитиве, предполагает средство ее достижения, которое может быть представлено с помощью компонента, имеющего значение лица.

О подобных конструкциях упоминается в «Синтаксическом словаре» Г. А. Золотовой [68]. Исследуя обусловленные синтаксемы в винительном падеже, Г. А. Золотова называет интересующий нас компонент компонентом «с двойным значением объекта каузации и субъекта – носителя вторичного предизируемого признака в усложненных способом каузации моделях (при переходных каузативных глаголах)» [68, с. 157].

Е. М. Лазуткина замечает, что у переходных глаголов часто отсутствует сильноуправляемый компонент в винительном падеже [89, с.190]. Однако примеры, приведенные Г. А. Золотовой (*заставить сестру плакать*) и Е. М. Лазуткиной (*догнал на мотоцикле ... Иван Волков*) (ср.: *заставить сестру, догнал (нас)*), существенно отличаются от наших примеров, в которых сильно управляющие переходные каузативные глаголы типа *послать* имеют в конструкции с инфинитивом коннотацию *попросить, заставить* что-то сделать; существительное со значением лица *сестру*, местоименное существительное *нас* – просто прямой объект, а в наших примерах значение объекта

осложняется значением функционера, деятеля и, соответственно, орудия действия. В. Г. Гак определяет этот компонент в ряду актантов, называя его субстанцией, содействующей осуществлению процессов (инициатор, орудие, причина) [48, с. 80]. В примерах с полностью реализованной схемой это отчетливо представлено: «Она [Наташа] бросилась на постель, засмеялась от радостной мысли, что она сейчас заснет, *крикнула Дуняшу потушить* свечку...» (Л. Толстой). Здесь имеем переходный глагол *потушить*; значение существительного – *Дуняшу* – совмещает значение предмета, на который направлено действие глагола-сказуемого, т. е. объекта, и значение деятеля, выполняющего действие, названное инфинитивом. Отметим и еще одну важную деталь: глаголы-сказуемые в подобных конструкциях (*кликнуть кого-то принести, послать кого-то принести* и под.) включают в свое значение не одно действие: *кликнуть* (реже *крикнуть*), *позвать* – значит *позвать и попросить*; *послать* – значит *послать и попросить*. Там, где в одном глаголе может быть дважды заключен признак каузации, видимо, нет необходимости дублировать его с помощью субстантива. Это может, на наш взгляд, оправдывать отсутствие в конструкции одного из главных компонентов – существительного, от которого непосредственно зависит инфинитив. Второй субстантив, даже материально не выраженный в конструкции, сохраняет в пресуппозиции отношения с инфинитивом как средство с целью, как орудие совершения потенциального действия с самим этим действием, как прямой объект со значением отдаленного признака. Отдаленное значение признака обусловлено конкретным значением существительного, называющего лицо, или приближенным к конкретному неопределенным местоимением *кто-то*.

Пропущенный компонент в винительном падеже со значением лица-функционера является постоянной, регулярной составляющей в такого типа конструкциях. Так же регулярно в них отсутствует, но восстанавливается существительное с семантикой *приказ, просьба*: «Послали в Московскую верных лазутчиков *навести справки* у гостиничной администрации» (А. Куприн); «Ну вот что, граждане, звоните сейчас в милицию, чтобы выслали *пять мотоциклистов* с пулеметами профессора *ловить*» (М. Булгаков); «Сейчас же были отправлены *разъезды ловить* разбредшихся в лесу немцев» (Н. Гумилев). В

приведенных примерах употребление субстантивов обусловлено кон- ситуативно: оно возможно лишь в данной схеме предложения. Ср.: *послали лазутчиков навести справки, выслали пять мотоциклистов профессора ловить* при невозможности построений типа *лазутчиками навести справки, лазутчики навести справки* и т. п.

Инфинитив здесь выполняет функцию обстоятельства цели и имеет оттенок назначения, прогнозируемый наличием существительного со значением лица-функционера, содействующего осуществлению процесса или осуществляющего процесс. Существительные *просьба, приказ* восстанавливаются по смыслу. Ср.: *послали разьезды с приказом, послали пять мотоциклистов с приказом...*

Обращает на себя внимание тот факт, что существительное *разьезды* (см. пример из Н. Гумилева) употреблено не в винительном падеже, а в именительном, но пассивная конструкция со страдательным причастием в составе сказуемого и в этом случае позволяет квалифицировать предложение как неполное. Ср.: *отправили разьезды с приказом ловить немцев*.

Наличие в обществе отношений старшего – младшего, господ – слуг, офицера – рядового, которое может быть выражено в языке, а также возможность выражения в одном глаголе *послать* двух каузаций (*послать* и *попросить*) позволяет восстанавливать по смыслу конструкцию с присубстантивным инфинитивом и в предложениях типа «Надо *послать* им *сказать*» (Л. Толстой); «Приказчики... тотчас заговорили о необходимости назавтра *свезти* остальные снопы ржи и *послать двоить*» (Л. Толстой). Ср.: *послать слугу с заданием сказать; послать слуг с заданием двоить*.

Пределы свертывания конструкций в предложениях подобного типа различны: в них может отсутствовать существительное со значением *просьба* (*отправлены разьезды ловить... немцев*) или оба существительных (*послать двоить*).

Параллельно рассмотрим примеры с полным выражением схемы: «Но когда Хохряковы окончили свой черед, он *послал* к ним адъютанта *с просьбой узнать*, не будут ли они так любезны, чтобы повторить свой танец» (А. Куприн); «В результате Новгородская сессия *направила* в Москву ходяков *с просьбой рассмотреть* вопрос об уменьшении поставок мясо-молочных продуктов в союзно-республиканский фонд» («Комсомольская правда»).

Здесь инфинитив оказывается зависимым от трех компонентов: *послал узнать, адъютант должен узнать, с просьбой узнать; направила рассмотреть, Москва должна рассмотреть, с просьбой рассмотреть*. В предложениях отчетливо различаются три действующих лица: *он, адъютант, Хохряковы; сессия, ходоки, Москва*. В обоих примерах инфинитив – дополнение с оттенками определения и обстоятельства цели. Однако в первом примере возможен пропуск существительных (*послал к ним узнать*), а во втором – невозможен.

Возможность пропуска существительных в данном типе конструкций позволяет констатировать усиление оттенка обстоятельства цели у инфинитива.

1.2.2. Конструкции с пропущенным инфинитивом

По разным причинам в конструкции может отсутствовать инфинитив: «Прежде всего, мне предстоит *выбор: вернуться, сдать, добровольно пойти* на конвейер или ...» (В. Суворов). В предложении отсутствует часть высказывания, которая предположительно должна означать *скрыться, бежать*. В предложении и за его пределами нет этих слов, но, по негласной договоренности с автором, читатель воспроизводит их, поскольку на них указывает союз *или* и многоточие в конце предложения.

Конструкция с присубстантивным инфинитивом может обнаруживать семантическую связь со словами за рамками простого предложения, и тогда субстантив повторяется, но без инфинитива (который восстанавливается из текста): «В избе, пока шел неприятный разговор, у Рыбака еще было какое-то *желание проучить* старосту, но потом, когда занялись овцой, это желание постепенно исчезло» (В. Быков).

Существительное может заменяться близким ему по значению модальным словом: «Он жил, наверно, лишь *по привычке жить*, а не от желания ...» (А. Платонов); «В секунду он преодолевал рискованное теперь *желание броситься* туда, пока была такая возможность, но сдержался ...» (В. Быков); «*Шевелиться*, за почтой вниз *сходить* – и на то *сил* нет, но главное – *желания*» (В. Астафьев).

Инфинитив восстанавливается иногда из предтекста, где он примыкает к глаголу, от которого образуется существительное, функ-

ционирующее затем в усеченной конструкции: «В тот день за обедом Лена *предложила пойти* к Гоге Красавину и *поговорить* с ним. Очевидно, Коле неожиданное это *предложение* показалось почти предательством» (А. Шаров); «Некоторые отчаянные смельчаки время от времени *пытались разговариваться* с приезжими, но во всех этих *попытках* была заметная нервозность» (Б. Окуджава).

В этих примерах вторая часть высказывания – простое предложение (в первом) и часть сложного (во втором) – оказывается по смыслу неполной именно из-за отсутствия инфинитива. Эти примеры убедительно подтверждают смысловую и грамматическую связь инфинитива с глаголом и образованным от него существительным, ср.: *предложила пойти и поговорить* – предложение *пойти и поговорить*; *пытались разговариваться* – попытка *разговариваться*.

Для всех примеров характерна грамматическая актуализация недостающего при субстантиве инфинитива с помощью указательного местоимения *это*.

Иногда существительное оторвано от инфинитива, являющегося частью непростого сказуемого в предложении; место инфинитива формально занимает указательное местоимение *этот, такой*, но по смыслу мы восстанавливаем известную конструкцию: «**Возбуждать** же мою *досаду* ... вы можете и, признаюсь, *злоупотребляете* этой *способностью*» (З. Гиппиус); ср.: *способностью возбуждать досаду*. «Восьмой, как самой ослабленной, **надо будет выделить больше**, но что-то удерживало комбата от такого *намерения*» (В. Быков); ср.: *от намерения выделить больше*. Формально конструкцию, находящуюся в подобных условиях, можно считать неполной.

Стремлением к лаконичности и точности выражения объясняется и следующий вид конструкции: «Но, несмотря на *желание* Степана Аркадьевича и их взаимное *желание*, им *говорить* было нечего, и оба это чувствовали» (Л. Толстой); ср.: *желание говорить*. Формальная связь обстоятельства уступки с глаголом-сказуемым обеспечивает возможность констатировать присутствие конструкции с присубстантивным инфинитивом.

Усеченные конструкции с присубстантивным инфинитивом коррелируют с конструкциями, в которых компоненты эксплицированы. Таким образом, исследуя особенности контекстуально неполной

конструкции, мы можем уточнить оттенки синтаксических функций присубстантивного инфинитива в полной конструкции.

1.3. Порядок компонентов в конструкции с присубстантивным инфинитивом

Одним из условий оформления конструкции является порядок ее компонентов. Традиционным порядком компонентов в конструкции с присубстантивным инфинитивом принято считать постпозицию инфинитива [153, с. 9]. Наиболее обычна контактная постпозиция: «Я надеюсь, что вы *найдете* в нем *сочувствие* и *желание содействовать* всему разумному» (Л. Толстой); «*Мысль не застать* уже ее в Пятигорске молотком ударяла мне в сердце!..» (М. Лермонтов); «Однако у меня *хватило мужества лежать* в таком неудобном положении, чтобы не всполошить глухаря» (А. Куприн); «Я подсел, тоже чрезвычайно обрадованный, в надежде *доехать* с ними домой» (И. Бунин).

Такая позиция характерна для несогласованного определения. Необходимо, конечно, учитывать и другие факторы, но следует согласиться с тем, что инфинитив с преобладающим значением определения почти всегда занимает позицию сразу за определяемым существительным.

Инфинитив может находиться в дистантной постпозиции, если отделен от субстантива другими компонентами предложения: «Но она даже *мысли* не допускала никогда, несмотря на все *уговоры* нашего отца, *покинуть* родное гнездо, *поселиться* в Лунева» (И. Бунин); «Правда, в том и была главная *ослаба* для его вечно подозрительного внимания: *довериться, отдаться доверию*» (А. Солженицын).

В первом примере наблюдается явная тенденция к обособлению: *мысли не допускала* – *покинуть родное гнездо, поселиться в Лунева*. Конструкция с отрицанием при сказуемом, с инверсионным расположением компонентов (субстантив, глагол-сказуемое, затем – инфинитив) создает условия для обособления инфинитивной группы, возникновения в предложении третьего предикативного центра (второй предикативный центр создает обстоятельство с уступительным значением – *несмотря на все уговоры нашего отца*). Ср.: *отец уговаривал ее,*

чтобы она покинула родное гнездо, но она и мысли об этом не допускала. Инфинитивный оборот в этом предложении имеет значение определения и дополнения: *мысли* – какой? о чем? – **покинуть** родное гнездо... Трудно решить вопрос о том, какое значение преобладает: *мысль* – какая? Но существительное «отпустило» от себя инфинитив; существительное соотносится по образованию с глаголом *мыслить* (в смысле – *думать, хотеть покинуть*): *не допускала мысли* – сказуемое, приближающееся по семантике к описательным оборотам – *очень не хотела*. Сохранение существительным синтагматических свойств производящего глагола, в частности, возможности иметь при себе зависимый инфинитив, отнесенность инфинитивного оборота к сказуемому, отсутствие обособления – все это позволяет решить спор в пользу дополнения. Значение определения выступает здесь в качестве оттенка.

Во втором примере обособленный инфинитивный оборот относится к существительному *ослаба*. Обособление инфинитивного оборота имеет назначение – уточнить указательный компонент *в том*. Именно этот компонент играет здесь решающую роль в квалификации синтаксической функции инфинитивного оборота как уточняющего дополнения: *в том* – в чем именно? – *и была главная ослаба* – чтобы *довериться, отдаться доверию*. Уточнение двойное: во-первых, весь инфинитивный оборот уточняет дополнение *в том*; во-вторых, в инфинитивном обороте дважды повторяется мысль: *довериться, отдаться доверию*. В данном примере, безусловно, у инфинитива преобладающим является значение дополнения, а значение определения выступает в качестве оттенка.

Дистантная постпозиция и препозиция инфинитива наблюдается крайне редко; при отрыве инфинитива от существительного наблюдается тенденция к его обособлению, вследствие чего он приобретает добавочные оттенки значения.

Очень редко инфинитив располагается перед существительным. В таких случаях в конструкции обнаруживается инверсия компонентов, «инверсионный порядок» [105, с. 272].

Среди инверсионных построений находим примеры безличных предложений со сказуемым, выраженным отрицательным словом *нет*, глаголом *не было* и связанными с ними существительными:

«[Месяц] станет низко и висит, навверх *ползти бодрости нету*» (З. Гиппиус); «... Я никогда не вижу никаких иностранцев, *общаться* с ними у меня *нет* никакой *охоты* ...» (М. Булгаков); «Дальше там шли озорные слова ..., но *договорить* их у Акима *не хватило дыхания*» (В. Астафьев); «Дальше *терпеть* *не будет* уже *надобности*» (В. Быков). Имя существительное прочно привязано к сказуемому, так что нельзя к инфинитиву поставить вопрос от существительного, несмотря на то, что существительные обычно непроизводны. Здесь часто наблюдается связь не с существительным, а с составом сказуемого: *нету бодрости* – на что? – *ползти навверх*; *нет охоты* – на что? – *общаться с ними*; *не хватило дыхания* – на что? – *договорить их* (слова); *не будет надобности* – в чем? – *дальше терпеть*. Сильная смысловая связь инфинитивов с распространителями *навверх ползти, общаться с ними, договорить их, дальше терпеть*, а также сильная смысловая связь сказуемых с субстантивами *нету бодрости, нет никакой охоты, не хватило дыхания, не будет уже надобности* делит предложение на две смысловые части. Необособленное положение инфинитива, отделенного от существительного другими словами, не позволяет квалифицировать инфинитив как определение. Вероятно, он выступает здесь в роли детерминирующего дополнения, так как эти существительные вообще не сочетаются с инфинитивом. Ср. невозможность соединения типа *дыхание договорить, бодрость ползти* и др. под.

Инфинитив может употребляться в препозиции при существительных с оценочным значением: *мастер, мастерица, любитель, не дурак, мастак* и др.

Например: «Но так как *лгать* Наташка *была не мастерица*, то и пришлось ей развивать другое *умение: увертываться*» (И. Бунин).

По мнению П. А. Леканта, подобные существительные представляют собой «несогласуемый именной член» в аналитических неспециализированных формах составного глагольного сказуемого [90, с. 79 – 80]. Авторы «Русской грамматики» находят между такими существительными и постпозитивным инфинитивом «отношения информативного восполнения» [128, с. 62]. Заметим, что исследователи не рассматривают конструкций с препозитивным инфинитивом. Между тем примеры подобного плана представляют интерес, по-

сколькx отсутствие обособления не позволяет говорить об атрибутивной функции инфинитива как основной. Зато значение дополнения подтверждается возможностью постановки вопроса от существительного к инфинитиву и трансформацией инфинитива в однокоренное существительное: *не мастерица* – на что? – *лгать*; *не мастерица* – чего? – *лжи*. Инфинитив имеет здесь добавочное значение признака по действию, которым он характеризует существительное. Подобную функцию у инфинитива находим и в других случаях употребления его при существительных с оценочным значением с инверсией компонентов: «Да ничего у них нету! Она только *лаяться*, табак *курить* да водку *жрать мастера!*» (В. Астафьев); «Вообще-то *бегают* он был *мастак*, именно был» (В. Быков).

Порядок расположения компонентов в конструкции – не главное, но важное звено в критериях оценки синтаксических функций присубстантивного инфинитива.

Отдаленность зависимого инфинитива от опорного существительного, особенно при препозиции инфинитива, как представляется, ослабляет его определительное значение. Во многих примерах с необычным расположением компонентов на первый план выступают объектные отношения, а значение признака у инфинитива слабеет, поэтому мы склонны полагать, что необособленный инфинитив в препозиции или дистантной постпозиции – детерминирующее дополнение с оттенком значения определения.

1.4. Обособление присубстантивного инфинитива

Инфинитив (инфинитивный оборот) может быть обособлен. На письме при этом обычно используется тире, реже – двоеточие: «Возымел он идею – *ввести* в нашей деревне китайскую культуру пшеницы, грядковую» (К. Федин); «А у меня есть *забота* – *выхаживать* того пацана» (К. Паустовский); «Злодейская же шайка к тому же решила применить излюбленный бандитский *прием* – *уходить врасыпную*» (М. Булгаков); «Это было нарушением годами сложившегося в квартире *правила*: на ночь дверь обязательно *брать на цепочку*» (А. Рыбаков); «Возник, видите ли, *план*: *создать* большую *серию* драматических картин и инсценировок для кинематографа ...» (К. Федин).

Известно, что чаще всего обособляются определения и обстоятельства, а дополнения обособляются крайне редко. Обстоятельства же редко обнаруживают подчинительную связь с компонентами предложения, выраженными существительными. Поэтому обособленный инфинитив при отвлеченных существительных есть основания квалифицировать как несогласованное обособленное определение. Тот факт, что обособленный инфинитив часто обнаруживается в составе ремы, можно расценивать как проявление сопутствующей предикативности [149], это в различной степени свойственно обособленным членам предложения. В. И. Фурашова принадлежит мысль о том, что обособленный присубстантивный инфинитив больше оснований считать именно определением, а не дополнением или обстоятельством, но «при изучении обособленных определений, выраженных инфинитивом, необходимо обращать внимание ... на возникающие при обособлении особые оттенки значения» [151, с. 90].

Крайне редко встречаются случаи обособления одиночного инфинитива в позиции конца предложения. В таких предложениях обычно прямой порядок слов, то есть сказуемое следует за подлежащим, а инфинитив относится либо к самому подлежащему, либо к существительному в составе сказуемого: «Громче всех ведь кричал. *Мода* была – **кричать**» (В. Дудинцев); «Пожалуй, ради нее я готов был простить юного террориста, но, увы, педсовет вынес единодушный *приговор* – **исключить**» (В. Тендряков); «Но глупости и скуки не стало меньше в области критики. Так что же, не вступать с ними в бой? Все чаще я ловлю себя на таком *желании* – **не вступать**» (Н. Крымова).

Если бы в первом предложении глагол *быть* не имел вещественного значения, то можно было бы предположить, что инфинитив выступает в роли подлежащего (при обратном порядке слов). Однако он выполняет функцию обособленного определения и имеет оттенок присоединения.

Во втором предложении на значение определения у инфинитива накладываются значения присоединения и обстоятельства цели: *вынес приговор* – с какой целью? – **исключить, чтобы исключить**.

В третьем предложении значение определения у инфинитива поддерживается указательным местоимением *такой*, выполняющим

роль согласованного определения при существительном *желание*. Таким образом, на значение определения накладываются значения пояснения, уточнения: *на таком желании* – на каком именно? – *не вступить в бой*.

Инфинитив в позиции конца предложения обнаруживает тенденцию к парцелляции: «... У тебя будет такая *задача*: *сидеть* и *молчать*. И *слушать*». Следует признать, что случаи парцелляции при субстантивного инфинитива крайне редки. В приведенном примере определительное значение инфинитива усиливается указательным местоимением *такая* и ролью имени существительного в предложении. Здесь оно – подлежащее.

Объектные отношения проявляются в конструкциях с существительными типа *просьба, приказ*. Если в таких предложениях отчетливо различаются действующие лица, то у нас есть все основания полагать, что инфинитив имеет в качестве основной функции дополнение: «А Александру Сергеевичу мы достанем такое высочайшее *повеленье* – тифлиссские воздуха *покинуть*» (Ю. Тынянов); «Я вижу в этих волнениях руку Промысла, который, кажется, задает человеку нескончаемую *задачу* – *стремиться* вперед, *достигать* свыше предназначенной *цели*...» (И. Гончаров).

Приведенные примеры интересны тем, что в них инфинитивные обороты буквально насыщены различными синтаксическими коннотациями. Предложения объединяются между собой общностью этих компонентов синтаксических значений. Значение дополнения у инфинитивных оборотов обусловлено синтагматическим «наследством» от производящих для существительных глаголов. Ср.: *повелеть покинуть* – *повеление покинуть*. Существительные *повеленье* и *задача* близки по значению к лексической группе каузативных существительных *просьба, приказ*, компоненты которой образуют с инфинитивом преимущественно объектные конструкции. Это является, пожалуй, главным основанием для обнаружения в инфинитивных оборотах значения дополнения как основного. Оттенок определения обусловлен зависимостью инфинитивных оборотов от существительных, возможностью постановки вопросов «какое?» *повеленье*, «какую?» *задачу*, а также обособлением. В предложении из Ю. Тынянова имеет также значение то, что при существительном есть препозитивный ме-

стоименный распространитель *такое*, предполагающий определенное наполнение контекстным содержанием. Значение обстоятельства цели обусловлено двойной зависимостью инфинитивных компонентов (от существительного и от глагола-сказуемого), семой намерения, наблюдающейся в лексическом значении сказуемых, а также возможностью трансформации конструкции в синонимичные с союзом *чтобы*, *достанем ... повеленьице* – с какой целью? – *чтобы он покинул тифлисские воздуха; задает задачу* – с какой целью? – *чтобы они стремились вперед*. Кажется уместным находить здесь у инфинитивных компонентов и оттенок назначения. Особо следует отметить значение сопутствующей предикативности инфинитивных оборотов. Однако оттенки, присущие обособленным инфинитивным компонентам конструкции, в этих предложениях разные: в первом примере наблюдается оттенок присоединения, а во втором – пояснения.

Мы не ставим перед собой задачи уточнить условия возникновения у обособленного инфинитива оттенка пояснения, уточнения и присоединения, поскольку считаем объективным исследование этого вопроса в книге В. И. Фурашова [151].

Следует согласиться с тем, что знаки препинания при обособлении (тире и двоеточие) часто субъективны и скорее не оттенки обособленных членов зависят от постановки знаков, а наоборот, постановка знаков зависит от возникающих у обособленных компонентов синтаксических значений, что подробно исследовано в работе Н. Г. Ключова [76]. На наш взгляд, интересным может стать исследование различий синтаксических оттенков у обособленного инфинитива (инфинитивного оборота), примыкающего в предложении к существительным, выполняющим в предложении различные функции: подлежащего, части непростого сказуемого, второстепенных членов.

Выводы по первой главе

1. Проблема разрешения синтаксического синкретизма присубстантивного инфинитива может быть объективно решена лишь при анализе явления в предложении, но не в словосочетании. Инфинитив, примыкающий к существительному, совмещает в себе в различной мере синтаксические значения определения и дополнения. В предло-

жении «Саше Краюшкиной *было дано* молчаливое *согласие копать* в отдалении, в уголке пожарища...» (В. Астафьев) объектная позиция инфинитива при отчетливо различающихся действующих лицах обеспечивает ему преобладание значения дополнения, а значение определения делает добавочным. В предложении «*Саша дала согласие копать в отдалении...*» у инфинитива субъектная позиция, поэтому в нем преобладает значение определения, а функция дополнения оказывается вторичной. В словосочетании *согласие копать* такая дифференциация невозможна, в нем также невозможно отметить и присущий инфинитиву в обоих предложениях оттенок обстоятельства цели, обусловленный семой намерения в лексическом значении сказуемого.

2. Учет предложенческих связей присубстантивного инфинитива позволяет отличать конструкцию с присубстантивным инфинитивом от сходных конструкций.

В исследовании не рассматриваются конструкции, в которых компоненты фразеологически связаны (*язык не поворачивается сказать, рука не поднимается ударить*), поскольку здесь не присубстантивный инфинитив, а инфинитив, примыкающий к фразеологической единице. Однако примыкание инфинитива к описательным оборотам, выступающим обычно в качестве сказуемого, в котором слова сохраняют относительную самостоятельность (смысловую и грамматическую), позволяет находить синтаксическую самостоятельность инфинитива и решать проблему его синтаксического синкретизма и дополнительных оттенков его синтаксических значений: «Касьянка всем давала хозяйские наказания *не спешить...*» (В. Астафьев). Присубстантивный инфинитив в предложении – дополнение с оттенком определения и обстоятельства цели.

3. Анализ отношений между членами предложения позволяет увидеть конструкцию и там, где ее компоненты материально не выражены.

Существительное может быть пропущено и восстановлено из текста в распространенных предложениях: «...У публики *создалось настроение слушать*, у Толы – *говорить*» (Н. Сац).

Существительное не повторяется, если компонент, выполняющий роль опорного для инфинитива, выражен количественно-

именным сочетанием: «Перед ним было *три пути*. Чрезвычайно соблазнял *первый*: **кинуться** на эти лампы ... и все их ... **перебить**. ... Был *второй*: немедленно **начать повествование** о консультанте и Понтии Пилате. Поэтому Иван и от этого пути отказался, решив избрать *третий*: **замкнуться в** гордом **молчании**» (М. Булгаков).

Субстантив может быть в конструкции заменен словом *один* в различных формах: «Из поручений досталось ему, между прочим, *одно*: **похлопотать** о заложении в опекунский совет несколько сот крестьян» (Н. Гоголь).

Присутствие существительного не является обязательным в конструкциях, где сказуемое в предложении выражено глаголами *дать/давать, искать, устойчивыми сочетаниями взять на себя, позволить себе*: 1) «Ивановский еще немного прополз под кустарником, чтобы *дать* своей растянувшейся-таки группе **подобраться** поближе...» (В. Быков). Ср.: *дать подобраться* – *дать возможность подобраться*; 2) «Он был безмолвен и *не искал* **выделиться**» (О. Форш). Ср.: *не искал выделиться* – *не искал случая выделиться*; 3) «И если у нас в городе ... некоторые *позволяют* себе **роскошь не походить одеждой** на других ..., то ... нам здесь не до того, мы все здесь заняты делом» (Б. Окуджава). Ср.: *позволить себе роскошь не походить одеждой на других* – *позволить себе не походить одеждой на других*.

В конструкциях может отсутствовать существительное со значением *просьба*: «*Послали* в Московскую верных лазутчиков **навести справки** у гостиничной администрации» (А. Куприн). Отсутствие существительных с каузативным значением *просьба, приказ, задание* обусловлено наличием в отдельных глаголах двойной каузативности: *послать* – значит *послать и попросить*. В таких предложениях обычно присутствуют существительные со значением лица-функционера: *лазутчики*. Наличием в обществе отношений *старшего/младшего* объясняется возможность отсутствия обоих существительных: «Надо **послать** им **сказать**» (Л. Толстой). Ср.: *надо послать слугу с заданием им сказать*.

В значительно распространенных структурах простых и сложных предложений в конструкции может отсутствовать, но восстанавливаться из текста или по смыслу инфинитив: «В избе, пока шел неприятный разговор, у Рыбака еще было какое-то *желание* **проучить**

старосту, но потом, когда занялись овцой, это его желание постепенно исчезло» (В. Быков); «Он *жил*, наверно, лишь *по привычке жить*, а не от желания...» (А. Платонов); «В тот день за обедом Лена *предложила пойти* к Гоге Красавину и *поговорить* с ним. Очевидно, Коле неожиданное это *предложение* показалось почти предательским» (А. Шаров).

В конструкциях с отсутствием субстантива теснее становится связь инфинитива с глаголом-сказуемым. Синтаксическое значение дополнения или обстоятельства, присущее инфинитиву в этом случае, частично сохраняется у него и в полной конструкции.

Для усеченных конструкций с материально не выраженным инфинитивом характерна его грамматическая актуализация с помощью указательных слов *этой, такой* и подобных, что эксплицирует атрибутивное значение инфинитива в полной конструкции.

4. Традиционным порядком компонентов в конструкции принято считать контактную постпозицию инфинитива: «Я надеюсь, что вы найдете в нем *сочувствие* и *желание содействовать* всему разумному» (Л. Толстой).

Дистантная постпозиция инфинитива в предложении наблюдается крайне редко: «Но она даже *мысли* не допускала никогда, несмотря на все *уговоры* нашего отца, *покинуть* родное гнездо» (И. Бунин).

Среди инверсионных построений отчетливо выделяются примеры безличных предложений со сказуемым, выраженным отрицательным словом *нет*, глаголом *не было* и связанными с ними существительными: «[Месяц] станет низко и висит, наверх *ползти бодрости нету*» (З. Гиппиус); «Дальше *терпеть не будет уже надобности*» (В. Быков).

Инфинитив может употребляться в препозиции при существительных с оценочным значением *мастер, охотник, не дурак*: «Но так как *лгать* Наташка была *не мастерица*, то и пришлось развить ей другое *умение: увертываться*» (И. Бунин).

Необособленное положение инфинитива, отделенного от существительного другими словами, не позволяет квалифицировать инфинитив как определение. Зато значение дополнения подтверждается возможностью постановки вопроса от существительного к инфинитиву и трансформацией инфинитива в однокоренное существительное:

не будет надобности – в чем? – терпеть, в терпении; не мастерица – на что? – лгать, не мастерица лжи.

Из этого следует, что порядок расположения компонентов в конструкции с присубстантивным инфинитивом может оказывать влияние на преобладание у инфинитива синтаксических функций дополнения или определения.

5. Инфинитив (инфинитивный оборот) в конструкции может быть обособлен. На письме при этом обычно используется тире, реже – двоеточие: «А у меня *забота* – ***выхаживать*** того пацана» (К. Паустовский); «В сердце был *порыв*: ***отблагодарить*** несчастную» (Г. Горбовский). Известно, что чаще всего обособляются определения и обстоятельства, а дополнения обособляются крайне редко. Обстоятельства же редко обнаруживают подчинительную связь с компонентами предложения, выраженными существительными. Поэтому есть основания в большинстве случаев (кроме объектной позиции) квалифицировать обособленный инфинитив при существительном как несогласованное определение. Следует отметить, что в обособленном положении у инфинитива появляются и другие добавочные значения, которые в необособленной позиции не отмечаются: оттенки пояснения, уточнения и присоединения [151, с. 90].

Глава 2. КРИТЕРИИ РАЗГРАНИЧЕНИЯ СИНТАКСИЧЕСКИХ ФУНКЦИЙ ПРИСУБСТАНТИВНОГО ИНФИНИТИВА В ПРЕДЛОЖЕНИИ

Квалификация любого синкретичного явления – задача немаловажная и весьма нелегкая. Инфинитив – особенная форма, не обнаруживающая формальных показателей связи ни в позиции главных членов предложения, ни в зависимой позиции, как обнаруживают эти показатели спрягаемые формы глагола или формы имен. Его можно встретить в морфологических парадигмах разных членов предложения, но не в качестве типичного представителя (за исключением парадигмы обстоятельства цели при глаголах движения и некоторых других глаголах).

2.1. О недостаточности морфологического критерия

Известно, что точка зрения, усматривающая в морфологическом выражении компонента его форму, а в выполняемой им роли члена предложения – функции, не выдерживает проверки синтаксическим критерием. Одна и та же морфологическая форма с разным семантическим наполнением может выполнять различные функции, следовательно, морфологических показателей недостаточно, чтобы они служили признаками формы на синтаксическом уровне [64, с. 5]. «Синтаксические признаки второстепенного члена предложения заключены во всех связях данного слова с другими, а не только в его морфологически выраженных значениях», – писал Р. И. Аванесов [1, с. 56]. В этой связи интересна мысль Л. В. Щербы, который утверждал, что мы находимся под гипнозом морфологических форм, а язык имеет в своем выражении такие выразительные средства, которыми он побеждает морфологические формы [176, с. 101].

Неизменяемая форма – инфинитив, как представляется, обладает именно такими выразительными средствами: он может быть синсемантическим и автосемантическим, может обладать такими коннотативными значениями, которые обеспечивают разнообразные валентности [12, с. 172] и, как следствие, новые оттенки синтаксических значений.

2.2. О методике вопросов

Поскольку инфинитив, являясь неизменяемой формой, не обнаруживает формальных показателей связи с главным словом, для определения его синтаксической функции требуются особые критерии. Существенным среди приемов квалификации инфинитива является прием постановки вопросов от главного слова.

Известно, что А. М. Пешковский отрицал методику вопросов, утверждая, что «в функции ... обнаружения и распознавания грамматических категорий вопросные шаблоны ... должны быть изгнаны из школы без всякой замены» [117, с. 49]. Однако ученые постоянно пользуются смысловыми вопросами для различения синтаксических функций второстепенных членов предложения. А. Б. Шапиро, например, писал, что все второстепенные члены, служащие для характеристики слов с предметным значением и отвечающие на вопросы: какой? чей? который? – следует назвать определением [166, с. 16]. Одним из способов распознавания второстепенных членов предложения А. Г. Руднев считал смысловые вопросы: «Грамматическое значение каждого члена предложения вскрывается через смысловые вопросы, которые ставятся с учетом лексического (вещественного) значения слов, обстановки, содержания мысли предложения в целом, с точки зрения „здорового смысла“ [126, с. 20]. А. Г. Руднев предлагает разделить члены предложения на ясные и неясные и при распознавании неясных случаев опираться на морфологически ясные [126, с. 22]. Возможно, исходя из такого понимания, предлагает свою методику вопросов и Л. Д. Чеснокова. Она приходит к выводу, что, поскольку вопросительные местоимения, используемые в качестве вопросов к членам предложения, выступают как заменители определенных членов, постольку словоформа, к которой задается вопрос, оказывает влияние на выбор самого вопросительного местоимения, в той или иной степени предопределяя его [157, с. 6].

Таким образом, методика вопросов не только не должна быть «изгнана», но и может быть использована самым активным образом. Она содержит сразу два приема научного анализа: собственно смысловой вопрос и способ подстановки, то есть актуализации идентифицируемого члена предложения в вопросительном местоимении. Это предполагает достижение определенного результата при квалификации присубстантивного инфинитива. Например, в предложении «Мне вовсе не хотелось, чтобы она выпрашивала у Николая Антоновича позволения *бывать у них*» (В. Каверин) к инфинитивному обороту *бывать у них* можно поставить следующие смысловые вопросы: *позволение – какое?* и *позволение – о чем? – бывать у них; выпрашивала позволение – с какой целью? – чтобы бывать у них*. Как видим, вопросительные слова позволяют квалифицировать инфинитив и как определение, и как косвенное дополнение, и как обстоятельство цели. Наблюдения позволяют определять в данном случае совмещение в инфинитиве значений трех разных второстепенных членов предложения: определения, дополнения, обстоятельства. В другом примере инфинитив обнаруживает совмещение синтаксических значений определения и дополнения: «Я не полагаю, чтоб я имел *право отказать ей*» (Л. Толстой). *Право – какое?* и *право – на что? – отказать ей...*

Смысловые вопросы – довольно сильный квалификационный критерий, с их помощью можно находить с трудом уловимые оттенки значений в синтаксических членах предложения: «Какое великое *наслаждение* испытал я *нет* Льву Николаевичу» (Литературная газета). Ср.: *наслаждение – какое?* в чем? – *нет*; *испытал – по какой причине? – нет Льву Николаевичу*.

Прием применения смысловых вопросов, однако, нельзя считать единственным приемом при синтаксической квалификации инфинитива. Он – важное звено в комплексе критериев идентификации, основу которого, на наш взгляд, составляет семантика существительного.

2.3. Об учете семантики имени существительного

Одним из важнейших факторов квалификации синтаксических функций и оттенков значений инфинитива является семантика существительных, присоединяющих к себе зависимый инфинитив. Необ-

ходимыми для определения синтаксической функции инфинитива считаем следующие значения существительного: 1) деривационное, определяющее происхождение существительного от какой-либо части речи и сохранение при этом синтагматических возможностей данной части речи; 2) собственно понятийное, которое как «вещественное значение слова тесно связано с его синтаксической функцией» [1, с. 55]; 3) синтаксическое значение существительного.

2.3.1. Деривационные свойства имен существительных

По вопросу о происхождении существительных, используемых в нашей конструкции, среди ученых нет разногласий. Вслед за А. М. Пешковским, исследователи называют отглагольные, отадъективные и не соотносимые по образованию ни с глаголом, ни с прилагательным существительные.

На происхождение существительных и сохранение ими «словообразовательного наследства» при определении синтаксической функции присубстантивного инфинитива опираются авторы «Грамматики русского языка», М. А. Павловская, В. И. Фурашов, В. М. Брицын. В. М. Брицын даже находит, что число существительных, соотносительных по образованию с прилагательными, можно расширить за счет тех существительных, от которых могут быть образованы прилагательные [35, с. 150], на происхождение некоторых существительных от предикативных наречий указывается в «Грамматике русского языка» [55, с. 292].

А. Н. Гвоздев считает, что инфинитив, отнесенный к отглагольному существительному, в зависимости от того, насколько сильна связь этого существительного с глагольной основой, может выполнять функцию то дополнения, то определения [50, с.119].

Это общее положение следует всегда иметь в виду, однако нельзя не согласиться и с утверждением Л. В. Аникиной, что отнесение некоторых существительных к отглагольным, отадъективным или непроизводным может быть спорным [9, с. 4]. Л. В. Аникиной принадлежит мысль о том, что нельзя делать заключение о синтаксической роли инфинитива, не опираясь на анализ всей конструкции [9, с. 5].

Таким образом, в соответствии со шкалой атрибутивной валентности субстантивов [148] при всех прочих равных условиях к опреде-

лению ближе инфинитив, зависимый от непроизводного имени существительного, затем – от отадъективного и только потом – от отглагольного.

Учет факторов связи синтаксических оттенков инфинитива со «словообразовательным наследством» существительных должен подкрепляться другими факторами: субъектно-объектной организацией предложения, лексическим значением существительных и другими.

2.3.2. Лексико-семантические группы имен существительных

Определение лексических значений опорных существительных в конструкции с присубстантивным инфинитивом тесно связано с поиском системных отношений в лексике.

Исследователи, наблюдавшие различные особенности инфинитива в русском языке, с редким постоянством отмечали одно из значений слов, способных присоединять к себе инфинитив, – модальное. Считается, что первым обратил на это внимание А. Х. Востоков. В «Русской грамматике» он дал первую классификацию слов, при которых употребляется инфинитив. Среди них названы фазисные глаголы, другие глаголы и имена, имеющие 1) значение расположения и нерасположения к действию; 2) значение возможности и потребности действия; 3) значение допущения и воспрещения действия [47, с. 235]. Интересно, что классификация эта проведена не по частям речи, а по семантическим гнездам, что в нее попали только два существительных – *досуг* и *пора*. В дальнейшем, вплоть до 50-х годов XX века, вопрос об имени существительном, способном присоединять к себе инфинитив, ставился лишь в общих чертах: подтверждалось, что оно носит в основном отвлеченный характер и модальную окраску.

С начала 50-х годов обнаружился большой интерес к исследованию словосочетаний с зависимым инфинитивом. А. И. Моисеев, Н. А. Метлина, Н. Г. Чиликина, М. А. Павловская, Р. С. Зуева, С. С. Петровская, Чыонг Динь Бинь, В. М. Брицын сделали ряд попыток классифицировать имена существительные, способные присоединять к себе зависимый инфинитив.

А. И. Моисеев предложил подробную характеристику групп слов, считая, что границы употребления инфинитива в зависимом положении очень широки и определяются главным образом лексиче-

ским значением слов, с которыми он вступает в сочетания, завися от них. Так, рассмотрев подробно сочетания зависимого инфинитива с глаголом и прилагательным, А. И. Моисеев находит, что «семантическая классификация соответствующих существительных довольно интересна: она показывает, что семантические ряды слов, сочетающихся с инфинитивом, здесь примерно те же, что и в других частях речи» [108, с. 131]. Автор выделяет 5 таких семантических рядов имен существительных: 1) существительные, обозначающие возможность/ невозможность и необходимость произвести то или иное действие: *задача, надобность, невозможность, необходимость, нужда, обязанность, право, правило* и др. Особо выделяются при этом *боязнь, опасение, опасность*; 2) существительные, обозначающие способность и расположение «часто непроизвольное», а также активное стремление субъекта к действию: *готовность, дерзость, идея* (в значении *замысел, план*), *мысль* (в том же значении) и другие; 3) существительные, обозначающие побуждение к действию другого лица и запрещение производить действие: *задание, повеление, запрещение*. Особой подгруппой автор отмечает здесь слова, выражающие непосредственный толчок, повод к действию (то есть как бы объективное побуждение к действию): *выгода, надежда, основание, повод, предлог, причина, расчет* и т. п.; 4) существительные, которые в одном из своих значений обозначают лицо, характеризующееся склонностью, умением и т. п. производить то или иное действие, выражаемое зависимым от них инфинитивом: *мастер – мастерица, любитель – любительница, охотник – охотница, мастак, не дурак* и немногие другие; 5) существительные, тяготеющие к категории состояния: *время, пора, недосуг, охота, лень* [108, с. 132 – 134].

А. И. Моисеев занимается вопросом сочетаемости/ несочетаемости тех или иных групп слов с инфинитивом и синтаксическую функцию инфинитива не связывает напрямую со значением лексических групп существительных. Однако в его диссертационном исследовании, посвященном зависимому инфинитиву, находим достаточное и объективное определение значения существительных в конструкции с зависимым инфинитивом: «Общее значение слов, способных сочетаться с зависимым инфинитивом, можно определить как обозначе-

ние различных отношений к действию, исходящих из возможности этого действия» [108, с. 433].

В дальнейшем будут предприняты попытки уточнить состав и количество лексико-семантических групп имен существительных.

Так, М. А. Павловская выделяет 8 лексических групп. Она, пожалуй, единственная, кто с помощью данной классификации пытается решить проблему синтаксических функций инфинитива, предполагая, что возможность синонимической замены инфинитива именем существительным в словосочетании, во-первых, прогнозируется лексической семантикой господствующего субстантива, и, во-вторых, эта возможность сама прогнозирует синтаксическую функцию инфинитива. Однако автор признает недостаточность классификации и приводит примеры слов, при которых инфинитив «трудно уложить в существующую схему членов предложения» [113, с. 105]. М. А. Павловская также утверждает, что «слова с конкретным значением не могут присоединять к себе инфинитив, во всяком случае, в литературном языке» [113, с. 91]. Ту же мысль встречаем и у А. Н. Гвоздева: «...Конкретным существительным инфинитив не подчиняется» [50, с. 119]. С этим нельзя согласиться, во-первых, потому, что факты речи со временем могут становиться фактами языка, во-вторых, потому, что многие исследователи не просто констатируют факты сочетания инфинитива с конкретными именами существительными, но и дают однозначную квалификацию его синтаксической функции (как определения с оттенками предназначенности, обстоятельства цели) [55, 151, 35 и др.].

Количество лексических групп существительных увеличивалось (у В. М. Брицына их более 20), однако приходится признать, что лексико-грамматические значения субстантивов, присоединяющих к себе зависимый инфинитив, до сих пор недостаточно исследованы с точки зрения синтаксических функций примыкающего к ним инфинитива.

Отнесенность существительного к какой-либо лексико-семантической группе как абсолютный критерий квалификации синтаксической функции зависимого инфинитива оставляет в стороне изучение других факторов. Кроме того, нельзя считать решенным вопрос о самих лексико-семантических группах. Действительно, даже количественное расхождение групп существительных у разных ученых (ср.:

5 групп у А. И. Моисеева, 8 – у М. А. Павловской, 5 – у С. С. Петровской и т. д.) подразумевает, что одно и то же существительное может у разных лингвистов оказаться в разных лексико-семантических группах. Одно и то же существительное может быть отнесено к двум и даже трем лексико-семантическим группам, так как многие существительные, присоединяющие к себе зависимый инфинитив, многозначны. Например, существительное *право* может обозначать в предложении *возможность, разрешение, повод, свободу, привилегию* [134, с. 26]: «Но если удастся разрешить непроходимость, пусть лучше воспользуется *правом мне оперироваться*» (Ю. Крелин); «...Достаточно выписать доверенность *на право распоряжаться* валютным счетом» («Комсомольская правда», 24.01.90). Как видим, значение существительного *право* различно: в первом предложении оно обозначает *возможность*, во втором – *разрешение*, а существительные с такими значениями всегда относятся учеными к разным группам. Можно привести еще более яркие примеры, когда существительные в разных контекстах имеют то конкретное, то абстрактное значение (такие, как *средства – деньги* или *условия; поле – аудитория/люди* или *условия* и т. д.).

Выделяя лексические группы имен существительных, ученые преследовали цель объяснить возможность сочетаемости инфинитива. В связи с квалификацией синтаксической функции инфинитива в основном рассматривалась группа со значением *побуждение к действию: приказ, просьба* и др. Однако не менее интересным оказывается исследование неотглагольных немодальных существительных, которые могут включаться в сферу модальности благодаря своим связям с зависимым инфинитивом. Такими, на наш взгляд, являются конкретные и производные существительные.

Конкретно-предметные существительные

Несмотря на то, что к конкретным существительным инфинитив примыкает значительно реже, чем к отвлеченным с модальным значением, среди самих конкретных имен существительных можно выделить несколько групп.

1. Существительные, называющие предметы-орудия действия: *котел (варить уху), ключ (отвинчивать гайки), нож (резать рыбу)* и

др. «Командор предложил нам *котел варить уху*» (В. Астафьев); «Действительно, рискуя жизнью, Трумов бежал в тайгу на глазах надзирателя, водившего его к другой партии, где был *напильник править пилу*» (А. Грин). Осмысливая сочетаемость инфинитива с существительным, находим возможность трансформаций разного типа: 1) *суповой котел, гаечный ключ, рыбный нож* и т. д.; 2) *котел для ухи (для супа), для варки супа, для того, чтобы в нем варить уху; ключ для гаек, для отвинчивания гаек, для того, чтобы им отвинчивать гайки*. Замена сочетания конкретного существительного с зависимым инфинитивом сочетанием с согласованным определением, выраженным относительным прилагательным, позволяет подтвердить мнение об основной функции инфинитива как определительной с добавочным оттенком назначения. Существительные в таких конструкциях сами по себе еще не прогнозируют оттенка цели в значении зависимого инфинитива. Этот оттенок может возникать в предложении со сказуемым, содержащим в лексической семантике компонент намерения (см. первый пример: *предложил котел варить уху*).

2. Существительные, называющие предмет, но менее конкретно: *огонь (огонек), свет, место, поле, ширма, средства* и др. «Он остановил спешно идущего Алпатова и попросил у него *огня раскурить трубку*» (М. Пришвин); «Поди-ка, принеси *огоньку запечатать письмо*» (Н. Гоголь); «И хотя бы не класс, а лист бумаги и *свет* какой-нибудь – *записать* свои мысли» (М. Пришвин); «Помещики, очевидно, искали *места переговорить* так, чтобы их не слышали» (Л. Толстой).

Эти существительные обобщенно называют предмет, значение которого в каждом случае можно конкретизировать: *огонь* может значить *спички, зажигалка, уголек; свет* – *свет свечи, лампочки, фонарика*.

В конструкциях с этой группой конкретных существительных инфинитив выполняет функцию определения с оттенком назначения. Оттенок обстоятельства цели также обусловлен семой намерения в сказуемом: ...*попросил* *огня раскурить трубку; искали* *места переговорить*.

Следует отметить, что в случае с употреблением существительного *огоньку* возможно усечение конструкции: *попросить огоньку*

прикурить – *попросить прикурить*, при этом в предложении должно быть указание на различные действующие лица, иначе смысл усеченной конструкции окажется затемненным (действительно, неясно, кто будет прикуривать – тот, кто просит, или тот, кого об этом просят): «Вот пехотный бойкий солдат... подошел к французу и *попросил* у него *огня закурить трубку*» (Л. Толстой). Ср.: *попросил у него закурить*. Объектность усеченной конструкции в данном случае переходит в объектность полной, где существительное «скрывает в себе» действие лица, которое «может дать закурить». Просит же и будет курить лицо-субъект, подразумевающееся в глаголе-сказуемом и инфинитиве.

Похожа на приведенные выше конструкция с существительным *средства* (в смысле – *деньги*): «В тех условиях только коммерческий успех «Современника» мог спасти Пушкина от катастрофы и дать ему *средства расплатиться* с долгами» (С. Абрамович). Заметим, что конструкция здесь так же ведет себя при усечении: *дать ему средства расплатиться* + *дать ему расплатиться*.

Значение существительного *средства* может быть представлено в предложении значительно шире, чем значение конкретности: «Каховский, мы от тебя отречемся, но дадим тебе *средства бежать* из России, – говаривал Рылеев» (О. Форш). В этом предложении слово *средства* означает не только *деньги*, но и *способ, возможность*.

Поскольку основным значением этой группы существительных является значение предметности, в примыкающем к ним инфинитиве преобладает атрибутивность, а добавочным следует считать оттенок назначения; оттенок обстоятельства цели возникает при наличии семы намеренности действия, называемого сказуемым.

Существительные *свет, место, средства* и другие, входящие в эту группу, многозначны. Некоторые из них могут обнаруживать то конкретное значение, то отвлеченное: «Жуковский снабдил ее *средствами переехать* туда с детьми и прислугой» (К. Зейдлиц). В данном примере слово *средствами* имеет конкретное, предметное значение (ср.: *снабдил ее деньгами*). «...Умоляет меня вместе с ее братом выискивать для нее *средство избежать* ненавистного брака с богатым стариком...» (М. Кузмин). Существительное *средство* в данном случае имеет отвлеченное значение – *возможность*. Заметим, что оно

употребляется здесь в единственном числе (хотя может быть употреблено и во множественном), существительное *средства* = *деньги* в конкретном значении имеет только форму множественного числа.

Следует отметить и тот факт, что инфинитив, употребляемый с подобными существительными, имеющими в контексте отвлеченное значение, тоже имеет оттенок назначения. Ср.: *средствами для переезда; средства, чтобы избежать брака.*

3. Некоторые существительные из группы со значением «побуждение к действию» можно отнести к конкретным: *приказ, указ, сигнал, знак*. В. М. Брицын отмечает сохранение у «девербативов, обозначающих документы, сочетаемости с инфинитивом, хотя бы в рамках узуса» [35, с. 140], и включает в состав этой группы более 20 имен существительных. Он оправдывает включение девербативов в группу конкретных существительных «наличием в их семантической структуре семы *каузирующей, заставляющей, призывающей*. Соглашаясь с мнением В. М. Брицына, позволим себе заметить, что включение подобных существительных в разряд конкретных обусловлено не столько тем, что слово *приказ*, например, обозначает *документ*, а скорее общими с конкретными существительными свойствами: «Помню, как адъютант *подал* мне глазами *знак уходить*» (А. Куприн); «Он *сделал знак читать* и ушел в кресла» (Ю. Тынянов); «*Дав знак пропустить* неизвестного к себе, он увидел человека вульгарной внешности...» (А. Грин). Существительное *знак* имеет общее значение *жест* [133, с. 1274 – 1275]. Это одно из словарных значений, однако в данных примерах оно выражает другие разные смыслы – *приказ, сигнал, разрешение*. Во всех случаях инфинитив объектный. Существительное соотносится по образованию с глаголом (*знак* – *значить*), но глагол в настоящее время не обнаруживает сочетаемости с инфинитивом (ср.: *знак уходить* при невозможности сочетания *значить уходить*). Инфинитив сочетается с глаголом *значить* в том случае, когда глагол играет роль сказуемого: «это значило – *читать*». Такие примеры не имеют отношения к нашей конструкции. Существительное *знак* (в смысле – *жест*) называет действие какого-либо лица. Оно менее конкретно, чем предметные существительные *нож, котел*. Однако в сочетании с инфинитивом обнаруживают свойства, присущие конкретным существительным. Ср.: *знак, чтобы читать*;

какой знак? – *читать*. Определительный компонент значения в примыкающем инфинитиве, как представляется, сильнее, чем компонент значения дополнения, присущий инфинитиву в объектных конструкциях, регулярно образуемых существительными со значением побуждения к действию.

Следует заметить, что эта группа существительных открывает перспективы дальнейшего исследования как с точки зрения отнесения отдельных из них к конкретным, так и с точки зрения синтаксических функций примыкающего к ним инфинитива.

4. К четвертой группе конкретных существительных можно отнести существительные, называющие людей по выполняемой ими функции: *лазутчики, ходоки, разъезд, народ, адъютант, депутат* и др. В этот список входят существительные, обозначающие в контексте исполнителей действия, названного инфинитивом: «И земля, его обиженная жена, вихрем ответила, она *высылает детей* своих *заступиться* за мать» (М. Пришвин); «Тогда уж к нему даже *отправят депутата* *проведать*, что с ним...» (И. Гончаров); «Но он все ждал: вот *пришлют человека* *узнать*, что с ним?» (Он же); «Назавтра императорский балет *получил приказ* ежедневно *присылать* наряд балерин *присутствовать* при разводе, если он столько их восхищает» (О. Форш).

Связь инфинитива с существительными здесь слабая, ситуативная, и подкрепляется связью с глаголом-сказуемым. Существительное в данных конструкциях регулярно употребляется в форме винительного падежа.

Значение признака, присутствующее, на наш взгляд, в инфинитиве, дает право квалифицировать его как присубстантивный. Инфинитив называет действие того лица, которое названо конкретным существительным, и таким образом «определяет» существительное. В предложении как бы создается второй предикативный центр. Ср.: «она *высылает детей своих*, чтобы те заступились за мать».

Отсутствие в предложениях подобного плана существительных со значением *просьба, задание* обеспечивает инфинитиву положение, близкое к детерминантному. Это особенно заметно в примере из О. Форш: «...Назавтра императорский балет *получил приказ* ежедневно *присылать* наряд балерин *присутствовать* при разводе...». Здесь инфинитивный оборот *присутствовать при разводе* относится по смыслу ко

всей предыдущей части предложения и только конситуативно определяет субстантивное сочетание *наряд балерин*, который обязан *присутствовать при разводе*.

Значение признака обнаруживается и в возможности употребления существительного в именительном падеже: «У него даже был специальный *адъютант* развозить бумаги» («Студенческий меридиан», май, 1990). Инфинитив в данных примерах определяет лицо по назначению и, таким образом, имеет значение определения с оттенком назначения и обстоятельства цели, как и при других конкретных существительных в подобных конструкциях.

5. В особую группу следует выделить существительные со значением качественной оценки лица, обнаруживающие промежуточное положение между конкретными и абстрактными именами: *мастер, любитель, охотник, спец, не дурак* и др.

Эту группу существительных, способных сочетаться с инфинитивом, подробно описал В. М. Брицын [35, с. 141 – 142]. Обобщая опыт предыдущих исследований (от А. А. Шахматова до «Русской грамматики» 1980), В. М. Брицын находит, что некоторые из этих существительных сочетаются с инфинитивом исключительно в позиции сказуемого: «Вы *молокососы смеяться* над стариком». Он считает, что из-за информативной недостаточности такие существительные присоединяют к себе «связанный инфинитив, информативно восполняющий» [35, с. 141]. Исследователь характеризует инфинитив при этих существительных то как делиберативно-директивную синтаксему (при существительных *охотник, охотница, сторонник, сторонница*), то как делиберативно-каузативную синтаксему (при существительных *любитель, любительница*), то как топикоподобную осложняющую, лимитативно-осложняющую и присловно-рубрикативную синтаксему (при существительных со значением *имеющий способность, умение: гений, дока, искусник, искусница, мастак, мастер* и др.) [35, с. 142].

Следует согласиться с В. М. Брицыным в том, что эти существительные, действительно, в некоторых случаях стремятся составить с инфинитивом сочетание, близкое к фразеологизму, например, *не дурак выпить*: «Левшин был коренастый и черный человек, ругатель и *не дурак выпить*» (К. Паустовский). Но в примерах с выражением *не*

дурак часто используются и другие глаголы, поэтому можно подвергнуть сомнению мысль о том, что оно всегда фразеологически связано с инфинитивом: «...До чего ловкий народ пиндосы! И лимонами *не дураки торговать*, и моряки с них подходящие...» (К. Паустовский).

Справедливо и утверждение В. М. Брицына о том, что некоторые существительные в таких сочетаниях выполняют роль сказуемого, однако они используются также в роли подлежащего и приложения: «...Слетелись со всех сторон *охотники поживиться*...» (Н. Гоголь); «Были тут (на катке) и *мастера кататься*... и мальчики, и старые люди» (Л. Толстой); «Перед отъездом в Москву она, вообще *мастерица одеваться* не очень дорого, отдала модистке для переделки три платья» (Л. Толстой); «Не очень добрый и не очень чтоб умный, *любитель посудачить* с мужиками и частенько *не в меру выпить*, он иногда казался глубоко несчастным, потрепанным жизнью неудачником» (В. Быков).

Особенность сочетания инфинитива с этими существительными в том, что инфинитив при них – определение, как и любой распространитель существительного, однако он содержит в себе еще и оттенок дополнения, но лишен типичного для распространителя конкретных существительных оттенка назначения.

В конструкциях с существительными, имеющими значение качественной оценки лица, инфинитив обнаруживает причинно-следственные отношения между компонентами. Ср.: *мастерица*, потому что умеет *одеваться не очень дорого*.

Как заметил В. М. Брицын [35, с. 142], эта группа существительных неоднородна, поэтому в конструкциях с данными существительными вполне возможно обнаружение новых особенностей инфинитива.

Абстрактные существительные

Вопрос о лексическом значении существительных в связи с поиском критериев определения синтаксических функций присубстантивного инфинитива далеко не исчерпан. Однако иногда очень трудно решить, по какому признаку организуются в лексико-грамматические группы имена существительные, присоединяющие одинаковый по

функции инфинитив, какой общей семей обладают эти существительные. По мысли Э. В. Кузнецовой, наличие у разных слов одних и тех же определителей можно рассматривать как объективное свидетельство семантической близости слов [86, с. 78 – 86].

В этой связи чрезвычайно интересной, на наш взгляд, является группа отвлеченных имен существительных, регулярно присоединяющих к себе инфинитив в функции определения (*манера, способ, повод, план, средство, проект, случай, причина* и др.): «...Слышу голос твой, меня зовущий, *признаю* *усиля* меня *спасти*...» (А. Пушкин); «Он получил чин и повышение и вслед за тем *представил проект изловить* всех контрабандистов» (Н. Гоголь); «Особенность его странной натуры *находила* везде *случай проявиться*» (И. Гончаров); «*Способов проводить время* было очень много в Воздвиженском...» (Л. Толстой); «И эти чуть-чуть в одежде, сочетавшиеся с другими чуть-чуть, которые проявлялись *в манере держаться* и *говорить*,... привлекали к Кудасову людей» (А. Ананьев); «Он *дает повод высказываться* не просто об удачных или неудачных режиссерских решениях...» («Комсомольская жизнь»).

Совершенно очевидно, что формальное значение определения у инфинитива в приведенных примерах преобладает над смысловым, которое, в свою очередь, не проясняет понятийного, «вещественного» значения признака: какая именно *манера*, какие *способ, усилия, случай* и др. в предложении не сказано. Это может быть ясно из других компонентов предложения или текста.

Усиление объектного оттенка в значении инфинитива во многих подобных примерах подтверждается заменой его существительным того же корня: *способ проведения времени, усилия для спасения, случай для проявления себя, повод для самовыражения* и др. В конструкцию с существительным не случайно включаются предлоги *для*, где это возможно. Как кажется, данные предлоги помогают объяснить оттенок назначения, присутствующий в инфинитиве данных конструкций. Некорректно выглядит попытка замены инфинитива при существительном *манера* (в примере из А. Ананьева), потому что глагол *держаться* по смыслу далек от возможного существительного *выдержка*. Оба инфинитива из приведенного примера с существительным *манера* могут быть приравнены по смыслу к одному существи-

тельному: *манера поведения*. На сочетание инфинитива с этим существительным следует обратить особое внимание, потому что часто все сочетание приобретает смысл присущих человеку общих черт, которые можно охарактеризовать как универсальные нормы поведения, противопоставляемые отклонениям от них: универсальная, общая для всех, но не одинаковая манера улыбаться, говорить и т. д. В том случае, когда сочетание «существительное + инфинитив» становится близким по значению сочетанию *манера поведения*, обнаруживается неполнота, недостаточность признака, заключенного в инфинитиве. Подобные сочетания воспроизводятся в речи в готовом виде. Это позволяет некоторым ученым причислять их к фразеологизмам [105, с. 277]. Однако следует учесть, что эти сочетания могут иметь и другой вид. Инфинитив в них может обозначать и не «универсальные нормы поведения», а как раз индивидуальные: «У него был пристальный, задумчивый взгляд, *манера лизать* языком нижнюю часть усов и *перекладывать* ноги» (А. Грин); «Если же к этому прибавить появившуюся у администратора за время его отсутствия отвратительную *манеру присасывать* и *причмокивать*, резкое изменение голоса... – можно было смело сказать, что Иван Савельевич Варенуха стал неузнаваем» (М. Булгаков); «Было нечто раздражительное в его горловом голосе, педантичной правильности слова, изысканной аккуратности, *манере* постоянно *подравнивать* ногти какой-то особой машинкой» (В. Набоков).

В приведенных примерах инфинитив грамматически и по смыслу, безусловно, является определением, причем таким, которое, на наш взгляд, выражает исчерпывающий признак. В этой связи возникает необходимость назвать условия функционирования конструкции с существительным *манера*, при которых компонент с инфинитивом обозначает исчерпывающий признак. Одним из таких условий является собственное лексическое значение инфинитива. Заметим, что в приведенных выше примерах он не обозначает обычно связываемых с данным денотатом (*манера*) действий: *улыбаться*, *говорить*, *ходить*. Можно, конечно, по-разному *причмокивать* и *присасывать*, *подравнивать* ногти, поэтому в предложении может присутствовать конкретизатор. В одном из примеров это распространитель имени существительного *отвратительную манеру*, в другом – распространитель ин-

финитива *постоянно подравнивать ногти*. Таким образом, собственное лексическое значение инфинитива и различные распространители компонентов конструкции могут представлять исчерпывающим значение признака, выражаемого инфинитивом.

Необходимо уточнить, что недостаточность смыслового значения признака инфинитива может проявляться и при модальных производных существительных. В ряд *манера, способ, повод* включаются отглагольные модальные существительные *старание, усилие*: «Но все *усилия обучить* Одоевского перестукиванию оказались напрасными» (О. Форш); «Всякое *старание размыть* это защитное средство есть вред для народа» (А. Ананьев).

В приведенных примерах существительные сохранили синтагматическую особенность производящих глаголов – способность сочетаться с инфинитивом. Ср.: *силиться обучить – усилия обучить, стараться размыть – старания размыть*.

Сравнивая примеры конструкций с существительными, присоединяющими к себе инфинитив со значением недостаточности смыслового признака, обратим внимание на то, что эти существительные в подобных конструкциях образуют разные соотносительные ряды: *манера – способ, способ – случай, средство – усилие* и т. д.: 1) «Но никто так явно не нарушает этой *манеры жить* и *думать*, как вы, Юрий Андреевич» (Б. Пастернак); «Даже на *способе выразиться* это отразилось очень положительно» (А. Макаренко); 2) «Но это был верный *способ потерять* его *уважение*» (В. Каверин); «Особенность его странной натуры *находила* везде *случай проявиться*» (И. Гончаров); 3) «Он предлагает мне недоверие как *средство освободиться* от абстрактного, безусловного уважения к книге» (К. Федин); «Дерсу и Чан Лин употребляли все *усилия подвести* плот возможно ближе к берегу» (В. Арсеньев).

Внутри группы существительных, способных присоединять к себе инфинитив, не проясняющий смыслового значения признака, наблюдаем системные отношения: существительные, способные образовывать синонимические ряды, не соотносительные по значению друг с другом, зато каждый ряд по отдельности соотносительны с существительным *возможность*: *манера – способ* [6, с. 516] = *возможность*; *средство – условие* (контекстуальные синонимы) = *возможность*.

Поиск системных отношений в лексике тесно связан с синтагматическими особенностями, общими для групп слов, которые так могут образовывать лексические парадигмы. Отнесенность инфинитива как члена предложения к определенным синтаксическим парадигмам (определение, дополнение) также обусловлено парадигматическими особенностями распространяемых существительных. Зависимость значения инфинитива от лексического значения опорного существительного в конструкции связывает парадигматические отношения в лексике с парадигматическими отношениями в синтаксисе.

Модальные отглагольные существительные со значением побуждения к действию

Среди существительных, прогнозирующих синтаксическую функцию инфинитива как дополнения, большую группу представляют существительные со значением «каузации, побуждения к действию»: *приказ, просьба, пожелание, мольба, предложение, приглашение* и др.

Эти существительные образованы от глаголов и сохранили синтагматические свойства производящих глаголов: *приказать наступать – приказ наступать, просить помочь – просьба помочь* и т.д.

Существительные этой группы образуют с инфинитивом так называемые «объектные конструкции». К. А. Тимофеев утверждает, что у объектного инфинитива есть «свой субъект, не совпадающий с субъектом главной глагольной формы; следовательно, субъектное значение объектного (у автора – «объективного». – Е. В.) инфинитива совершенно независимо от субъектного значения подчиняющего его глагола» [137, с. 259]. Исходя из анализа характера отношений между существительным и инфинитивом, необходимо определять, «называют они действие, приписываемое одному лицу или разным лицам» [9, с. 8]. Именно «отчетливо разграниченные действующие лица» [151, с. 89] в предложении проясняют объектные отношения в конструкции с присубстантивным инфинитивом: «На первой же остановке Зимин обратился к часовому с *просьбой позвать* начальника» (В. Ажаев). В подобных примерах, по утверждению Л. В. Аникиной [9, с. 5] и В. И. Фурашова [151, с. 89 – 90], инфинитив выполняет функцию дополнения. В. И. Фурашов находит в нем оттенок определения, обу-

словленный отнесенностью инфинитива к имени существительному как части речи [151, с. 89]. К этому следует добавить, что в данном случае у инфинитива имеется и оттенок обстоятельства цели, который обусловлен семой намерения в каузативном глаголе-сказуемом *обратился* (ср.: *обратился* – с какой целью? – *чтобы позвали начальника*). В предложении нет формальной связи между сказуемым и инфинитивом, так как они обозначают действия разных лиц: одно *обратилось*, другое должно *позвать*.

Можно утверждать, что отчетливо разграничиваются действующие лица и в следующем примере: «Вчера я позвонила вечером и *попросила разрешения прийти*» (Л. Чуковская). То, что в инфинитиве названо действие одного лица (в данном случае это *я*), а в существительном *разрешение* – действие другого лица, не названного в предложении, очевидно. Заметим, что в предложении произошла «перегруппировка» действующих лиц: если в предыдущем примере одно лицо обозначено в глаголе-сказуемом и в существительном *обратился с просьбой*, а другое – в инфинитиве *позвать*, то в последнем одно обозначено в глаголе-сказуемом *попросила* и в инфинитиве *прийти*, а другое – в существительном *разрешение*. Такой вид конструкции обусловлен задачей сообщения и, соответственно, значением сказуемого: разрешение можно *дать* и можно *попросить*. Преобладание функции дополнения у инфинитива в последнем примере обусловлено как объектностью конструкции, так и сохранением у существительного синтагматических связей, присущих глаголу, от которого оно образовано.

Существительные со значением «побуждение к действию» могут образовывать с инфинитивом конструкции, в которых действующие лица названы в предложении и отчетливо различаются, и такие, где они не названы и где различить их бывает трудно: «...Марк Александрович охотно согласился на *предложение* журнала “Большевик” *написать* статью о положении дел на заводе...» (А. Рыбаков); «За его невинными, на первый взгляд, *предложениями написать* статью против Енукидзе... стоят какие-то дальние политические соображения» (А. Рыбаков). В первом примере действующие лица названы: *предложение* исходит от журнала «Большевик», *написать статью* согласился Марк Александрович. Инфинитив выполняет здесь функцию дополнения с оттенком определения. Во втором примере без учета

ситуации невозможно определить, кто должен *написать статью*: сам *он* предлагает написать статью или *он* предлагает кому-то ее написать. Формально в этом примере значения дополнения и определения нейтрализуются. Однако, если учесть, что из контекста мы можем определить, что *он* – это Сталин, а Сталин не мог предложить свою статью, скорее он все-таки предложил кому-то написать статью. И тогда, чтобы быть точными, учитывая смысловые и грамматические отношения, мы будем вынуждены признать, что и эта конструкция – объектная, хотя имеет особую, по сравнению с типичными объектными конструкциями, смысловую окраску.

Имеются примеры, в которых действующие лица, действительно, не различаются: «Недавние волнения в военных поселениях и неспокойное их состояние обосновывали его *предложение двинуться „за Днестр“* и уверенность, что все может запылать от одной искры» (М. В. Нечкина); «...Нельзя сказать, что всеми мое *предложение организовать* поиски экспедиции капитана Татаринова было встречено с восторгом...» (В. Каверин); «После смутных переговоров загремели *предупреждения и приглашения слушать*» (А. Грин). Приведенные предложения объединяет невозможность однозначной квалификации инфинитива как объектного в конструкции с определяемым существительным: неясно, кому предполагается совершить действие, названное инфинитивом, – другим (не ему, не мне) или и ему, и другим; и мне, и другим. В конструкциях заключается намек на совместное действие, названное в инфинитиве, действие того, кто просит его совершить, и того, кто должен совершить. Именно в подобных конструкциях значения дополнения и определения, содержащиеся в синкретичном члене предложения, морфологически представленном инфинитивом, нейтрализуются.

Существительные со значением «побуждение к действию» могут образовывать субъектные конструкции с инфинитивом. Если одно и то же лицо подразумевается как совершающее действие, названное в существительном и инфинитиве, то, несмотря на грамматическую общность конструкции с объектной, инфинитив должен быть признан субъектным: «...И я *поставил себе задачу – стать таким же*» (О. Форш). Обращает на себя внимание конкретизатор субъектности конструкции – местоимение *себе*. В конструкции действует одно лицо: *я* поставил задачу и

выполнять ее буду я. В данном примере инфинитивный оборот – определение с оттенком дополнения и оттенком обстоятельства цели, который обусловлен семой намерения в сказуемом. Невозможность найти второе действующее лицо дает основание считать главной у инфинитива функцию определения и в следующем примере: «...Доморощенные докладчики ... лишь постепенно *овладевают задачей* более или менее удовлетворительно *излагать... существо дела*» (А. Макаренко). Причиной такого положения можно считать близость лексического значения существительного *задача* в первом предложении к значению *цель*, во втором – к значению существительного *способ*, не относящимся к группе со значением «побуждение к действию». Ср.: «Алехин поставил себе *цель [задачу] – добиться* большего количества играемых вслепую *партий*» («Известия»); «Внезапный проблеск мог относиться, например, к новому *способу [задаче] слить* в стратегическую схему такую-то *засаду* с такой-то защитой» (В. Набоков).

Действующие лица по смыслу могут объединяться в одно и в конструкциях с другими существительными этой группы: «... И вроде бы как *дозволение* самим себе выдали – *бить соболя* в любое время года» (В. Астафьев).

Близкими к объектным конструкциям иногда оказываются конструкции с инфинитивом, примыкающим к существительным, не входящим в группу со значением «побуждение к действию», даже и неотглагольным. Заметим, что глаголы *дать/давать, предоставлять* могут прогнозировать отношения, близкие к объектным, для инфинитива, примыкающего к существительным *шанс, право*: «Вскоре правительство *дало* им *право использовать* запасы русского Красного Креста, получавшего во время войны всякое лабораторное оборудование» (Д. Гранин); «...Министерство торговли *предоставляло* бывшим „афганцам” *право закупать* утюги, стиральные машины и видеокассеты» («Комсомольская правда»). В предложениях отчетливо различаются действующие лица: в первом это *правительство* и *они*, во втором *Министерство торговли* и *афганцы*. Существительное *право* в обоих случаях близко по значению к существительному *разрешение* [134, с. 26]. Объектность значения инфинитива обусловлена не только многозначностью существительного, но и тем, что инфини-

тив распространяет существительное, находящееся в составе сказуемого при глаголах с особым значением «дать, давать / предоставить, предоставлять».

Глаголы-сказуемые *дать, давать / предоставить, предоставлять*, употребляясь с существительными, имеющими значение «побуждение к действию», и в аналогичных конструкциях с существительными, в одном из значений которых имеется сема *разрешение (право, шанс, возможность)*, затрудняют отнесение конструкции с присубстантивным инфинитивом к субъектной разновидности. Мы сомневаемся в том, что существительное «причастно» к действию, названному глаголом *дать*, поскольку *право, шанс, возможность* – неотглагольные существительные, однако не можем считать конструкцию в таких предложениях субъектной в собственном смысле: «...Анфимья Мозглячиха ... *давала* мужикам *возможность посидеть* в своей каморке, *покурить, послушать* новости...» (В. Астафьев); «Судя по программе поездки, хозяева *предоставляют* гостю *шанс* близко *познакомиться* с преобразованиями в экономике» («Известия»).

Таким образом, близкие к описательному обороту выражения *дать возможность, предоставить шанс = разрешить* дают основания для квалификации функции инфинитива как объектной.

Существительные, относящиеся к лексико-семантической группе со значением «побуждение к действию», образуют с зависимым инфинитивом в основном объектные конструкции. Инфинитив в таких конструкциях выполняет синтаксическую функцию дополнения и имеет оттенки определения, реже – обстоятельства цели. Преобладание значения дополнения наблюдается в тех случаях, когда в предложении отчетливо разграничены действующие лица, обозначенные в конструкции с присубстантивным инфинитивом. Если действующие лица отчетливо не разграничены, то значения дополнения и определения как бы уравниваются, то есть синкретичный член предложения в таких примерах оказывается в синтаксической позиции полной нейтрализации различий между дополнением и определением.

Следует признать, что в данном исследовании мы не можем учесть всех возможностей выделения лексико-семантических групп существительных, при которых функции инфинитива зависят от лексического значения слов, входящих в каждую группу. Можно сказать,

что все существительные, способные сочетаться с инфинитивом, по справедливому замечанию А. И. Моисеева, объединены значением «возможности совершения действия», названного в инфинитиве [108, с. 433].

Именно общая сема возможности является основанием для объединения этих существительных. Значение «возможность» – своего рода концепт для всех существительных, сочетающихся с зависимым инфинитивом. Одни из них присоединяют инфинитив с преобладающим значением дополнения, другие – с преобладающим значением определения. Различные функции присубстантивного инфинитива в предложении составляют своеобразную парадигму его синтаксических значений.

Таким образом, лексические значения и синтагматические особенности существительных являются основанием для распределения этих существительных на шкале атрибутивной валентности (термин В. И. Фурашова): сначала конкретные, затем отвлеченные немодальные, далее отадеъективные модальные и, наконец, модальные отглагольные существительные.

Этим не исчерпывается комплекс критериев, необходимых для разграничения синтаксических функций присубстантивного инфинитива в предложении. В частности, учитывая семантику существительных, мы не можем не обратить внимание и на отдельные компоненты семантики предложения в целом.

2.4. Коммуникативные факторы

2.4.1. Сема намерения в предложении

Одним из компонентов значения предложения является сема намерения, которая иногда охватывает предложение целиком, а иногда проявляется в его элементах: «Лев Поликарпович Шкунаев *отдал приказ собраться* всем у фуражки и теперь с нетерпением поджидал народ» (Д. Злобин). Инфинитив в данном примере имеет ярко выраженный оттенок обстоятельства цели. Объясняется это направленностью действия, обозначенного в сказуемом *отдал приказ*. Эта *направленность, каузативность* имеет коннотацию намеренности. Известно, что приказ не дается без цели его исполнения. В сказуемом упо-

требуется существительное со значением «побуждение к действию», имеющее также значение намеренного действия, которое в конструкциях иного характера (без каузативного глагола), как кажется, помогает инфинитиву сохранить обстоятельственный оттенок: «Капитан этого батальона ... рассказал нам, что существует жесткий *приказ* военнослужащим *не применять оружие* и даже *не брать* его с собой» («Известия»). Ср.: в первом примере – *приказ, чтобы собраться у фуражки*, во втором примере – *приказ, чтобы не применять оружие*.

Существительные, которые в отдельных значениях объединяются общей семой намерения, могут проявлять оттенок обстоятельства цели в большей или меньшей степени. Ср.: в первом примере сема намерения заключена во всем сказуемом *отдал приказ* и в самом существительном *приказ*; во втором примере сема намерения присутствует лишь в существительном *приказ* (глагол не принадлежит к числу каузативных), так что в инфинитиве оттенок обстоятельства тускнеет.

Сема намерения может втягивать в сферу своего влияния и инфинитивный компонент конструкции: «Меня оставили в наказание без пирожного, но это нимало не огорчило меня, и на следующий день я выдумывала новые *способы раздранить* двоюродного брата» (Л. Чарская). Пример интересен тем, что каузативное значение намеренности присуще в предложении сразу трем компонентам: *выдумывала* – глагол-сказуемое, называющий намеренное действие; *раздранить* – глагол, называющий действие, подразумевающее ответную реакцию, то есть тоже обозначающий намеренное действие; существительное *способ*, в данном окружении (с каузативным глаголом *выдумывала*) также имеет коннотацию намеренности. Можно предположить, что это значение существительное обретает вследствие близости к значению существительного *средство*, которое, в свою очередь, получило его от существительного *способ* через общность синтагматических отношений (ср.: *способ* для чего-либо).

Таким образом, значение оттенка цели у инфинитива в данной конструкции детерминировано лексическим значением глагола-сказуемого *выдумывала*, лексическим значением существительного *способ* и лексическим значением инфинитива *раздранить*.

С помощью каузативных глаголов-сказуемых в круг существительных, способных присоединять к себе инфинитив с оттенком обстоятельства (*приказ, просьба, намерение, попытка* и др.), могут оказаться втянутыми и существительные, в обычных условиях не имеющие оттенка намерения: *желание, возможность, манера* и др.

Известно, что желание обычно возникает спонтанно, что манера – также свойство человека, которое мы не связываем обычно с его волей. Существительное *манера* не образовано ни от глагола, ни от прилагательного, следовательно, инфинитив при нем в зависимой позиции – атрибут: *манера – какая? – улыбаться, двигаться* и т.п. Но в конструкции с каузативным глаголом-сказуемым можно наблюдать у инфинитива при этом существительном явный оттенок обстоятельства: «Они долго вырабатывали свою *манеру совершать сделки*» («Человек и закон»). Инфинитив в предложении – дуплексив, совмещающий в себе синтаксические значения определения, дополнения и обстоятельства цели: *манеру – какую? – улыбаться; вырабатывали – с какой целью? – чтобы устраивать сделки.*

2.4.2. Побудительные предложения

Значительно усилила бы обстоятельственный оттенок в инфинитиве побудительная конструкция: «Оставьте ему *возможность делать* свое дело, а вы делайте свое» (К. Паустовский); «Ну, хотя бы найдите *способ уничтожить* эти ураганы» (К. Паустовский). Как видно из примеров, в таких конструкциях могут функционировать и существительные, не имеющие коннотации намерения. Сему намерения в предложение приносят глаголы-сказуемые в форме повелительного наклонения, что, бесспорно, определяет и намеренное действие, названное в инфинитиве. Глаголы называют действия, «нацеливающие» на выполнение действия, обозначенного в инфинитиве.

Следует признать, что в последних рассуждениях мы балансируем на грани того, что относится к компетенции собственно языка, и того, что в системе языка явно не выражено, однако, как утверждает Д. Н. Шмелев, «всякая знаковая система служит для обозначения как раз того, что находится за пределами самой знаковой системы» [174, с. 18]. Это утверждение, как кажется, действительно и в обратном смысле: многое из того, что удается осмыслить интуитивно, впослед-

ствии находит подтверждение в нормах языка. О необходимости учитывать интуитивный подход (к изучению лексики) находим у Э. В. Кузнецовой [85, с. 6]. Следуя за Б. Уорфом, Т. В. Булыгина отмечает отсутствие четких границ между грамматическим и неграмматическим [36, с. 26].

Опираясь на эти утверждения, мы можем сделать вывод о том, что известные критерии квалификации синтаксических функций инфинитива при существительном могут быть расширены за счет учета отдельных «смыслов», возникающих в предложении и влияющих на синтаксические оттенки значения присубстантивного инфинитива.

Выводы по второй главе

1. Обобщая и уточняя критерии синтаксического синкретизма в пользу дополнения или определения в предложении, следует согласиться с исследователями, которые считают недостаточным морфологический критерий [63, с. 116; 1, с. 56; 176, с. 101]. Инфинитив – особая форма, не обнаруживающая формальных показателей связи ни в позиции главных членов, ни в позиции второстепенных.

2. Значительным квалификационным критерием следует признать смысловые вопросы, так как методика вопросов содержит сразу два приема научного анализа: собственно смысловый вопрос и способ подстановки, т. е. актуализации идентифицируемого члена предложения в вопросительном местоимении [157, с. 6]. В предложении «Мне вовсе не хотелось, чтобы она выпрашивала у Николая Антоныча *позволения бывать* у них» (В. Каверин) к инфинитивному обороту *бывать у них* можно поставить следующие вопросы: *позволение* – какое? и *позволение* – о чем? – *бывать у них*; *выпрашивала позволения* – с какой целью? – *чтобы бывать у них*. В данном случае в инфинитиве совмещаются значения трех второстепенных членов: дополнения, определения, обстоятельства цели.

Смысловые вопросы – довольно сильный квалификационный фактор. С их помощью можно находить редкие оттенки значения в синкретичном инфинитиве: «Какое великое *наслаждение* испытывал я *петь* Льву Николаевичу» («Литературная газета»). Ср.: *наслаждение* – какое? в чем? – *петь*, *испытал наслаждение* – по какой причине? – *петь* Льву Николаевичу.

Прием применения смысловых вопросов – важное звено в комплексе критериев квалификации синтаксических функций присубстантивного инфинитива. Он позволяет обнаруживать трудно уловимые оттенки значений синкретичных явлений, но с его помощью невозможно разрешить проблемы синкретизма в пользу какого-либо второстепенного члена предложения.

3. Одним из важнейших факторов квалификации синтаксических функций и оттенков значений инфинитива является семантика существительных, присоединяющих к себе зависимый инфинитив. Учет семантики субстантива в широком смысле (деривационной, лексической, синтаксической) позволяет находить тончайшие оттенки смысла инфинитива и в этой связи его синтаксической функции, а также комплексно решать проблему разрешимости или неразрешимости его синтаксического синкретизма.

Инфинитив, примыкающий к отглагольным существительным, сохранившим способность глагола соединяться с инфинитивом, в ряде случаев имеет преобладающим синтаксическое значение дополнения: *приказать наступать – приказ наступать*. Если существительное соотносится по происхождению с глаголом, не сочетающимся с зависимым инфинитивом (*работа, терпение* и др.), прилагательным или не соотносится ни с глаголом, ни с прилагательным, то первичной функцией примыкающего к нему инфинитива принято считать определительную функцию. При этом необходимо учитывать и иные критерии.

Собственно лексическое значение существительных как фактор квалификации синтаксических функций присубстантивного инфинитива также необходимо рассматривать лишь в комплексе факторов.

Нами были подробно рассмотрены группы: 1) конкретных существительных; 2) отвлеченных непроизводных существительных, присоединяющих инфинитив-определение с недостаточностью смыслового выражения признака; 3) отвлеченных отглагольных существительных со значением «побуждение к действию».

Среди конкретных существительных, способных соединяться с примыкающим инфинитивом, выделено 5 групп.

1) Собственно конкретные существительные со значением предмета, например *нож (резать рыбу); ключ (отвинчивать гайки);*

котел (варить уху): «Командор предложил нам *котел варить уху*» (В. Астафьев). Инфинитив при этих существительных – определение с оттенком назначения и обстоятельства цели, оттенок обстоятельства цели обусловлен семой намерения, обнаруживаемой каузативным глаголом-сказуемым (*предложил*).

2) Существительные, обобщенно называющие предмет, значение которого может быть конкретизовано: *огонь (огонек), свет, место, поле, ширма, средства* и др.: «Подика, принеси *огоньку запечатать* письмо» (Н. Гоголь). В конструкциях с этой группой конкретных существительных инфинитив также выполняет функцию определения с оттенком назначения и обстоятельства цели. Существительные этой группы многозначны, могут выступать как в значении конкретных, так и в значении отвлеченных, при этом синтаксическая функция инфинитива остается прежней, т. е. инфинитив имеет оттенок назначения.

3) Некоторые существительные со значением «побуждение к действию» можно отнести к конкретным: *приказ, указ, сигнал, знак* и др. «Он сделал *знак читать* и ушел в кресла» (Ю. Тынянов). Существительное *знак* (в смысле *жест*) менее конкретно, чем предметные *нож, огонь*. Однако в сочетании с инфинитивом обнаруживает свойства, присущие конкретным существительным. Несмотря на объектность позиции, преобладающим в инфинитиве видится значение определения. Значения дополнения и обстоятельства цели выступают в качестве оттенков.

4) Существительные, называющие людей по выполняемой ими функции: *лазутчики, ходоки, адъютант, депутат, человек, разъезд, наряд* и др. Они чаще всего употребляются в винительном падеже. Связь с инфинитивом у них обычно слабая, ситуативная. Значение признака у инфинитива обнаруживается в возможности корреляции с предложениями типа «У него даже был специальный *адъютант – развозить бумаги*» («Студенческий меридиан»). Инфинитив в таких конструкциях имеет значение определения с оттенком назначения, как и при других конкретных существительных. В нем также часто присутствует оттенок обстоятельства цели: «Тогда уж к нему даже отправят *депутата провести*, что с ним...» (И. Гончаров).

Особенностью инфинитива при существительных этой группы является сопутствующая предикативность, которую он выражает, как бы образуя второй предикативный центр: «И земля ...вихрем ответила, она *высылает детей* своих *заступиться за мать*» (М. Пришвин). Ср.: *высылает детей*, чтобы те *заступились за мать*.

5) Особая группа существительных со значением качественной оценки лица, обнаруживающих промежуточное положение между конкретными и абстрактными именами: *мастер, любитель, охотник, спец, не дурак* и др.

Эта группа существительных неоднородна [35, с. 142]. Инфинитив при них – определение с оттенком дополнения, но он лишен типичного для конкретных существительных оттенка назначения. Вместе с тем компоненты конструкции находятся в причинно-следственных отношениях: «...*Мастерица одеваться* не очень дорого...» (*мастерица*, потому что умеет *одеваться не очень дорого*).

Группа конкретных существительных имеет тенденцию к пополнению за счет других групп, поэтому вполне возможно обнаружение новых особенностей инфинитива в конструкциях с данными существительными.

4. Абстрактные существительные, не соотносящиеся по образованию ни с глаголами, ни с прилагательными (*шанс, повод, манера, способ* и др.), обычно присоединяют к себе инфинитив с преобладающим определительным значением. Такому утверждению не противоречит следующее: среди непроемных абстрактных существительных встречаются такие, которые могут присоединять к себе инфинитив, имеющий формальное значение определения, но в отдельных случаях по смыслу не выражающий исчерпывающего значения признака. Это существительные *способ, повод, манера, средства, причина* и др.: «*Способов **проводить время*** было очень много в Воздвиженском» (Л. Толстой); «И эти чуть-чуть в одежде, сочетавшиеся с другими чуть-чуть, которые проявлялись в *манере **держаться и говорить***,... привлекали к Кудасову людей» (А. Ананьев).

В предложении нет пояснения, какой именно *способ*, какая *манера*. Сочетание существительных с инфинитивом приобретает здесь смысл присущих человеку общих черт поведения, противопоставленных частным нормам. Ср.: «Было нечто крайне раздражительное в его

манере постоянно *подравнивать ногти* какой-то особой машиночкой» (В. Набоков).

Свойство присоединять к себе инфинитив, не проясняющий смыслового значения признака, объединяет эти существительные в специальную группу и даже позволяет включать в нее некоторые отглагольные (*усилия, старания*): «Слышу голос твой, меня зовущий, признаю *усилья меня спасти*» (А. Пушкин).

5. Конструкции с объектным инфинитивом, создаваемые сочетанием его с существительными, имеющими значение «побуждение к действию» (*просьба, приказ, предложение* и др.), обнаруживают тенденцию к пополнению за счет конструкций с существительными, не относящимися к этой группе, но способными при помощи глаголов *дать/давать, предоставлять* образовывать похожие по модели и по смыслу: *давать шанс, право, возможность*.

По значению присоединяемого инфинитива существительные могут располагаться на шкале атрибутивной валентности в следующем порядке:

- конкретные;
- отвлеченные, не соотносительные по образованию ни с прилагательными, ни с глаголами;
- соотносительные по образованию с прилагательными;
- соотносительные по образованию с глаголами;
- отглагольные существительные со значением «побуждение к действию».

По шкале объектной валентности существительные могут располагаться в обратном порядке.

6. На оттенки синтаксических функций присубстантивного инфинитива могут влиять различные предложенческие факторы, в том числе сема намерения, наблюдаемая в первую очередь в глаголах-сказуемых, иногда в каузативных существительных: *приказ, намерение, готовность* и др. Если в сказуемом присутствует сема намерения, то в связанной с ним конструкции инфинитив имеет оттенок обстояательства цели. Этот оттенок усиливается в побудительном по цели высказывания предложении.

Глава 3. СИНТАКСИЧЕСКИЕ ПОЗИЦИИ ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО И ФУНКЦИИ ИНФИНИТИВА

3.1. О зависимости функций инфинитива от синтаксической позиции имени существительного

Существительное в предложении может употребляться в формах разных падежей с предлогом и без предлога, выполнять функции разных членов предложения. Не вызывает сомнения, что синтаксическая позиция имени существительного оказывает существенное влияние на синтаксическую функцию примыкающего к нему инфинитива. Намекаясь специально рассмотреть этот вопрос, заметим, что любой распространитель имени существительного как части речи предполагает прежде всего функцию определения, а поскольку типичными средствами выражения подлежащего и дополнения являются существительные, то, распространяя подлежащее и дополнение, инфинитив имеет больше шансов для выражения значения определения. Если существительное является конститuentом сказуемого, то инфинитиву при таком существительном более свойственна функция присказуемого второстепенного члена – дополнения или обстоятельства (при прочих равных условиях).

В лингвистической литературе мы не нашли указаний на то, что при квалификации синтаксической функции присубстантивного инфинитива необходимо учитывать синтаксическую функцию опорного в конструкции имени существительного, однако, как кажется, этот фактор играет значительную роль при решении проблемы синтаксического синкретизма второстепенного члена предложения, выраженного инфинитивом.

3.2. Инфинитив при подлежащем

Распространитель подлежащего, выраженного именем существительным, является, как известно, определением. Однако модаль-

ные существительные, к которым регулярно примыкает зависимый инфинитив (*желание, возможность, надежда, стремление* и др.), в силу ряда причин не могут обладать всей совокупностью дифференциальных признаков типичного подлежащего. Сочетаясь с инфинитивом, модальное существительное теряет часть своего лексического значения и приближается к синсемантическому слову. В некоторых случаях в таких предложениях глагол-сказуемое также недостаточен в плане лексического значения (*возникло, появилось, пришло желание*). Поэтому определительная функция инфинитива при таких существительных оказывается неоднозначной: в одних случаях она доминирует, в других – несколько бледнеет, в третьих – выступает лишь в качестве оттенка. Показательны в этом отношении предложения с порядком слов «сказуемое + подлежащее»: «Им овладевало *желание увидеть* что-то *запретное, недоступное, прикоснуться* к тайне их власти» (А. Рыбаков); «После всех этих размышлений *возникла* настоятельная *потребность встретиться* еще раз и *выведают* все до конца» (В. Дудинцев); «Охватывало ли тебя отчаяние во время страстий и возникало ли у тебя *желание бросить все, сойти с маршрута?*» («Комсомольская правда»).

Ни в одном из этих предложений подлежащее не обладает всей совокупностью типичных для него дифференциальных признаков. В. В. Бабайцева выделяет в подлежащем как структурно-семантическом компоненте предложения следующие свойства: а) оно входит в структурную схему предложения (в системе членов предложения входит в группу главных членов); б) обозначает предмет речи (субъект мысли); в) обозначает «данное»; г) выражается существительным, местоимением и т. д. в форме именительного падежа; д) занимает позицию перед сказуемым; е) является структурно независимым словом, подчиняющим сказуемое [19, с. 82]. В наших примерах подлежащее входит в группу главных членов, но не соотносится с субъектом мысли, который обозначен регулярно встречаемыми в подобных примерах местоимениями: *у тебя* (форма род. падежа); *ему* (форма дат. падежа). Здесь невозможно соотнести подлежащее с «данным», а сказуемое с «новым», так как вся предикативная основа входит в «данное» или «новое». Хотя подлежащие представлены формой именительного падежа существительных, но стоят не перед

сказуемым и, следовательно, еще один дифференциальный признак типичного подлежащего отсутствует. Нельзя не заметить, что в предложениях типа «У него возникло желание **увидеть**...», «Ему в голову пришла мысль **убрать**...» обнаруживается семантическая слитность подлежащего и сказуемого, напоминающая синтаксически обусловленное сочетание слов. Это объясняется постоянством лексического значения глаголов, формально выполняющих функции сказуемых, и модальным компонентом в значении существительных-подлежащих. Глаголы *пришло, возникло, появилось* (желание) имеют общее значение фазы действия и его произвольности. Вместе с подлежащим они называют состояние субъекта. Предложения, в которых подобным образом выражена грамматическая основа, легко заменяются семантическим коррелятом «Он *желает увидеть*». Эти построения можно отнести к определенной разновидности модальной регулярной реализации структурной схемы предложения [136, с. 463]. Здесь инфинитив – часть сказуемого.

Таким образом, в конструкциях типа «У него возникло желание **увидеть**...» существительное *желание* только формально является подлежащим, а инфинитив – синкретичный член предложения, который больше напоминает распространитель сказуемого, чем подлежащего. Есть основания предполагать, что такой инфинитив, как и распространитель сказуемого, в первую очередь связан с синтаксической функцией дополнения, а с функцией определения – только вторично.

Иной порядок слов в предложении с модальным существительным в роли подлежащего и зависимым от него инфинитивом меняет положение. В русском языке невозможно необусловленное контекстом расположение компонентов: *желание **петь** возникает* или *потребность **встретиться** возникла*. Информативно недостаточное сказуемое, выраженное синсемантическим глаголом *пришло, возникло* или *наступило* и др. под., предполагает особое лексическое наполнение. В предложении «*Желание **петь** возникает в нем рефлексивно*» (Ю. Олеша) таким лексическим наполнителем является распространитель сказуемого – «рефлексивно». Обращает на себя внимание, что в предложении сохранились компоненты, знакомые по примерам с порядком слов «сказуемое + подлежащее»: есть модальное существительное-подлежащее, примыкающий к нему инфинитив, сохра-

нился субъектный компонент, выраженный местоимением в косвенном падеже *в нем* (могло быть *у него*), налицо сказуемое, выраженное глаголом *возникает*. Но с изменением порядка слов у сказуемого появился «лексический наполнитель» – наречие «рефлекторно». Надо согласиться с тем, что этот «наполнитель» фактически ничего не добавляет к смыслу сказуемого: как уже было отмечено, сами глаголы *возникает, появляется, приходит* в сочетании с модальными существительными *желание, стремление, возможность* и др. выражают значение произвольного действия. Из этого следует, что наречие «рефлекторно» – важный формант, отвлекающий на себя валентность сказуемого от подлежащего.

Подлежащее в этом предложении – в составе «данного», сказуемое – в составе «нового». Это определено контекстом: «Он поет по утрам в клозете... *Желание **петь*** возникает в нем рефлекторно» (Ю. Олеша). Подлежащее занимает позицию перед сказуемым. Если не принимать во внимание логико-семантический аспект, то все остальные дифференциальные признаки подлежащего налицо.

Инфинитив при подлежащем в первую очередь имеет функцию определения, а не дополнения, как при сказуемом. Оттенок дополнения у инфинитива объясняется отглагольным происхождением существительного и сохранением у него способности сочетаться с инфинитивом: *желать **петь*** – *желание **петь***. Оттенок значения дополнения на втором плане, так как в данном случае нельзя без ущерба для смысла заменить инфинитив однокоренным существительным. Ср.: *желание **петь*** – *желание **пения***. На невозможность равноправной замены этого инфинитива существительным указывают В. В. Бабайцева [19, с. 92] и В. И. Фурашов [151, с. 86].

В предложениях с порядком слов «подлежащее + сказуемое» сказуемое может иметь значение, отличное от значений глаголов *появляться, возникать*: «*Желание **изобличить** злодеев **душило*** администратора» (М. Булгаков); «*Желание **пофилософствовать** происходило* у Дружникова *от* хорошего *настроения*, с каким он приехал с выводки» (А. Ананьев); «*Желание **писать** картины **привело** меня **в художественное училище***» («Известия»). Сказуемые в данных предложениях предполагают значение «возникло», «появилось», но главным оказывается не оно, а новое, индивидуальное значение. В первом

предложении – значение степени качества действия – *душило*; во втором – значение причины – *происходило от настроения*; в третьем – значение следствия – *привело в художественное училище*.

Полнозначность сказуемого оказывается настолько сильным аргументом в пользу автономности значения подлежащего и, соответственно, преобладания определительности в функции инфинитива при нем, что такое сказуемое позволяет и в предложениях с порядком слов «сказуемое + подлежащее» видеть в присубстантивном инфинитиве в качестве доминирующей определительную функцию: «Вышед из училища, он не хотел даже отдохнуть: так сильно было у него *желание* скорее *приняться за дело и службу*» (Н. Гоголь); «На доверии и любви держится *желание* ребенка *искать защиты* у взрослого» (В. Сухомлинский); «Но самым восхитительным было *желание по-красоваться*, нет, не перед публикой, а перед самим собой» (Б. Окуджава). Во всех приведенных примерах в сказуемом наблюдается компонент значения *иметься, возникать*, но в каждом более важным является собственное, конкретное значение. В первом и третьем это значение степени (в третьем оно накладывается на значение качества действия: *самым восхитительным*). Во втором главным является значение причины: *потому что доверяет и любит*; или значение условия: *если доверяет и любит*.

Нетрудно определить способ, с помощью которого сказуемое приобретает лексическую полнозначность. В предложениях «*Желание петь* возникает в нем рефлекторно» (Ю. Олеша); «*Желание подсматривать* в замочную скважину пришло к нам от древних» (Ю. Семенов) компоненты необходимых добавочных значений лежат за пределами глагола. В других примерах сам глагол оказывается лексически полнозначным, состоятельным: «И первый раз одолело его *желание бросить все, уйти* куда-нибудь, *уехать, забыть* эту работу на износ...» (В. Астафьев); «Для меня, человека с неиссякаемой любознательностью, многое на дороге было в диковинку: удивляло отсутствие усталости и прочей „чувствительности“, поражало “наличие” аппетита, постоянное *желание* что-нибудь *съесть, схрумкать, проглотить*...» (Г. Горбовский); «*Желание сотворить глупость* не отпускало меня...» (А. Грин). Таким образом, лексическая полнозначность сказуемого может быть обозначена расчлененно, а может быть заключена в одном глаголе.

Полагая, что в инфинитиве при существительном, выполняющем роль подлежащего, основной функцией является определительная, считаем необходимым проследить условия, при которых у инфинитива в данной конструкции преобладает значение дополнения, а также выяснить причины появления у инфинитива оттенков обстоятельства.

Одно из условий преобладания значения дополнения у инфинитива, примыкающего к подлежащему, уже было отмечено: это описательный порядок слов и информативно недостаточное сказуемое в предложениях с подлежащим, выраженным модальным существительным.

Отсутствием глагола-сказуемого и наличием у модального отглагольного существительного функции предиката и «нового» объясняется сложность квалификации присубстантивного инфинитива в следующих примерах: «У меня *желание содрать с себя кожу и вымыть* легкие, сердце, мозги холодной водой» (К. Паустовский); «У ребенка, по словам Сент-Экзюпери, – неискоренимая *потребность быть прирученным*» (В. Сухомлинский). Распространителем подлежащего в номинативном предложении принято считать определение, согласованное и несогласованное [17, с. 135], однако вопрос о главном члене номинативных предложений остается пока остро дискуссионным, к тому же в данных предложениях его место занимают модальные существительные, в которых значительно сильнее значение предикативности, чем предметности. И хотя эти понятия отражают явления разных уровней, для односоставных номинативных предложений оказывается важным слишком сильное тяготение к сказуемости у образованных от глаголов модальных существительных. Поэтому синтаксическая функция инфинитива в приведенных выше примерах более близка к функции распространителя сказуемого, чем подлежащего.

По-иному выглядит конструкция в номинативном экспрессивно окрашенном предложении без распространителей типа *у меня, у него*. Ср.: «Ах, этот кровавый туман, это одеревенение, это равнодушие, это тихое *влечение убивать...*» (А. Куприн) [151, с. 92]. Здесь нет отношений, выражаемых предложениями типа *я желаю, у меня желание*. Скорее выражается значение «мне нравится/не нравится», «я как-то

оцениваю». Это смысловое значение всего предложения словно отдаляет конструкцию от «сказуемости». И здесь в инфинитиве, безусловно, преобладает определительная функция.

Примеры употребления присубстантивного инфинитива при подлежащем в предложениях с описательным порядком слов (сказуемое + подлежащее) и информативно недостаточным сказуемым часто встречаются в переводах с иностранных языков (причем, не в лучших образцах), они редки в хорошей публицистике и почти невозможны в высокохудожественной прозе.

Существительные со значением времени (периода времени, момента): *время, пора, минута, момент, мгновение* – регулярно употребляются в нашей конструкции в качестве подлежащего в предложениях с описательным порядком слов: «„Поскорее, скорее бы”, – думал Ростов, чувствуя, что наконец-то *наступило время изведать наслаждение* атаки...» (Л. Толстой); «И теперь *пришло время развязать* ему *руки*» (В. Быков).

Порядок слов «подлежащее + сказуемое» встречается значительно реже, он конситуативно обусловлен: «*Время задуматься* пришло, но пока все ликовали» (Ю. Крелин).

При таком порядке слов определительная функция в инфинитиве преобладает. При порядке слов «сказуемое + подлежащее» разрешить проблему синтаксического синкретизма инфинитива в пользу определения или дополнения сложно: *пришло время* – для чего? какое? – *развязать* ему *руки*.

Трудности в решении вопроса о том, какие признаки (определения или дополнения) оказываются главенствующими, обусловлены лексически недостаточной информативностью сочетаний *пришло время, настала пора*, так как в качестве сказуемых используются глаголы, ограниченные в лексическом отношении семой фазы действия.

Следует заметить, что сема фазы действия распространяется на все сочетание «существительное + инфинитив», которое является синтаксически обусловленным. Формально в предложении выделяется подлежащее *время, пора*, поэтому допустимо констатировать у инфинитива наличие функции определения: *наступило время* – какое? – *изведать наслаждение атаки*.

Сомнения в справедливости утверждения о статусе инфинитива как члена предложения или зависимого компонента синтаксически нечленимого сочетания основаны на близости конструкций в предложениях типа: «Пришла *пора* и охотнику *сдерживаться*» (В. Сысоев) и «Были еще люди, десять людей, они живут по камышам до самого моря – раньше жили, теперь им *пора умереть*, должно быть, умерли...» (А. Платонов). Ср.: *пришла пора охотнику сдерживаться – им пора умереть*. В обоих случаях присутствует распространитель *охотнику, им* – в форме дательного падежа, что свойственно безличным конструкциям, но *пора умереть* – главный член безличного предложения (сказуемое), а *пришла пора* – сочетание, которое обнаруживает предикативные отношения, характерные для подлежащего и сказуемого.

В непредикативном сочетании с присубстантивным инфинитивом существительные *время, пора* занимают промежуточное положение между сочетаниями с согласованными определениями типа *новое время, осенняя пора* и сочетаниями *время вставать, пора прощаться*. В этих предложениях слова *время и пора* обычно квалифицируются как категория состояния. Предложения с непредикативными конструкциями «время + инфинитив», «пора + инфинитив» оказываются между предложениями, в которых *пора, время* способны иметь при себе зависимые прилагательные и, следовательно, являются существительными, и предложениями, в которых данные слова не могут иметь при себе атрибутивных распространителей и не являются существительными. Существительные *время, пора* в сочетаниях с зависимым инфинитивом обычно не имеют при себе согласованного определения. Ср.: невозможность соединений типа *пришла веселая пора отдыхать*.

Некоторая синсемантическая элементов в сочетаниях типа *пришла пора прощаться, настало время прощаться* приближает их к синтаксически обусловленным сочетаниям типа *возникло желание отдохнуть, появилась потребность учиться, появилась возможность читать* и др. под. Это не позволяет однозначно квалифицировать синтаксическую функцию примыкающего инфинитива как определительную.

Принято считать, что инфинитив выполняет роль дополнения в так называемой объектной конструкции [9, с. 8], [151, с. 88]. В. И. Фурашову принадлежит мысль о том, что функция дополнения выдвигается на первый план в конструкции, где отчетливо разграничены «действующие лица» [151, с. 89]. Соглашаясь с этим, добавим, что в предложениях с подлежащим, выраженным существительными типа *просьба, приказ*, можно наблюдать также и другие оттенки. В зависимости от способа выражения сказуемого инфинитив может иметь оттенок значения обстоятельства цели или предназначенности: «*Просьбы не прерывать* оратора чередовались с выкриками несогласия» (Б. Пастернак); «Нравится мне и ваш *призыв учиться* хорошему у американцев» (А. Рыбаков). В приведенных примерах действующие лица в конструкции отчетливо не разграничены: в первом примере не указывается, чьи просьбы и к кому относится действие, названное в инфинитиве, во втором – с помощью местоимения *ваш* названо одно из действующих лиц, но трудно объективно решить, к какому лицу относится действие, названное в инфинитиве *учиться*. Оно может относиться к лицу, названному местоимением *мне*, но может и не относиться к нему, а предполагаться для многих лиц и для всех лиц вообще. Таким образом, оказываются нейтрализованными различия между дополнением и определением, то есть синтаксический синкретизм присубстантивного инфинитива оказывается неразрешимым.

В таких случаях может присутствовать и оттенок значения обстоятельства цели: «„Бейте его!“ – кричал он таким же голоском, как... кричит... какой-нибудь отчаянный поручик, которого взбалмошная храбрость уже приобрела такую известность, что дается нарочный *приказ держать* его за руки во время горячих дел» (Н. Гоголь); «Был издан гласный *приказ начать* поиски „Русалки“ и негласный – *искать* “Русалку” там, где ее заведомо не было» (К. Паустовский). В этих предложениях наблюдается компонент каузативности в лексической семантике сказуемых, а также двойная зависимость инфинитива (от подлежащего и от сказуемого): *приказ – какой? – держать его за руки и дается – с какой целью? – чтобы держали его за руки; приказ – какой? – начать поиски и был издан – с какой целью? – чтобы начали поиски*. Предложения представляют собой пассивные конструкции с типичным способом выражения сказуемых: *дается*,

был дан, издан, начертан (приказ), было передано (приглашение). В большинстве примеров значение «намеренности» в сказуемом, обеспечивающее оттенок обстоятельства цели у зависимого от подлежащего инфинитива, выражено страдательным причастием прошедшего времени. Однако не все примеры с составным именным сказуемым, в составе которого именной частью является страдательное причастие, позволяют обнаруживать в инфинитиве явный оттенок обстоятельства цели: «...*Приказание **вьючить** лошадей* было встречено всеми с удовольствием» (В. Арсеньев). В данном предложении сказуемое включает в себя компонент каузативности, но нельзя сказать, что здесь у инфинитива при подлежащем имеется оттенок обстоятельства цели. Этому препятствует смысл предложения: в значении сказуемого нет компонента намеренного действия, направленного на достижения результата, который назван в инфинитиве. Предложение как бы распадается на две части: *было дано приказание вьючить лошадей; оно всеми было встречено с удовольствием*. С семантикой сказуемого связывается отстраненность отправителя речи и оценка им того действия, которое обозначено существительным *приказание*. Отстраненность, оценка действия, присутствующие в значении сказуемого, прямой порядок слов позволяют находить в подобных примерах усиление атрибутивной функции инфинитива и ослабление функции дополнения и обстоятельства.

Представляется необходимым учитывать разницу в следующих примерах: «*Приказание **вьючить** лошадей* было встречено всеми с удовольствием» (В. Арсеньев) и «*Немедленно артиллерии **был дан приказ стрелять** по лесу*» (Н. Гумилев). В первом примере одно действующее лицо «скрыто» в существительном, а второе обозначено в сказуемом и инфинитиве, во втором – одно лицо обозначено в сказуемом и имени существительном, а второе – в инфинитиве. Во втором примере присутствует явный оттенок обстоятельства цели у инфинитива, в первом же примере если и имеется этот оттенок, то весьма незначительный, оправдываемый только лексическим значением существительного. Это позволяет утверждать, что на возникновение у при-субстантивного инфинитива оттенка значения обстоятельства цели влияет представленность в предложении действующих лиц.

Показательно и другое. В примере «*От генерала Киселева пришло Пестелю распоряжение ехать в Бессарабию*» (О. Форш) отчетливо разграничены действующие лица: генерал Киселев послал распоряжение, а Пестелю предписывается совершить действие, названное в инфинитиве *ехать*. Сказуемое, однако, лишено семы намерения, поэтому у инфинитива нет оттенка значения цели. Инфинитив выполняет роль дополнения с оттенком определения и оттенком предназначенности.

Можно также заметить, что существительные типа *просьба, приказ* приближаются к конкретным именно благодаря оттенку значения предназначенности у зависимого инфинитива.

Из всего сказанного об инфинитиве, примыкающем к подлежащему, выраженному существительными с общим значением *просьба, приказ*, следует, что инфинитив в этой конструкции может выполнять функцию дополнения с оттенком определения и назначения. Оттенок цели возникает в пассивной модели предложения, если сказуемое имеет в своем лексическом значении компонент намерения каузативного действия, при этом определенным образом должны быть организованы действующие лица: одно лицо обозначено в сказуемом и подлежащем *был дан приказ*, другое – в инфинитиве – *наступать*.

Конкретные существительные в данной конструкции чрезвычайно редко выступают в роли подлежащего.

Во-первых, это существительные, называющие предмет, который может быть конкретизован: «Ну, думаю, самое подходящее место *пересидеть* здесь каких-нибудь пару недель, пока наши не прогонят немцев» (В. Быков); «Армия окружена дымовой завесой секретности. Похоже, это удобная *ширма закрыть* от посторонних глаз *недостатки* и *хвори* наших вооруженных сил» («Огонек»); «...Ей предстоит *после блеснуть умом* и *высказать* вытверженные *мысли...*» (Н. Гоголь). В данных примерах инфинитив выполняет роль определения с оттенком назначения.

Во-вторых, в качестве подлежащего могут выступать существительные со значением качественной оценки лица (условно конкретные): «Есть такие *артисты рассказывать* – ночь всю просидишь с ними, ни в одном глазу сна не будет» (К. Паустовский); «...Всегда находились *охотники потискать зубами* соленькое и поили старца

Аристарха Капустина дармовым пивом» (В. Астафьев); «К сожалению, любители *пожиться* за счет ближнего не перевелись» («Советская Россия»). Интересно отметить, что существительные этой разновидности употребляются в роли подлежащего обычно в форме множественного числа. Инфинитив при этих существительных – определение с оттенком дополнения, и, как уже было отмечено, он не имеет оттенка назначения. Особое значение определения, обозначение признака по действию, приписываемого лицу, также является отличительной чертой инфинитива в подобных конструкциях.

В-третьих, приближающиеся к конкретным существительные типа *знак, приказ* и др. именно в позиции подлежащего, сочетаясь с инфинитивом, ярче проявляют свою принадлежность к конкретным существительным: «В окне был *знак не входить*, предупреждающий знак» (О. Форш); «В его бумажнике уже хранился *план: захватить МВД, сбросить Горемыкина, самому стать премьером*» (В. Пикуль).

В данных примерах определительная функция у инфинитива преобладает, несмотря на то, что существительные этой разновидности образуют с инфинитивом в основном объектные конструкции. В первом примере при повторе существительного согласованное определение *предупреждающий* как бы актуализирует определительную функцию инфинитива *не входить*, уточняя выражение в смысловом и грамматическом плане. Во втором предложении инфинитив субъектен: *план* – его, и *захватить МВД* собирался он. В значении сказуемого нет привычных для объектных конструкций компонентов (ср.: *дать приказ, сигнал, знак*).

Это дает нам основание полагать, что в том случае, когда существительное выполняет роль подлежащего, а сказуемое не имеет каузативного оттенка в значении, даже при существительных семы *побуждение к действию*, у инфинитива преобладает атрибутивное значение, то есть синкретизм разрешается в пользу определения.

Инфинитив при подлежащем в подавляющем большинстве случаев занимает место после существительного. В тех редких случаях, когда инфинитив находится перед существительным, приходится различать конструкции с инфинитивом-подлежащим и существительным-компонентом сказуемого: «*Ждать* у меня была законная *причина* – бригадир должен был привести мне нового напарника» (В. Ша-

ламов) и «Нет, *принимать жизнь* легкими плечами ...– не ее была участь» (А. Солженицын).

В первом примере инфинитив не является подлежащим, поскольку при трансформации предложения инфинитив нельзя заменить формой существительного в именительном падеже, во втором примере инфинитив можно заменить формой именительного падежа существительного. Ср.: *для ожидания у меня была законная причина; но – принятие жизни... – не ее была участь.*

Тире во втором предложении также свидетельствует в пользу квалификации инфинитива как подлежащего.

Инфинитив при подлежащем в первом предложении выполняет роль дополнения, а не определения. Во-первых, потому, что он заменяется формой косвенного падежа: *причина ждать – причина для ожидания.* Во-вторых, потому, что определение, оторванное от определяемого слова, обычно обособляется, а здесь инфинитив не обособлен. В-третьих, потому, что существительное *причина* присоединяет инфинитив не со значением признака (он обнаруживает оттенок предназначенности и следствия). Оттенок следствия у инфинитива при существительном *причина* можно, как кажется, констатировать, используя прием перефразирования: *бригадир должен был привести мне нового напарника – так что я был вынужден ждать.* В-четвертых, инфинитив стоит в начале предложения, что сближает его с детерминантом. В-пятых, при актуальном членении предложения подлежащее и инфинитив разделяются: инфинитив – «данное», подлежащее – в составе «нового». В примерах, где у инфинитива преобладает значение определения, подлежащее вместе с инфинитивом входит в состав «данного» или «нового».

Если инфинитив в препозиции обособляется от существительного-подлежащего, то есть все основания считать его определением: «*Дорожить* доверием, а значит, *дорожить* и *беззащитностью* ребенка – эта педагогическая *мудрость* должна преисполнить всю нашу работу» (В. Сухомлинский); «*Сходить, оповестить, написать* объявление, *расклеить* плакаты, *достать* красную материю... – вся эта *работа* ложилась на Максима» (А. Рыбаков).

В приведенных примерах «инфинитив темы» обособлен, его определительная функция актуализирована согласованными опреде-

лениями при существительных, выполняющих роль подлежащих. Ср.: *эта педагогическая (мудрость), вся эта (работа)*.

Значительно чаще обособляется инфинитивный оборот в постпозиции при существительном-подлежащем: «...Вижу, что передо мной стоит серьезная *проблема* – *быть* ли мне вообще *на балу*» (М. Булгаков); «В этих краях существовала когда-то самая страшная *казнь* – *привязывать* преступника, чаще богоотступника, в тайге – *на съедение* гнуса» (В. Астафьев); «Но как *быть*, если на его долю выпал горький *жребий*: *увидеть* недалекий *свой предел* – как сказал Гюго, «ужасное, черное солнце, лучами насылающее мрак?» (А. Авдеенко); «Подполковникам совсем не нравится *инициатива* нового начальника разведки – *посадить* в подполковничье *кресло* старшего лейтенанта» (В. Суворов).

Обособленное определение, выраженное инфинитивным оборотом, имеет оттенок пояснения.

Выдвижение значения определения при обособлении инфинитива на первый план позволяет и в конструкции с объектным инфинитивом находить оттенок значения определения: «Наконец пришел секретный телеграфный *приказ* из Москвы – ни в коем случае флот *не возвращать* немцам, а *потопить* его в Новороссийске» (К. Паустовский); «...Слух о „комбедах” полз все выше, все дальше и достиг учреждения, откуда и последовал грозный *приказ* – *ликвидировать* „комбеды”...» (В. Шаламов).

В функции подлежащего только при обособлении инфинитива встречаются существительные, в других условиях с инфинитивом не сочетающиеся. Это существительные *дело, казнь, акция, механика* и др.: «„У женщин есть другое *дело*: *любить* и *утешать* тех, которые жертвуют собой за отчизну”, – сказал он ей» (Л. Толстой); «И действительно, задумывалась грандиозная *акция* – *собрать* в столице сотни тысяч людей, чтобы продемонстрировать *желание образовать* свободную, независимую Литву» («Комсомольская правда»); «Ну а дальше вся эта абсурдная человеческая *механика* – обязательно *делать неприятности* друг другу – постоянно совершенствовалась» («Комсомольская правда»). В этих примерах на определительную функцию инфинитивных компонентов накладываются оттенки пояснения, уточнения, оттенок дополнения, кстати весьма незначитель-

ный, обнаруживается в возможности замены инфинитива однокоренным существительным: *(дело) любви и утешения; (акция) сбора* и проч.

Инфинитив (инфинитивный оборот), примыкающий к существительному, выполняющему в предложении роль подлежащего, ярче, чем в других условиях, проявляет определительное значение. Особенно это касается тех случаев, когда при повествовательном порядке слов в предложении функционирует лексически достаточное сказуемое. Кроме модальных существительных, в качестве подлежащего в исследуемой конструкции могут употребляться немодальные и даже конкретные. Инфинитиву в них также в большинстве случаев свойственна роль определения с различными оттенками: назначения, дополнения, обстоятельства цели. В необособленной препозиции инфинитив (инфинитивный оборот) при существительном-подлежащем выполняет функцию дополнения, в обособленном положении – определения с оттенком дополнения. При существительных, с которыми инфинитив образует объектные конструкции, инфинитив – дополнение с оттенком определения. В примерах с объектным инфинитивом синтаксический синкретизм может быть и неразрешимым, если действующие лица не названы или отчетливо не различаются. При обособлении в таких конструкциях на первый план выдвигается атрибутивная функция. При этом могут иметь место оттенки пояснения и уточнения.

3.3. Инфинитив при субстантивном компоненте сказуемого

Инфинитив, примыкающий к сказуемому, компонентом которого является имя существительное, присубстантивным можно считать только условно, по аналогии с примыканием инфинитива к данным существительным в других конструкциях. Поскольку спрягаемые глаголы в этих конструкциях имеют особое значение (либо это связки, либо приближающиеся к связкам синсемантические глаголы), существительные грамматически и по смыслу тесно с ними связаны. Так как в сочетании с инфинитивом здесь в основном выступают модальные существительные, так же, как и глаголы, недостаточные в плане лексического значения, есть основания предполагать, что инфинитив

является во многих случаях неотъемлемой частью непростого глагольного сказуемого: «Анна имела *способность краснеть*» (Л. Толстой).

Неполнозначностью глагольного компонента сказуемого объясняет подобные явления П. А. Лекант [90, с. 44]. Однако, как представляется, было бы все же излишне категоричным считать инфинитив, примыкающий к субстантивному компоненту сказуемого, исключительно неотъемлемой его принадлежностью. Случаи примыкания инфинитива к существительным-компонентам сказуемого можно дифференцировать.

Некоторые построения с глаголом *иметь*, автосемантические в двучленном сочетании «иметь + существительное», в трехчленном (с примыкающим инфинитивом) обнаруживают склонность к синсемантической и даже к образованию соединений, близких к фразеологически связанным. Это построения с существительными *мужество, смелость, жестокость, наглость, глупость* и др.: «Что касается творчества, о котором вы *имели жестокость упомянуть*, то ... не грех ли вам *тревожить* давно забытые глупости...?» (И. Гончаров); «Он страдал больше, чем это можно представить, но *имел мужество взглянуть в лицо* новой своей судьбе» (А. Грин); «Передавая работу своему руководителю, *имел наглость пошутить*: боюсь, что со знаками препинания у меня не все в порядке» (Б. Окуджава). В подобных примерах инфинитив – неотъемлемая часть сказуемого.

Отглагольные существительные образуют с глаголом *иметь* так называемые «глагольно-именные описательные обороты» [90, с. 43]: *иметь желание – желать, иметь стремление – стремиться*. «Общество *имело желание* как можно больше начальников войск *обратить к своей цели и принять в свой союз*» (М. В. Нечкина); «Все эти черты органично сочетаются, если человек *имеет стремление наблюдать, вбирать в себя* новое и новое...» (Н. Сац). Интересно отметить переходные случаи, где глагол не является в полном смысле связкой; он обнаруживает (по сравнению с глаголом *иметь*) несколько более насыщенное лексическое значение, обусловленное добавочной коннотацией: «Он *почувствовал* болезненное, нестерпимое *желание наступить* ногой на этот хвост, поросший редкими белыми волосками, и поспешно отступил подальше» (Вяч. Рыбаков). В глаголе *почув-*

*с*твовал заключено значение «имел», но на него накладывается еще один смысл – «осознал». Глагол еще не «отпускает» от себя существительное *желание*, однако согласованные определения при существительном *болезненное, нестерпимое* нарушают монолитность сказуемого. Поэтому, как представляется, сильнее становится оттенок значения определения в зависимом инфинитиве.

Обнаруживается своеобразная параллель с конструкциями, в которых существительное выполняет роль подлежащего: чем более самостоятельно лексическое значение сказуемого, чем более различных компонентов лексического значения обнаруживает спрягаемый глагол, тем семантически независимее от него становится имя существительное, подчас обнаруживающее способность к функционированию в качестве второстепенного члена предложения. Инфинитив же, в свою очередь, приобретает более яркий определительный оттенок. Эти формально разные, но семантически сходные случаи (в варианте с существительным-подлежащим сказуемое представлено глаголом со значением появления, возникновения, наступления; в варианте же с существительным в составе сказуемого глагол, наоборот, оказывается лексически более весомым) обнаруживают близость синтаксической функции присубстантивного инфинитива. Ср.: *у него возникло желание **поработать** – он чувствовал непреодолимое желание **поработать**.*

Это наблюдение позволяет сделать два вывода: во-первых, о том, что на синтаксическую функцию инфинитива существенное влияние оказывает лексическое значение глагола-сказуемого (или спрягаемого глагола в сказуемом, если речь идет о конструкции, где существительное является компонентом сказуемого). Под этим влиянием нейтрализуются значения определения и дополнения при существительном-подлежащем или значения дополнения и определения при существительном-компоненте сказуемого. Во-вторых, при всем отличии конструкций с присубстантивным инфинитивом, где существительное является в предложении подлежащим, от тех конструкций, в которых существительное заключает в себе основную долю лексического значения сказуемого, между этими конструкциями наблюдается точка соприкосновения.

Когда существительное входит в состав сказуемого, наблюдаются сочетания с зависимым инфинитивом, которые при существительном в других синтаксических функциях не встречаются: «И вновь задумчивый, унылый // Пред милой Ольгою своей, // Владимир *не имеет силы* // Вчерашний день *напомнить* ей» (А. Пушкин); «...Оленька и мать // Велели звать, и *нет причины* // Тебе на зов *не приезжать*» (А. Пушкин).

В этих предложениях грамматическое значение сказуемого выражается с помощью отрицательного слова *нет*, глаголов *не было*, *не имеет*, *не находит*, *не теряет*. Анализируя примеры, где имена существительные восполняют лексическое значение глаголов, приходим к убеждению, что примыкающий к субстантивным компонентам сказуемого инфинитив в качестве основной имеет функцию дополнения: *не имеет силы* – на что? – *вчерашний день напомнить*; *нет причины* – для чего? – *не приезжать*. В первом случае сочетание *не имеет силы* близко по значению к *не в силах*, однако, в отличие от сочетаний «не в силах + инфинитив», в наших предложениях инфинитив выполняет самостоятельную синтаксическую функцию дополнения и имеет оттенок определения, поскольку допустима постановка вопроса от существительного: *силы* – какой? – *напомнить*; *причины* – какой? – *не приезжать*.

Дополнением следует признать инфинитив, примыкающий к сказуемому, в составе которого существительное имеет форму творительного падежа: «Сейчас же он *считал* святой *обязанностью развлекать* Сюзанну» (К. Паустовский); «Ступени широки и белы, лестница так светла и уютна, что *кажется наслаждением спускаться* по ней» (З. Гиппиус); «Они *считали бы оскорблением* самих себя *обманывать* этого ребенка» (Л. Толстой).

Если существительное в форме творительного падежа не является частью сказуемого, то у инфинитива меняется статус: «Он простился наконец *с болью, с наслаждением встречать и провожать*» (С. Шаров); «Но вдруг ужасная *лень говорить и думать* заявила о себе нетерпеливым *желанием уйти*» (А. Грин). В предложениях косвенные дополнения *с наслаждением и желанием* присоединяют к себе инфинитив в функции определения, которое имеет оттенок дополнения.

Параллельных примеров, где одна и та же падежная форма имени существительного выполняет роль то части непростого сказуемого, то самостоятельного члена предложения, немало. Если сравнить приведенные выше примеры с такими, в которых функционирует существительное *желание*, где оно является компонентом сказуемого со следующими примерами: «Я надеюсь, что вы *найдете* в нем *сочувствие* и *желание содействовать* всему разумному» (Л. Толстой); «Вронский ценил это, сделавшееся единственной целью ее жизни, *желание* не только *нравиться*, но и *служить* ему» (Л. Толстой), то можно увидеть, что инфинитив, смещенный с предикативной оси предложения, выполняет теперь роль определения с оттенком дополнения.

Сочетания с объектным инфинитивом образуют в составе сказуемого существительные со значением «побуждение к действию»: «Не кто иной, как я, *дал* твоей статуеобразной сестре *совет смениться* с тобой *платьем* на свиданье» (О. Форш); «Он *отдает* им *приказ давать* больше информации Александру Глебовичу...» («Комсомольская правда»). Сочетания спрягаемых глаголов с существительными здесь близки к описательным глагольно-именным оборотам (ср.: *дал совет* = *посоветовал*; *отдает приказ* = *приказывает*). Инфинитив в данных примерах имеет значение дополнения, обусловленное зависимостью от сказуемого, а также возможностью различных, свойственных объектному инфинитиву трансформаций: *приказать давать* – *приказ давать*; *советовать смениться* – *совет смениться*. Инфинитив не является компонентом сказуемого, поскольку обозначает действие другого лица, а не того, которое совершает действие, названное сказуемым. В инфинитиве находим оттенок значения определения, поскольку сохраняется возможность постановки вопроса от существительного. Все случаи употребления объектного инфинитива в конструкциях с существительным-компонентом сказуемого и каузативными спрягаемыми глаголами *дать*, *отдать*, *передать* и др. под. отмечены также оттенком обстоятельства цели у инфинитива: «Князь позвонил и *дал приказ позвать* ту женщину» (Н. Гоголь). *Дал приказ* – о чем? какой? с какой целью? – *позвать, о том, чтобы позвали*.

Если в сказуемом употреблен некаузативный глагол, то оттенок обстоятельства цели с достаточной очевидностью не прослеживается:

«Он снесся с казачьим генералом Красновым и *получил* от него *приказ сделать все возможное*, чтобы флот был возвращен в Севастополь...» (К. Паустовский); «В полдень они *получили приказ выдвинуться* в город» («Комсомольская правда»). В данных предложениях ослаблена связь между спрягаемым глаголом и существительным, значение которого конкретизируется в сочетании с глаголом (ср.: *получил пакет, сигнал, знак*). Лексическое значение существительного не безразлично к организации в предложении отношений между субъектами: если в собственно объектной конструкции одно лицо обозначено в глаголе-сказуемом и в существительном, а другое – в инфинитиве (*дал приказ наступать*), то в последних примерах одно лицо обозначено в глаголе-сказуемом и в инфинитиве, а другое названо в существительном (*получил приказ наступать*). Конкретизация существительного, изменение, происшедшее в «системе действующих лиц», позволяют квалифицировать существительное как прямое дополнение, а инфинитив при нем – как определение с менее ярким оттенком предназначенности, дополнения и – отчасти – цели (ср.: *получили приказ, чтобы выдвинуться в город*).

Связь существительного – компонента сказуемого со спрягаемым глаголом часто синтаксически обусловлена, и тогда с каузативными глаголами образуется устойчивое сочетание (*делал движение, усилие, искал случая*): «Тотчас он *сделал* неуловимое, сумасшедшее *движение ускользнуть* в соседнюю комнату» (Ю. Тынянов); «Он явно *делал* мысленное *усилие припомнить* что-нибудь из рубинштейновской оперы» (В. Набоков); «Он рассказал, что год *искал случая вырваться из плена и найти партизан*» (В. Быков).

На то, что инфинитив, примыкающий к сочетанию *искать случая*, выполняет в предложении роль обстоятельства цели, обратил внимание В. П. Сухотин [139, с. 91]. Следует уточнить, что в данных предложениях инфинитив все-таки выполняет функцию дополнения, а значение обстоятельства цели и определения имеет в качестве оттенков. Ср.: *движение* – какое? для чего? *сделал* с какой целью? – *чтобы ускользнуть*; *усилие* – для чего? – *для припоминания*; *делал* – с какой целью? – *чтобы припомнить*; *случая* – для чего? какого? – *вырваться*; *искал* – с какой целью? – *чтобы вырваться из плена*. Инфинитив в последних примерах зависит от сказуемого и имеет свои осо-

бые отношения с каждым из его компонентов: со спрягаемым глаголом – объектные и обстоятельственные, а с существительным – объектно-определительные.

Конкретные существительные, присоединяющие к себе зависимый инфинитив, компонентами сказуемого не являются. Условно-конкретные (со значением качественной оценки лица), наоборот, чаще выступают в качестве компонента сказуемого: «...Купец Изюмин *охотник гонять* их [голубей]» (И. Гончаров); «Да, признаться сказать, я вовсе *не охотник играть*» (Н. Гоголь); «„Я большой *любитель разбирать слова*,” – неожиданно сказал лесник и смущенно усмехнулся» (К. Паустовский); «Мороз вообще был *мастер путать* постулаты, и я уже начал привыкать к этой его особенности» (В. Быков). Находить в таких конструкциях у инфинитива значение дополнения позволяют примеры, в которых на месте инфинитива оказывается существительное: «Гутман был испытанный *мастер на все возможные и невозможные дела* – все у него получалось удивительно легко и просто» (В. Быков).

Именно при сказуемом инфинитив чаще всего встречается в препозиции: «*Жаловаться* она *не имела права*» (И. Гончаров); «...*Досадовать на себя*, казалось бы, *нет повода*...» (В. Тендряков); «...Мне *волноваться не было* никаких *причин*» (А. Грин). Общеотрицательный характер предложения, зависимость от сказуемого, возможность трансформаций типа *не имела права на жалобы, нет повода для досады, не было причин для волнений* подтверждают мысль о том, что у инфинитива основной является функция дополнения. Оттенок значения определения здесь оправдан наличием отношений инфинитива с существительным: *причин* – каких? – *волноваться, права* – какого? – *жаловаться, повода* – какого? – *досадовать*.

Значение определения преобладает у обособленного инфинитива: «Мценский не мог равнодушно забыть, отвергнуть, обойти стороной эту чужую скорбь, и тут же *принял решение* – *отнести* Инге в психушку *передачу*...» (Г. Горбовский); «Какой-то быстрый государственный ум *подал* внезапную *мысль: собрать* на бородинских позициях возможно большее количество ветеранов, ...которые *имели случай видеть* Наполеона» (А. Куприн). Обособленный инфинитивный оборот имеет также оттенок значения обстоятельства цели, обуслов-

ленный семой намерения, обнаруживаемой в сказуемом. Оттенок дополнения, который неизменно присутствует в конструкциях, подобных данным, но с иной функцией существительного, оправдан деривационной семантикой существительных (ср. возможность постановки вопроса *о чем?*: *принял решение* – о чем? – *отнести*, *подав мысль* – о чем? – *собрать* *возможно большее количество ветеранов*). Определительное значение инфинитивного компонента в данной конструкции оказывается сильнее, поскольку обособление дополнений и обстоятельств в такой позиции не предусмотрено.

Следует обратить особое внимание на предложно-падежные сочетания имен существительных, имеющих тенденцию к вхождению в состав сказуемого как его неотъемлемый компонент и присоединяющих к себе инфинитив. Дело в том, что предложно-падежные сочетания могут оказаться на пути перехода в предикативные наречия и даже в предлоги.

В. П. Сухотин, анализируя словосочетания глаголов с зависимым инфинитивом, обратил внимание на «побледнение» лексических значений глаголов и отметил возможность перехода этих глаголов в связки (как это уже произошло с глаголом *быть* в будущем времени) [139, с. 90]. Подобное «побледнение» наблюдается и в лексическом значении существительных с предлогами, присоединяющих к себе зависимый инфинитив. Известно, что сочетания *в силах/не в силах*, *в состоянии/не в состоянии* давно квалифицируются как предикативные наречные сочетания. Приближаются к предикативным наречиям и некоторые сочетания существительных с предлогами.

Переход слов из одной части речи в другую – процесс весьма длительный [106, с. 19]. Однако уже сейчас можно наблюдать в отдельных случаях не отмеченные пока в лингвистической литературе предикативные наречные сочетания: «*Вне опасности умереть*, – как сказал Иван Иваныч, – но зато *в опасности* на всю жизнь *остаться идиотом*» (В. Каверин); «...Он не имел никакого определенного суждения о народе, и *на вопрос*, знает ли он народ, *был бы* в таком же *затруднении ответить*, как на вопрос, любит ли он народ» (Л. Толстой).

В первом примере слово *опасность* – не существительное: оно уже не сочетается с прилагательными-атрибутами. Ср.: *вне большой*

опасности – невозможно. Все сочетание *вне опасности / в опасности* выступает в предложении в качестве именной части составного именного сказуемого с нулевой связкой. Оно возможно при лексически недостаточных глаголах с общим значением «жить», «существовать». И тогда, если допустить возможность расчленения, сочетание приобретает вид *жил вне опасности умереть*: *жил* – каким образом? – *вне опасности умереть*. Наличие в семантике инфинитива элемента субстантивности позволяет прогнозировать переход сочетания *вне опасности* в производный предлог. Инфинитив не имеет здесь статуса самостоятельного члена предложения и только в составе всего сочетания входит в предложение.

Во втором примере сочетание *в затруднении* также максимально приближено к наречному. На близость к предикативному наречию в предложении указывает неоднозначный глагол *был*: *был бы в таком же затруднении ответить*. Ср.: *был в затруднении ответить*. До наречного сочетания один шаг, но на этом пути еще стоит согласованное определение, выраженное указательным местоимением *такой*, лишь оно не позволяет однозначно квалифицировать сочетание как наречное. Однако синсемантичность существительного, которая унаследована от производящего глагола *затрудниться (ответить)*, когда все сочетание «спрягаемый глагол + инфинитив» выполняет роль одного члена предложения, предполагает в нашей конструкции синтаксическую нечленимость этого сочетания. Заметим, что производящий глагол может управлять однокоренным с инфинитивом существительным: *затрудняться в ответе*, но он не передает здесь этого свойства существительному.

Квалификацию синтаксической функции инфинитива в данном примере можно дополнить. Несмотря на нерасчлененность конструкции в целом, инфинитив имеет здесь оттенок причины. Оттенок значения причины обусловлен смысловыми отношениями, возникающими в предложении: *был бы в затруднении* – почему? по какой причине? – *потому что не мог ответить, так как не мог ответить*. Такое мнение не противоречит общему положению: инфинитив – синкретичный элемент сказуемого, ему также свойственно выступать показателем сопутствующей предикативности: *он был в затруднении ответить, так как не мог ответить*.

О незаконченности процесса перехода предложно-падежных сочетаний существительных в наречные сочетания говорит наличие параллельных конструкций, в которых эти сочетания выступают в своем обычном виде и значении: «В его вере в чиновную бумагу и полицейскую силу..., в его *готовности убить* человека ради святой буквы закона и тут же *пренебречь законом* ради чудовищного произвола выразился полицейский чин, жандармский туз» (В. Гроссман); «Одесская милиция *была в готовности не допустить* массовые беспорядки» («Известия»).

В первом примере сочетание *в готовности* – существительное с предлогом, имеющее несогласованное определение, выраженное притяжательным местоимением *его*, выполняет роль дополнения: *выразился* – в чем? – *в готовности убить*. Во втором примере сочетание *в готовности* – неотъемлемая часть сказуемого *была в готовности не допустить*; модальная окрашенность сочетания, отсутствие атрибутивных распространителей (ср., впрочем, *была в полной готовности*) говорят о том, что перед нами наречное сочетание.

Инфинитив, примыкающий к существительному – компоненту сказуемого, – явление в языке неоднозначное. Если существительное, действительно, неотъемлемая часть сказуемого, а сказуемое, как известно, представляет собой единство лексической и грамматической семантики, то инфинитив не является собственно присубстантивным. Он в таком случае «присказуемый». Однако в составе сказуемого он примыкает непосредственно к компоненту, выраженному существительным, сохраняет с ним особые, отдельные отношения, позволяющие находить у инфинитива оттенки значения определения. Преобладание значения дополнения в этом случае объясняется тем, что распространителем сказуемого не может быть определение. Первичными распространителями сказуемого являются дополнения и обстоятельства.

3.4. Инфинитив при второстепенных членах предложения

3.4.1. Инфинитив при дополнении

Модальные существительные, отглагольные и отадъективные, выполняя в предложении роль прямого дополнения, присоединяют к

себе инфинитив в функции определения: «Он с возмущением вспомнил свое *намерение застрелиться*, если не будет письма от Кати, и опять лег, и опять взялся за Писемского» (И. Бунин); «Не поставь вы этот вопрос, я бы приказал изолировать вас, потому что понял бы вашу неискренность и *желание перебежать* к красным из немецкой прифронтовой деревни» (Ю. Семенов); «Все думая и прикидывая и так и эдак, он *старался найти* какую-нибудь *возможность перехитрить* полицию, *вывернуться* совсем или хотя бы *оттянуть приговор*» (В. Быков).

Преобладание определительного значения у инфинитива объясняется наличием согласованных определителей-конкретизаторов при существительных – *свое* (намерение), *ваше* (желание), *какую-нибудь* (возможность), а также невозможностью замены инфинитива однокоренным существительным. В третьем примере у инфинитива наблюдается возникновение добавочного оттенка обстоятельства цели, поскольку инфинитив обнаруживает двойную зависимость (от сказуемого и от члена предложения, выраженного существительным), а также потому, что одним из лексических компонентов сказуемого является сема намерения: *старался найти* – с какой целью? – *чтобы перехитрить*.

В роли прямого дополнения употребляются и конкретные существительные: «Надо найти *место ночевать*» (В. Шаламов); «А что *денег* у него *нет* с официантом *расплатиться*, я не сразу понял» (В. Чванов). В приведенных примерах инфинитив выполняет роль определения с оттенком обстоятельства цели. Значение определения у инфинитивов в данных примерах обусловлено примыканием к конкретным существительным, а оттенок обстоятельства цели – позицией дуплексиа и семой намерения в сказуемом.

Вызывает затруднение квалификация синтаксической функции инфинитива в следующем примере: «Московский императорский университет, получив от меня мою фотографическую карточку и *предложение купить* после смерти мой костяк, ответил мне принципиальным согласием» (И. Бунин). Дело в том, что существительные со значением «побуждение к действию» присоединяют к себе обычно инфинитив с основным значением дополнения и добавочным – определения, если отчетливо различаются действующие лица в конструк-

ции. В данном примере налицо такое соответствие, однако существительное *предложение* может расцениваться как *каузирующий документ* [35, с. 140], так как обозначает письменно оформленную официальную бумагу. Это дает основание считать существительное *предложение* относящимся к конкретным. В этом случае инфинитиву более близка роль определения с оттенком назначения. Таких примеров немного, но они встречаются. Ситуация не искусственная, ее «провоцирует» глагол-сказуемое *получить*. Ср.: глагол с обратным значением «дать» в конструкциях, где существительное является компонентом непростого сказуемого.

В примерах с каузативными существительными в роли прямого дополнения, присоединяющими к себе зависимый инфинитив, приходится признать приоритет дополнения и решать проблему синтаксического синкретизма инфинитива в пользу дополнения: «*Предложение Андреева называть инфинитив* деепричастием Будде находит неудачным» (В. Малаховский); «*Я получил предложение* не только *сотрудничать*, но и *взять аванс*, который и взял...» (И. Бунин).

Невозможность отнесения действия, названного в инфинитиве, к одному из действующих лиц, обозначенных в конструкции, делает проблему синтаксического синкретизма инфинитива неразрешимой: «Недавние волнения в военных поселениях и беспокойное их состояние обосновывали его *предложение двинуться „за Днепр“*...» (М. В. Нечкина). В предложении не указано, кто *двинется за Днепр* – он, те, кому направлено предложение, или все вместе. Под сомнение здесь ставится само понятие «объектности» конструкции. Поэтому реально утверждение о полной нейтрализации у инфинитива различий между дополнением и определением.

В позиции перед существительным – прямым дополнением инфинитив не встречается.

В обособленной позиции (после имени существительного) он имеет синтаксическое значение определения: «... поэтому Батулин избрал легчайший *путь – ждать* счастливой случайности» (К. Паустовский); «Только позже мы узнали, что наш начальник дивизии придумал хитроумный *план* – вместо обычного преследования... *врезываться клином* в линию отходящего неприятеля и тем *вынуждать* его к более поспешному *отступлению*» (Н. Гумилев).

Сказуемые в обоих примерах имеют в своем значении коннотацию намеренности (*избрал, придумал*), поэтому есть основание находить в обособленных инфинитивных оборотах оттенки значения обстояательства цели. Согласованные определения при существительных обусловили оттенки пояснения.

Инфинитив (инфинитивный оборот) при существительном, выполняющем в предложении роль косвенного дополнения, ведет себя так же, как и при прямом, то есть в большинстве случаев в нем преобладает значение определения, а значение дополнения выступает в качестве оттенка: «Должен сначала сказать, что я понял, что это, бесспорно, есть знак высочайшего одобрения моему *искусству танцевать*» (А. Куприн); «Так неожиданно получил я еще одно *подтверждение* своим тайным замыслам *покинуть Батурино*» (И. Бунин); «Что-то женское было в этой бережности, в *желании согреть, сохранить* в себе зародившуюся жизнь» (В. Астафьев)

В первых двух примерах преобладание функции определения эксплицировано наличием у существительных согласованных определений *моему, тайным*, однако и в третьем примере, как представляется, у инфинитива основным является значение определения, а значение дополнения – добавочным.

Причину такого поведения присубстантивного инфинитива, пожалуй, следует искать в значении, выражаемом другими элементами предложения и как отношение распространяющемся на сам инфинитив. Это особенное значение в пресуппозиции. Отдельные элементы предложения, тесно связанные с нашей конструкцией, выражают оценку, что позволяет и в инфинитиве находить значение признака: *это ... есть знак одобрения; получил я ... подтверждение; что-то женское было*. Интересно, что обнаруживается и грамматическая закономерность. Если существительное конструкции по образованию не соотносится с глаголом, то оно зависит от отглагольного существительного *одобрение, подтверждение* или от глагола: «Я хочу сказать о твоей благородной *миссии найти* экспедицию капитана Татаринова» (В. Каверин).

Обособленный инфинитив при существительном, выполняющем в предложении роль косвенного дополнения, имеет преобладающим значение определения: «Слышал еще прошлой осенью Герцев где-то

что-то об этом, да пренебрег таежным *правилом* – всякую новость *запоминать*» (В. Астафьев); «Не мешало бы отучить германца *от* дурной *привычки* – *мыть* посуду после еды» (В. Пикуль).

В приведенных примерах прослеживаются также оттенки присоединения, уточнения (пояснения).

Нетрудно заметить, что функции инфинитива близки к его функциям при подлежащем в примерах с лексически достаточным сказуемым.

3.4.2. Инфинитив при несогласованном определении

Примеры, где инфинитив примыкает к существительному, выполняющему в предложении роль определения, очень редки. В них существительное является определяющим по отношению к другому существительному и одновременно определяемым к инфинитиву: «...Но забыли препроводить бумагу королевскому правительству *с* *просьбой* **позволить** ношение орденов в Великобритании» (Ю. Тынянов); «И когда пришла эстафета от Веры из Казани *с* *просьбой* **ехать** немедленно и спешно – я выехал» (О. Форш); «Идет следствие *с* *целью* **выяснить** обстоятельства попытки судна серии „Нефтегаз” ... **протаранить** небольшой гидрографический корабль военной флотилии» («Известия»).

Лексическая семантика и грамматические особенности компонентов в этих примерах в основном постоянны. Определяемое существительное либо конкретное с общим значением «послание» (*письмо, заметка, эстафета, с просьбой*), а также со значением «лицо-функционер» (*назначили кастеляном с обязанностью наблюдать*), либо это существительное, образованное от глагола со значением ментальности (*знание, ухищрение, мысль*): «Вдруг от нее самой пришла эстафета *с* *мольбой* **ехать** немедленно, по особо важному случаю» (О. Форш); «Брызгалова ... назначили кастеляном внутренних дворов *с* *обязанностью* **наблюдать** за своевременным поднятием и спуском мостов над каналами» (О. Форш); «...Он иногда прибегал даже к ухищрениям *с* *целью* как-нибудь **сгладить** впечатление о себе, **снизить** его» (Ю. Олеша).

Способы выражения существительного, к которому примыкает инфинитив, можно дифференцировать.

В основном это формы творительного падежа с предлогом *с*: «От Жени я получил три письма *с обещаниями приехать* к началу учебного года на курсы» (А. Грин); «Написал нынче графу Сен-При письмо *с просьбой пристроить* рвущегося *послужить* Тимошу к нему в Егерский полк» (Б. Окуджава); «Идет следствие *с целью выяснить* обстоятельства попытки судна серии „Нефтегаз” ... *протаранить* ... корабль военной флотилии» («Известия»).

Определяющее существительное может быть выражено формами родительного падежа без предлога или с предлогом *без*: «Он не знал, что его образ действия относительно Кити имеет определенное название, что это есть заманивание барышень *без намерения жениться* и что это заманивание есть один из дурных поступков...» (Л. Толстой).

Определяющее существительное при существительном – само по себе синкретичное явление, оно совмещает в себе синтаксические функции определения и дополнения или определения и обстоятельства (*письмо с просьбой вернуться, посланы разъезды с заданием изловить*). Иногда значение дополнения в нем преобладает, а значение определения выступает в качестве оттенка. Особенно это касается форм предложного падежа с предлогом *о*: «Он пересказал Тумановой мысли Стригалева *о необходимости* из года в год *опылять* упорные растения, не поддающиеся скрещиванию» (В. Дудинцев); «Ряд членов Союза благоденствия писал обстоятельные записки для передачи царю о вреде крепостного права, *о необходимости* его *отменить*, о неотложности реформ» (М. В. Нечкина). Ср.: *мысли* – о чем? какие? – *о необходимости*; *записки* – о чем? какие? – *о необходимости*.

В наиболее распространенных случаях, когда существительное-определение выражено формами со значением «побуждение к действию»: *с заданием, с просьбой, с мольбой* – инфинитив в качестве основного имеет синтаксическое значение дополнения, а значение определения в нем выступает в качестве оттенка: «[Он] послал товарищу Кирову двадцать писем *с просьбой разобратся* в его деле» (А. Рыбаков); «Коротенькая записка Нессельрода *с просьбой пожаловать* за час до бала – была новой комбинацией» (Ю. Тынянов). Как видим, примыкание инфинитива к существительному, выполняющему в предложении роль синкретичного члена предложения, не меняет

его статуса: в объектной конструкции с отчетливо различающимися действующими лицами он – дополнение с оттенком определения. Если действующие лица отчетливо не различаются, то синтаксический синкретизм оказывается неразрешимым: «И в президиум пошла записка с предложением **отложить** составленный заранее *список* и **дать высказаться** всем, кто хочет» («Комсомольская правда»); «Наоборот, если барин встал с левой ноги, то после последуют примеры правого уклонизма с призывом **собрать все силы** для борьбы с кулаками» (М. Пришвин).

Инфинитив (инфинитивный оборот) при существительном, выполняющем в предложении роль определения, всегда постпозитивен и обычно не обособляется.

Каузативный глагол-сказуемое и двойная зависимость инфинитива (от существительного и от глагола) позволяют наблюдать в инфинитивном компоненте конструкции оттенок обстоятельства цели. См. пример из Б. Окуджавы: *написал* – с какой целью? – *чтобы пристроить рвущегося послужить Тимошу*; «В апреле Коля отправил Московской станции юннатов письмо с просьбой **прислать** семена нужных ему для опыта разновидностей гороха...» (А. Шаров); *просьбой* – о чем? – **прислать**: *отправил* – с какой целью? – *чтобы прислали семена*.

Таким образом, инфинитиву, примыкающему к существительному-определению, в большинстве случаев оказывается присуща роль дополнения с оттенком определения. Это обусловлено семантикой опорного существительного, регулярно выступающего в качестве определения в нашей конструкции.

3.4.3. Инфинитив при приложении

В редких случаях существительное выступает в предложении как приложение.

В роли приложения могут выступать существительные со значением качественной оценки лица – *мастер, любитель* и др.: «...Гордин, баснословный растратчик, Гордин, бесстыдный очковтиратель, Гордин, **мастер всучивать взятки** и **крутить интриги**, Гордин должен быть упрятан в тюрьму...» (В. Тендряков); «Командовал ими майор Селезнев, из кавалеристов, ...**мастер ругаться** в семь

этажей» (В. Быков); «Об этой второй пешке я – *любитель разыскивать источники и корни* безымённого творчества – давно уже навёл справки и, кажется, нашел следы ее возникновения» (А. Куприн).

Приложения, выраженные существительными качественной оценки лица, приближающимися к конкретным существительным, распространяют обычно члены предложения, выраженные именами существительными собственными или личными местоимениями. Зависимость от нарицательных существительных наблюдается крайне редко: «Вспомнилась мать, *любительница выпить и повеселиться* по всякому поводу» (В. Чванов).

Обособленное приложение полупредикативно, поэтому функция инфинитива в этих конструкциях приближена к функции, выполняемой им при сказуемом, где существительное синсеманлично.

Приложения с модальными опорными словами и зависимым от них инфинитивом присоединяются к определяемому существительному с помощью союза *как*, а союз *как* в совокупности с отношениями отождествления, как представляется, приближает конструкцию к сравнительному обороту. Это становится особенно заметно, если определяемое существительное не выполняет в предложении функцию подлежащего: «Мысль об отставке, как единственной *возможности вырваться* из становившейся невыносимой жизни, в это время неотступно начала преследовать поэта» (Н. Колосова).

В данном примере инфинитив имеет преобладающее значение определения, а значение дополнения выступает в качестве оттенка. Подобной следует признать и функцию инфинитива в предложении, где приложение не имеет союза *как*: «Единственное преимущество имела Наташка перед теми, которых везут на смертную казнь: *возможность удавиться*» (И. Бунин).

Инфинитив при существительном, являющемся в предложении приложением, всегда постпозитивен и не обособляется.

Таким образом, различные синтаксические значения инфинитива, примыкающего к существительному-приложению, объясняются различной представленностью субстантивного компонента в конструкции: существительными со значением качественной оценки, приближающимися к конкретным, и модальными существительными, являющимися приложениями к существительным-подлежащим и существительным-дополнениям.

3.4.4. Инфинитив при обстоятельстве

Существительные, сочетающиеся с зависимым инфинитивом, часто выполняют в предложении роль обстоятельств. В основном это предложно-падежные сочетания, составляющие своеобразные группы, объединяемые по форме: 1) *в расчете, в смысле, в надежде* и др.; 2) *из страха, из желания, из необходимости, из расчета* и др.; 3) *с целью, с надеждой, с расчетом* и др. Ср. также: *от нетерпения, при попытке, по привычке*.

Предложно-падежные сочетания употребляются с инфинитивом потому, что точнее и лаконичнее выражают мысль, чем если бы пришлось то же самое выразить сочетанием «существительное + существительное». Наверное, поэтому в большинстве примеров невозможна адекватная замена инфинитива существительными. Ср.: *из необходимости петь – из необходимости пения*. Однако нередко такие сочетания способны иметь при себе в качестве постпозитивного распространителя и имя существительное, и зависимый инфинитив: *«В расчете **избавить себя** от грядущих сцен ревности, я готовил ее к своей непригодности для прочной семейной жизни»* (О. Форш). Ср.: *в расчете **избавить** – в расчете на избавление*.

Такие сочетания похожи на сочетания существительных с производными предлогами. Поскольку существительные, с которыми связан инфинитив, в основном имеют лишь модальное значение, что уже само по себе призвано служить выражению отношений, постольку легче утрачивается и «вещественное» значение такого существительного.

Нельзя не признавать разницы между действием, называемым инфинитивом, и тем, которое более обобщенно названо в однокоренном существительном. Характерно, что А. М. Пешковский, отрицавший возможность употребления предлога при инфинитиве и считавший это «бессильными потугами» русского языка, при определении статуса инфинитива соглашался с тем, что «какая-то связь этой формы с существительным сохраняется, по-видимому, и поныне» [118, с. 131].

Представляет интерес перспектива развития морфологической категории предлога, но здесь важнее, кажется, другое: если предложно-падежные формы *из страха, в смысле, в расчете, с целью* и др. за-

нимают место предлогов при существительных, то почему бы не квалифицировать их как неполнозначные формы, выражающие различные отношения, и при инфинитиве? В таком случае уместно было бы считать едиными синтаксические компоненты предложения, выраженные сочетаниями этих элементов с инфинитивом: «Вот и здесь, на дороге, для начала решил я свести знакомство с человеком, ... суетливо заглядывавшим в посторонние глаза *в надежде пообщаться*» (Г. Горбовский); «*В смысле пожрать* он устроился на одно лето пастухом» (Д. Гранин). В приведенных примерах общим является отсутствие распространителей у обоих элементов сочетания. Окказионально-авторское сочетание во втором примере нерасчленимо, несмотря на то, что инфинитив не может быть заменен существительным без ущерба для смысла (ср.: *в смысле еды*). Сочетание *в смысле* здесь, безусловно, является предлогом (ср.: *в смысле возможности пожрать*). А просторечное *пожрать* замещает в предложении существительное, хотя и не субстантивируется. Сочетание в первом примере – *в надежде* – можно считать приближающимся к предложному (ср.: *в надежде на общение*). В первом примере компоненты конструкции еще сохраняют относительную самостоятельность: можно поставить вопросы от предложно-падежного сочетания существительного к инфинитиву (*в надежде* – на что? какой? – *пообщаться*). Во втором примере вопрос от компонента *в смысле* к инфинитиву поставить невозможно.

Предлоги, производные и непроизводные, при инфинитиве употребляются крайне редко: «Каялись и грешили и, *под видом изловить* антихриста, уколошили неантихристов» (Н. Гоголь); «...Чтобы знали наше правило. – Какое правило? – Наше правило *насчет плевать*. – Раз плюнешь – три дня моешь» (А. Макаренко); «Мне как историку в общем-то хорошо известно, чем кончались усилия тех, кто пытался создать „новый порядок“ *через „убить каких-то“*, через лагеря с газовыми камерами и колючей проволокой» (В. Тендряков). Интересен тот факт, что будучи распространителем существительного, сочетание инфинитива с предлогом выполняет роль атрибута (*правило* – какое? – *насчет плевать*), если же сочетание зависит от глагольного компонента предложения, то выполняет синтаксическую функцию обстоятельства (*пытался создать* – каким образом? – *через убить каких-то*).

Предлоги часто прогнозируют синтаксическую функцию существительного, при котором употребляются, поэтому вполне обоснованным будет предположение о том, что предложно-падежные сочетания существительных также могут прогнозировать оттенки синтаксических функций инфинитива. Определяя степень приближения тех или иных полнозначных слов к предлогам, Е. Т. Черкасова утверждает, что в их собственном лексическом значении (которое они частично теряют) содержится указание на те смысловые отношения (временные, причинные, целевые), которые выражаются соответствующими предлогами [156, с. 13].

Можно провести параллель между сочетаниями «производный предлог + имя существительное» и «производный предлог + инфинитив». Тогда приближающееся к предлогу предложно-падежное сочетание существительного поможет проявить роль инфинитива в предложении или определить оттенки синтаксического значения инфинитива.

Приближающиеся к производным предлогам сочетания существительных с непроизводными предлогами имеют с инфинитивом формальную связь – примыкание, которая в силу ряда причин приближается к управлению. Главная причина заключается в том, что многие из существительных, с которыми связан инфинитив, по происхождению соотносятся с глаголами, и в том, что инфинитив сохраняет все-таки некоторый элемент субстантивности. Уже то, что инфинитив в предложении может замещать любую позицию, в аналогичных ситуациях замещаемую существительным, является в любой спорной ситуации доказательством наличия в его семантике субстантивного начала. Если исходить из этих соображений, то инфинитив, зависящий от предложно-падежного сочетания существительного, приближающегося к производному предлогу, «примыкает» и «управляется». Это позволяет считать в инфинитиве главной функцию дополнения, а другие функции – второстепенными, учитываемыми параллельно с этой главной функцией.

Модальные существительные, сочетающиеся с инфинитивом и выполняющие в предложении функции различных обстоятельств, употребляются в конструкции с различными непроизводными предлогами: *в, из, с, от, при* и др. Анализ примеров позволяет отметить,

что эти предлоги употребляются как при существительных, выполняющих в предложении роль обстоятельств, так и при существительных-дополнениях: «Итак, человек, сочинивший историю Понтия Пилата, уходит в подвал *в намерении расположиться* там у лампы и *нищенствовать?*» (М. Булгаков); «Эта прекрасная весна еще более возбудила Левина и утвердила его *в намерении отречься* от всего прежнего, *с тем чтобы устроить* твердо и независимо свою одинокую жизнь» (Л. Толстой). В первом примере сочетание *в намерении* более тесно связано с инфинитивом и вместе с ним выполняет в предложении роль обстоятельства цели. Ср.: *уходит в подвал* – с какой целью? – *в намерении расположиться там ... и нищенствовать*. Во втором примере то же самое сочетание *в намерении* является косвенным дополнением, а инфинитив при нем – определение с оттенком дополнения. Ср.: *утвердила* – в чем? – *в намерении*. Если во втором примере возможен актуализирующий компонент (ср.: *в таком намерении*), то в первом примере подобная актуализация не представляется возможной. Зато в первом примере возможна замена инфинитивного оборота деепричастным. Ср.: *уходит, намереваясь расположиться и нищенствовать*. Невозможность смыслового членения компонента, выраженного деепричастным оборотом, утверждает в мысли об отсутствии такой возможности и у инфинитивного оборота.

Разные производные предлоги, употребляясь с одними и теми же модальными существительными и инфинитивом, позволяют наблюдать одинаковые обстоятельственные оттенки значения, и, наоборот, одно и то же предложно-падежное сочетание существительного с инфинитивом выполняет в предложении функции разных обстоятельств (если сочетание нерасчленимо) или инфинитив имеет оттенки различных обстоятельств (если он выполняет самостоятельную роль в предложении): «...И неровные мазки дурацкой косметики, аляповато, *не из желания* кому-то *понравиться* – по укоренившейся привычке, как за ухом почесать» (Г. Горбовский); «..., Она, как Жанна д'Арк, пришла, чтобы спасти», – много говорил благоглупостей то ли от радости, ... то ли *от желания понравиться...*» (Ю. Крелин). Предлог *из* может быть связан с представлением о цели, если употребляется при отглагольном модальном существительном: *из стремления, из желания*. Ср.: «Слова берутся без разбора ... больше из ще-

гольства, чем *из желания придать* живописную силу своей вещи» (К. Паустовский). В приведенных ранее примерах сочетания *не из желания ...понравиться – от желания понравиться* синтаксическая функция инфинитива либо неотделима от всего сочетания в целом, поскольку у существительных нет иных зависимых слов, либо у инфинитива преобладает значение дополнения (ср.: *желая, не желая – чего? – понравиться*).

Предложно-падежные сочетания существительных с инфинитивом в этих примерах соотносятся с придаточными причины в сложных предложениях (ср.: *не потому, что желал понравиться – потому, что желал понравиться*). Причинное значение всей конструкции с присубстантивным инфинитивом, таким образом, не вызывает сомнения. Вопрос в том, распространяется ли это значение на инфинитив в случае, если он самостоятельный член предложения. Если ответить на этот вопрос утвердительно, то перед инфинитивом в подобных конструкциях открывается широкая перспектива выражения обстоятельственных оттенков: «Мне с трудом удалось вырвать из рук колонистов одного из новеньких, которого ребята поймали *при попытке залезть* через окно в комнату Екатерины Григорьевны» (А. Макаренко). Субстантивный компонент не имеет других зависимых элементов, кроме инфинитива, и, вероятно, утрачивает в таком сочетании часть своего лексического значения, приближается к тому, чтобы выражать лишь отношения между глаголом-сказуемым и инфинитивным компонентом, который, в свою очередь, имеет распространители – *через окно, в комнату*. При этом возможна постановка вопроса от существительного к инфинитиву (*при попытке – чего? какой? – залезть через окно*). Если считать конструкцию единым членом предложения, то ей окажется присуща роль обстоятельства времени: *поймали – когда? – при попытке залезть*. Если признать за инфинитивом право на статус самостоятельного члена предложения, то в нем, на наш взгляд, правомерно будет находить оттенок обстоятельства времени, обусловленный соотносительностью инфинитивного компонента с придаточным времени.

Вполне вероятно сохранение этого оттенка в похожей конструкции с распространенным субстантивным компонентом: «Командор с детства всяких поучителей переносить не мог, ну просто болел нут-

ром *при* одной только попытке со стороны людей **выговорить** ему, **подсказать**, **сделать** назидание» (В. Астафьев). Ср.: *болел нутром, когда люди что-то выговаривали ему*. Эта же трансформация позволяет находить в инфинитивном компоненте также оттенки условия и (или) причины.

Значение условия у присубстантивного инфинитива может выступать и более явно: «Когда режиссерская мысль неудержима в стремлении **вырваться** за пределы общепринятого, нельзя не любоваться ее свободной и смелой энергией» (Н. Крымова). В предложении микроструктура – конструкция с присубстантивным инфинитивом – оказывается внутри макроструктуры – придаточного условия (с оттенком значения времени и, возможно, причины). Микроструктура (конструкция с присубстантивным инфинитивом) имеет несколько смысловых оттенков: причины, условия, времени. Ср.: *когда режиссерская мысль неудержима, потому что стремится вырваться за пределы общепринятого, нельзя не любоваться ее свободной и смелой энергией; когда режиссерская мысль неудержима, если (когда) стремится вырваться за пределы общепринятого, нельзя не любоваться ее свободной и смелой энергией*. Субстантивный компонент не имеет распространителей, кроме инфинитивного, значение его приближается к значению неполнозначного слова, выражающего отношения между глаголом-сказуемым и инфинитивным компонентом. Именно инфинитивный компонент обеспечивает возможность широкого понимания смысла всего высказывания: *мысль неудержима* – по какой причине? – *потому что она стремится вырваться; нельзя не любоваться ее ... энергией* – при каком условии? – *если она неудержима в стремлении вырваться*.

Чтобы полнее представить картину синтаксического членения предложения, обратимся к самой конструкции с присубстантивным инфинитивом. Дело в том, что вполне реально предусмотреть возможность членимости конструкции на отдельные компоненты предложения, и тогда сильное управление производящего глагола (*стремиться к чему-либо*) определит как основное у инфинитива значение дополнения: *в стремлении* – к чему? – *вырваться за пределы общепринятого*. Оттенок значения определения обусловлен подчинением инфинитива имени существительному, а обстоятельственные оттенки

прогнозируются отношениями, возникающими в макроструктуре предложения.

Оттенки значения различных обстоятельств у присубстантивного инфинитива в сочетании с существительными могут быть идентифицированы с помощью формальных квалификаторов. В этой роли могут выступать непрямые и производные предлоги при опорных существительных, придаточные части предложения, в которых может находиться конструкция.

Оттенки причины в примыкающем к существительным-обстоятельствам инфинитиве прогнозируют предлоги *от, из*: «Господи, как я его знаю! Сам, небось, сгорает *от нетерпения узнать* как можно больше!» (И. Гофф); «Он больше ничего не сказал, так как говорил вообще мало, не столько из скромности, сколько, казалось, *из боязни расплескать что-то драгоценное...*» (В. Набоков).

Оттенок цели могут прогнозировать предлоги *из, в, с*: «Тогда, как бы из озорства, *из желания передразнить* ненавистный маменькин звук, он протянул руку и тоже тряхнул в колокольчик» (Ю. Тынянов); «Схватив ее [корзину], я бросилась к себе в комнату *с твердым намерением собрать* в нее все эти унижительные дары и *выпроводить* музыканта» (Н. Сац); «И, разумеется, больше всех ждет дядю Саню маленький Петя – *в тайной надежде* на этот раз *получить* броненосец» (В. Каверин).

Оттенок времени зафиксирован у инфинитива в конструкции с сочетанием *при попытке*: «В свете таких объяснений решительно все понятно, и даже наиболее волновавшая граждан, казалось бы, необъяснимая неуязвимость кота, обстрелянного в квартире № 50, *при попытках взять* его *под стражу*» (М. Булгаков).

Оттенок условия иногда сопутствует оттенку времени, о чем уже упоминалось ранее, но иногда выступает и самостоятельно, правда, значительно реже, чем оттенки цели и причины: «Команды дредноутов “Воля” и “Свободная Россия” подняли сигналы, что *в случае попытки уйти* из Севастополя они откроют по миноносцам огонь из башенных орудий» (К. Паустовский).

Уступительный оттенок у инфинитива также наблюдается крайне редко. Его находим в сочетаниях «несмотря на» + «существительное» + «инфинитив» или в близких к этим сочетаниям: «Однако,

несмотря на неудачную попытку **вызвать** на площадь конную гвардию, генерал-губернатора не покидала самоуверенность» (О. Форш); «Иногда он замечал следы там, где *при* всем желании что-либо **усмотреть** я ничего не видел» (В. Арсеньев). Ср.: *несмотря на желание что-либо усмотреть*.

Иногда, в зависимости от контекста, уступительный оттенок выступает в качестве добавочного, например, к причинному оттенку: «Там, на манеже, – да простит меня его милая тень, – Танти, *из необходимости* **петь** громко, пел все-таки дребезжащим козелком» (А. Куприн). Здесь значимым оказывается наречие *громко*, оно позволяет находить в инфинитивном обороте самостоятельность. Предложно-падежное сочетание существительного прогнозирует причинный оттенок в инфинитиве, а частица *все-таки* привносит в обособленную конструкцию оттенок значения уступки. Ср.: *несмотря на необходимость петь громко, пел ВСЕ-ТАКИ дребезжащим козелком*.

Таким образом, контекст и различные квалификаторы помогают прояснить оттенки синтаксических значений инфинитива, примыкающего в предложении к существительному, выполняющему роль обстоятельства. Определить степень приближения такого существительного-обстоятельства к производному предлогу сложно, поэтому есть основания рассматривать синтаксическую роль инфинитива двояко: либо как неотъемлемую часть того же обстоятельства, либо как самостоятельный второстепенный член предложения, в котором преобладает значение дополнения. Конструкцию с присубстантивным инфинитивом можно считать единым членом предложения, если существительное не имеет других распространителей, кроме инфинитива, и имеет тенденцию к синсемантичности (например, конструкции «с целью + инфинитив») [41, с. 82 – 83].

Если существительное имеет зависимые элементы, кроме инфинитива, и (или) оно автосемантично, то инфинитив выполняет при нем функцию дополнения с оттенком определения и оттенками разных обстоятельств.

Выводы по третьей главе

Проанализировав примеры, в которых опорные существительные в нашей конструкции выступают как члены предложения с раз-

личным синтаксическим статусом: подлежащего, компонента непростого сказуемого, дополнения, определения, приложения и обстоятельства, – приходим к выводам, что такой взгляд на проблему синкретичности присубстантивного инфинитива и разрешения ее в пользу того или иного члена предложения имеет достаточно оснований.

1. Инфинитив, примыкающий к существительным, выступающим в роли подлежащих, имеет основное значение определения, а добавочное – дополнения. Однако в предложениях с порядком слов «сказуемое + подлежащее», имеющих в качестве сказуемых глаголы *пришло, возникло, появилось* (желание) – то есть лексически ослабленные, недостаточные глаголы, – инфинитив приближается по значению к распространителям сказуемого, поскольку все сочетание «сказуемое + подлежащее» называет состояние субъекта: «...*Возникла настоятельная потребность встретиться* еще раз...» (В. Дудинцев).

Есть основания предполагать, что в предложениях, где подобным образом выражена грамматическая основа («сказуемое – ослабленный в лексическом плане глагол + подлежащее – модальное существительное»), у инфинитива правомерно находить первичным синтаксическое значение дополнения, а вторичным – значение определения. При ином порядке слов в предложении и при лексически достаточном сказуемом определительная функция у инфинитива преобладает над функцией дополнения: «*Желание изобличить злодея душило администратора*» (М. Булгаков)

При конкретных существительных, выполняющих в предложении роль подлежащего, инфинитив – определение с оттенком назначения, иногда цели.

Обособленный инфинитив при подлежащем – определение с оттенком дополнения.

У объектного инфинитива при подлежащем преобладает значение дополнения, а значение определения выступает в качестве оттенка. Если действующие лица в конструкции отчетливо не различаются, то синтаксический синкретизм инфинитива оказывается неразрешимым, значения дополнения и определения нейтрализуются.

2. По синтаксическим свойствам к инфинитиву, примыкающему к существительному-подлежащему, оказывается близким инфинитив, примыкающий к существительному, выполняющему в предложении

роль дополнения: «Он с возмущением вспомнил свое *намерение застрелиться*...» (И. Бунин).

3. Поскольку сказуемое в качестве распространителей чаще имеет дополнения и обстоятельства, в инфинитиве, примыкающем к существительному – компоненту сказуемого, правомерно находить основную функцию дополнения.

Следует отметить, что многие модальные существительные – компоненты сказуемого носят синсемантический характер. Особенно часто это отмечается при лексически ограниченных глаголах *иметь, обладать*: «Персонажи романа обладают *способностью жить* собственной жизнью...» (А. Рыбаков).

Предложно-падежные сочетания с примыкающим инфинитивом в составе сказуемого имеют тенденцию к переходу в наречные сочетания: *в опасности умереть, в готовности защитить*. Инфинитив в этом случае становится неотъемлемой частью сказуемого. Если существительное имеет согласованное определение, то инфинитив выполняет функцию дополнения с оттенком определения. Ср.: *в полной готовности защитить* – *в полной готовности* – к чему? – к *защите*. «Одесская милиция была *в полной готовности не допустить* массовые беспорядки» («Известия»).

4. Существительные, выполняющие в предложениях роль определений, присоединяют к себе инфинитив с основным значением дополнения и оттенком определения. Подобное утверждение основано на том, что определение в большинстве случаев выражено существительными со значением «побуждение к действию»: *с просьбой, с мольбой, с приказом* и др. Как известно, инфинитив в таких случаях образует с существительным объектную конструкцию: «Комаровская почтальонша принесла телеграмму *с просьбой* американского профессора... *принять* его...» (А. Найман).

5. Инфинитив при существительном-приложении по функции близок к распространителю сказуемого, поскольку конструкция с присубстантивным инфинитивом в таких примерах всегда обособляется, и следовательно, обладает свойствами полупредикативных компонентов предложения.

6. В качестве обстоятельств, присоединяющих к себе зависимый инфинитив, обычно выступают модальные существительные с пред-

логами: *из расчета, с целью, в намерении, в надежде* и др. В ряде случаев они приближаются к производным предлогам. Здесь инфинитив – составная часть обстоятельства. Если переход предложно-падежного сочетания существительного в производный предлог нельзя считать законченным, то инфинитив, приближаясь к элементу, управляемому этим предложно-падежным сочетанием, выполняет роль дополнения с оттенками определения и какого-либо или даже нескольких обстоятельств. Оттенки различных обстоятельств наблюдаются у инфинитивов, примыкающих к существительным-обстоятельствам, они прогнозируются квалификаторами – элементами простого предложения (непроизводными предлогами при самих существительных, различными частицами, вводными словами) и придаточными частями сложных предложений, в которые входит конструкция с присубстантивным инфинитивом.

7. Оттенок обстоятельства цели может наблюдаться у инфинитива независимо от синтаксической функции опорного существительного, если обусловлен семой намерения, присутствующей в семантике сказуемого.

8. Объективный анализ синтаксической функции инфинитива в каждом конкретном случае оказывается невозможным без учета лексического и деривационного значения имени существительного и других, предложенческих, факторов.

Таким образом, наряду с учетом многих известных критериев, критерий синтаксической функции опорного в конструкции существительного оказывается важным при выявлении синтаксических функций присубстантивного инфинитива и разрешении его синтаксического синкретизма.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ОБЩИЕ ВЫВОДЫ

Присубстантивный инфинитив – явление, мало исследованное в лингвистической литературе. Настоящая работа представляет собой попытку суммировать известные сведения о факторах, влияющих на синтаксические функции примыкающего к существительному инфинитива, и о самих этих функциях, а также дополнить и в ряде случаев уточнить эти сведения.

Инфинитив – форма глагола, совмещающая в себе семантические и синтаксические особенности как разных частей речи, так и разных членов предложения. Он не обнаруживает формальных показателей связи с членом предложения, к которому примыкает. В качестве зависимого компонента инфинитив обычно примыкает к словам с модальным значением.

К существительным инфинитив примыкает сравнительно редко. В большинстве конструкций «существительное + инфинитив» в качестве опорных употребляются модальные отглагольные и отадективные существительные, реже – производные отвлеченные, еще реже – конкретные существительные.

Модальные существительные, чаще всего присоединяющие к себе зависимый инфинитив, не могут обеспечить конструкции достаточного смыслового веса без распространителей. Их собственное лексическое значение иногда настолько стерто, что приближает их к синсемантическим. Тогда инфинитив является в смысловом плане основным компонентом выражаемой в предложении мысли и приближает всю конструкцию к неделимому сочетанию, выполняющему одну общую синтаксическую функцию в предложении, однако инфинитив редко выступает без распространителей. Он может присоединять к себе сразу несколько поясняющих элементов. При этом меняются отношения между существительным и инфинитивом. Недопустимость слияния компонентов, обнаруживающих различные смысловые отношения, предполагает синтаксическую членимость конструкции в предложении.

Синтагматические свойства определенных групп существительных, заключающиеся в их способности присоединять к себе инфинитив с определенным синтаксическим значением, позволяют подтвердить мнение ученых, в частности В. В. Виноградова, о тесной связи системных отношений в лексике с системными отношениями в синтаксисе.

1. Присубстантивный инфинитив выполняет функцию синкретичного второстепенного члена предложения. Синтаксический синкретизм присубстантивного инфинитива в зависимости от условий, в которые конструкция поставлена в предложении, может быть разрешен то в пользу определения, то в пользу дополнения. Синкретизм может оказаться и неразрешимым, и тогда инфинитив в предложении занимает позицию полной нейтрализации различий между определением и дополнением [151, с. 77].

2. Независимо от того, какое значение является главным, а какое выступает в качестве оттенка, инфинитив может приобретать добавочный оттенок обстоятельства цели. Оттенок обстоятельства цели обуславливается семой намерения, присутствующей в каузативном глаголе-сказуемом, или в существительном с каузативным значением, или в самом инфинитиве с каузативным значением. В качестве оттенков в нем могут присутствовать также оттенок предназначенности и, изредка, оттенки других обстоятельств: причины, условия, уступки, – которые могут быть эксплицированы синтаксическими конкретизаторами (отдельными элементами предложения: *все-таки, из, от, несмотря на*) и значениями придаточных частей сложных предложений, в которых находится конструкция.

3. Разница между синтаксическими значениями инфинитива, примыкающего к существительным, выполняющим функции различных членов предложения, в общем, невелика, но она прослеживается.

1) Инфинитив, примыкающий к существительному, выполняющему в предложении роль подлежащего, оказывается более свободным, чем инфинитив, примыкающий к существительному-компоненту сказуемого. При подлежащем чаще наблюдается собственно присубстантивный инфинитив, так что есть все основания считать преобладающей функцию определения. 2) Инфинитив, примыкающий к существительному, выполняющему в предложении роль дополнения, в

большинстве случаев – определение с оттенком дополнения, что приближает его к распространителю существительного-подлежащего. 3) Существительное-компонент сказуемого иногда синсеманлично, поэтому примыкающий к нему инфинитив имеет характер конституента сказуемого. В тех случаях, когда существительное обнаруживает относительную самостоятельность, инфинитив выступает в функции дополнения с оттенком определения. 4) Конструкция с присубстантивным инфинитивом, в которой существительное выполняет роль приложения, обычно обособляется. Наличие у нее сопутствующей предикативности приближает инфинитив к распространителю сказуемого. 5) Примеры, где инфинитив примыкает к существительному, выполняющему в предложении роль определения (также синкретичного члена, так как оно определяет другое существительное), очень редки. В них существительное является определением по отношению к другому существительному и одновременно определяемым по отношению к инфинитиву. Определяющее существительное при существительном – явление синкретичное. Оно совмещает в себе значение определения и дополнения или определения и обстоятельства. Лексическая семантика и грамматические особенности компонентов конструкции в этих примерах в основном постоянны. Поскольку в подавляющем большинстве случаев в качестве существительного-определения выступают формы творительного падежа существительных со значением «побуждение к действию» (*с призывом, с просьбой, с мольбой, с указанием*), преобладающей у инфинитива приходится признавать функцию дополнения, а функцию определения – вторичной. При этом необходимо учитывать и статус объектного инфинитива, который в отдельных случаях не позволяет разрешить проблему синкретизма. 6) Синтаксические функции инфинитива при существительных, выполняющих в предложении роль обстоятельств, многообразны. Существительные, не имеющие согласованных определений, обнаруживают тенденцию к переходу в неполнозначные слова, приближающиеся к производным предлогам: *с целью, с намерением, из страха* и др. Синсеманτικότητα существительных в таких примерах не позволяет квалифицировать инфинитив как самостоятельный член предложения: вместе с существительным он здесь выполняет роль единого члена предложения, обстоятельства цели, причины, условия

и др. В тех случаях, когда при существительном уже имеется согласованное определение, приходится признать автономность компонентов конструкции. Существительные, выполняющие функции обстоятельств, присоединяют к себе инфинитив с основным синтаксическим значением дополнения и добавочным – определения и различных обстоятельств. Оттенки обстоятельств у инфинитива обусловлены различными конкретизаторами: предлогами, частицами и значениями придаточных частей сложных предложений, в которых находится конструкция.

4. Во всех случаях квалификации синтаксической функции инфинитива необходим учет семантики опорного существительного.

1) Отглагольные существительные, сохранившие синтагматические свойства производящих переходных глаголов (в частности свойство присоединять к себе объектный инфинитив), присоединяют к себе инфинитив-дополнение с оттенком определения; существительные, не сохранившие «сильного» управления мотивирующего глагола или образованные от глаголов, не сочетающихся с объектным инфинитивом, присоединяют инфинитив-определение с оттенком дополнения.

Инфинитив, распространяющий отглагольные существительные с каузативным значением «побуждение к действию», является в предложении дополнением с оттенком определения. В конструкциях с такими существительными могут отчетливо не проследиваться «действующие лица», в связи с чем различия между определением и дополнением полностью нейтрализуются.

2) Непроизводные отвлеченные существительные, а также существительные, образованные от прилагательных, присоединяют инфинитив с преобладающим значением определения.

Среди непроеизводных отвлеченных существительных имеется группа, регулярно присоединяющая инфинитив-определение, не проясняющий значения признака. Это существительные *манера, способ, повод, причина* и др. К этой группе примыкают и некоторые отглагольные существительные – *старание, усилие* и т. п.

3) Конкретные существительные, сочетающиеся с инфинитивом, можно условно разделить на 5 групп. Эти существительные занимают в предложении синтаксические позиции подлежащего, элементов непростого сказуемого, прямого дополнения, но не могут выступать в

роли косвенного дополнения, несогласованного (синкретичного) определения и обстоятельства. Синтаксическая функция инфинитива при них неоднозначна: а) конкретно-предметные существительные: *нож, ключ, котел* и др. Инфинитив при них – определение с оттенком назначения и обстоятельства цели; б) существительные, обобщенно называющие предмет, значение которого может быть конкретизировано: *огонь, свет, место, поле, ширма, средства* и др. В конструкциях с этими существительными инфинитив также выполняет функцию определения с оттенком назначения и обстоятельства цели; в) как конкретные в предложении могут функционировать в отдельных случаях существительные со значением «побуждение к действию»: *приказ, указ, сигнал, знак, план* и др. Несмотря на объектность позиции, преобладающим значением у инфинитива видится значение определения. Значения дополнения, назначения и обстоятельства цели выступают в качестве оттенков; г) существительные, называющие людей по выполняемой ими функции: *адъютант, лазутчики, ходоки, разъезды, наряды* и др. Связь инфинитива с этими существительными в предложении слабая, ситуативная. Он выполняет функцию определения с оттенком назначения и обстоятельства цели; д) группа существительных со значением качественной оценки лица: *мастер, любитель, охотник, спец, не дурак* и др. Инфинитив при них – определение с оттенком дополнения и причины.

Исследование лексического значения существительных в связи с синтаксическими функциями примыкающего к ним инфинитива далеко не исчерпывает темы и может в дальнейшем представить новые интересные результаты.

5. На синтаксическую функцию инфинитива в конструкции, где он примыкает к существительному, могут оказывать влияние некоторые значения компонентов предложения. Например, сема намерения в сказуемом обуславливает оттенок значения цели у инфинитива, который усиливается в побудительном по цели высказывания предложении.

6. Инфинитив может обнаруживать двойную зависимость (от существительного и от глагола-сказуемого). При этом наблюдается усиление функции обстоятельства цели.

7. Обособленному инфинитиву (инфинитивному обороту) свойственна функция определения. Вместе с тем он может иметь оттенки дополнения, а также оттенки, присущие поясняющим и присоединительным конструкциям.

Обобщая все сказанное, мы вынуждены признать, что отдельные положения работы могут казаться спорными, что при дальнейшем изучении вопроса можно уточнить и дополнить сведения о синтаксических функциях присубстантивного инфинитива в предложении.

Перспективы дальнейших исследований могут определить поиски в области модальных значений структуры предложения, а также более подробное изучение лексических значений компонентов конструкции.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Аванесов, Р. И.** Второстепенные члены предложения как грамматические категории [Текст] / Р. И. Аванесов // Русский язык в школе. – 1936. – № 4. – С. 53 – 60.
2. **Адмони, В. Г.** Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики [Текст] / В. Г. Адмони. – Л. : Наука, 1988. – 238 с.
3. **Адмони, В. Г.** Основы теории грамматики [Текст] / В. Г. Адмони. – М. – Л. : Наука, 1964. – 105 с.
4. **Акопджанян, А. А.** О разграничении второстепенных членов предложения [Текст] / А. А. Акопджанян // Русский язык в школе. – 1959. – № 2. – С. 69 – 73.
5. **Александров, Н. М.** Проблема второстепенных членов предложения в современном русском языке [Текст] / Н. М. Александров // Ученые записки ЛГПИ им. А.И. Герцена. Т. 236. – Л., 1963. – С. 3 – 391.
6. **Александрова, З. Е.** Словарь синонимов русского языка [Текст] / З. Е. Александрова. – М. : Рус. яз., 1986. – 600 с.
7. **Андреев, В.** К вопросу о синтаксической роли неопределенного наклона [Текст] / В. Андреев // Журнал Министерства народного образования. – 1898, май. – С. 68 – 88.
8. **Аникина, Л. В.** Принципы разграничения синтаксической функции приименного инфинитива [Текст] / Л. В. Аникина // Материалы 8-й конференции преподавателей рус. яз. педагог. ин-тов Московской зоны : лингвистич. сб. Вып. 2. Ч. 2. – М. : МОПИ им. Н. К. Крупской, 1974. – С. 3 – 8.
9. **Аникина, Л. В.** Составные именные члены предложения с глаголом-связкой в форме инфинитива [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. В. Аникина. – М., 1970. – 16 с.
10. **Апресян, Ю. Д.** Идеи и методы современной структурной лингвистики. (Краткий очерк) [Текст] / Ю. Д. Апресян. – М. : Просвещение, 1966. – 302 с.
11. **Апресян, Ю. Д.** Лексическая семантика. Синонимические средства языка [Текст] / Ю. Д. Апресян. – М. : Наука, 1974. – 364 с.
12. **Арутюнова, Н. Д.** К проблеме функциональных типов лексических значений [Текст] / Н. Д. Арутюнова // Аспекты семантических исследований. – М., 1980. – С. 156 – 249.
13. **Арутюнова, Н. Д.** Предложение и его смысл [Текст] / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1976. – 384 с.
14. **Аспекты семантических исследований** [Текст] / отв. ред. Н. Д. Арутюнова и А. А. Уфимцева – М. : Наука, 1980. – 375 с.
15. **Ахманова, О. С.** Словарь лингвистических терминов [Текст] / О. С. Ахманова. – М. : Советская энциклопедия, 1966. – 608 с.
16. **Бабайцева, В. В.** Лингвистические основы школьного курса синтаксиса [Текст] / В. В. Бабайцева // Русский язык в школе. – 1975. – № 5. – С. 13 – 17.
17. **Бабайцева, В. В.** Русский язык : Синтаксис и пунктуация [Текст] / В. В. Бабайцева. – М. : Просвещение, 1979. – 269 с.

18. **Бабайцева, В. В.** Современный русский язык [Текст]. В 3 ч. Ч. 3. Синтаксис. Пунктуация / В. В. Бабайцева, Л. Ю. Максимов. – М. : Просвещение, 1981. – 271 с.
19. **Бабайцева, В. В.** Система членов предложения в современном русском языке [Текст] / В. В. Бабайцева. – М. : Просвещение, 1988. – 159 с.
20. **Бабайцева, В. В.** Явления переходности в грамматике русского языка [Текст]: монография / В. В. Бабайцева. – М. : Дрофа, 2000. – 640 с. – ISBN 5-7107-2806-3.
21. **Барсов, А. А.** Российская грамматика [Текст] / А. А. Барсов. – М. : МГУ, 1981. – 776 с.
22. **Бахарев, А. И.** Категория отрицания в русском языке. (Способы выражения и пути развития) [Текст] / А. И. Бахарев. – Ташкент : Фан, 1990. – 83 с.
23. **Белошапкина, В. А.** Минимальные структурные схемы русского предложения [Текст] / В. А. Белошапкина // Русский язык за рубежом. – 1978. – № 5. – С. 55 – 59.
24. **Белошапкина, В. А.** Современный русский язык : Синтаксис [Текст] / В. А. Белошапкина. – М. : Высш. шк., 1977. – 248 с.
25. **Бенвенист, Э.** Общая лингвистика [Текст] / Э. Бенвенист. – М. : Прогресс, 1974. – 448 с.
26. **Березин, Ф. М.** Общее языкознание [Текст] / Ф. М. Березин, Б. Н. Головин. – М. : Просвещение, 1979. – 416 с.
27. **Блумфилд, Л.** Язык [Текст] / Л. Блумфилд ; под ред. и с предисл. М. М. Гухман. – М. : Прогресс, 1968. – 608 с.
28. **Блюмина, И. К.** Признаки нечленности словосочетаний, выполняющих функцию одного члена предложения [Текст] / И. К. Блюмина // Русский язык в школе. – 1986. – № 6. – С. 73 – 76.
29. **Богданов, В. В.** Семантико-грамматический статус инфинитива. Опыт типологического анализа [Текст] / В. В. Богданов // Исследования по семантике. Лексическая и грамматическая семантика. – Уфа : Изд-во Башкирского ун-та, 1980. – С. 164 – 182.
30. **Богданович, А. В.** Две функции инфинитива в современном русском языке [Текст] / А. В. Богданович // Русский язык в школе. – 1954. – № 3. – С. 18 – 21.
31. **Бойко, А. А.** Сочетания с инфинитивом несовершенного вида в современном русском языке [Текст] / А. А. Бойко. – Л. : ЛГУ, 1973. – 136 с.
32. **Бондаренко, И. В.** Синтаксические функции русского инфинитива [Текст] / И. В. Бондаренко // Вопросы грамматики русского языка. Функциональный анализ единства морфолого-синтаксического уровня. – Иркутск, 1981. – С. 30 – 33.
33. **Бондарко, А. В.** Вид и время русского глагола. (Значение и употребление) [Текст] : пособ. для студентов / А. В. Бондарко. – М. : Просвещение, 1971. – 238 с.
34. **Бондарко, А. В.** Теория морфологических категорий [Текст] / А. В. Бондарко. – Л. : Наука, 1976. – 255 с.
35. **Брицын, В. М.** Синтаксис и семантика инфинитива в современном русском языке [Текст] / В. М. Брицын. – Киев : Изд-во АН УССР, 1990. – 477 с.

36. **Булыгина, Т. В.** К построению типологии предикатов в русском языке [Текст] / Т. В. Булыгина // Семантические типы предикатов. – М. : Наука, 1982. – С. 7 – 85.
37. **Буслаев, Ф. И.** Историческая грамматика русского языка [Текст] / Ф. И. Буслаев. – М. : Учпедгиз, 1959. – 623 с.
38. **Бухарин, В. И.** К вопросу о несогласованных определениях [Текст] / В. И. Бухарин // Русский язык в школе. – 1964. – № 4. – С. 63 – 65.
39. **Валгина, Н. С.** О двусторонней синтаксической связи в современном русском языке [Текст] / Н. С. Валгина // Русский язык в школе. – 1972. – № 5. – С. 99 – 104.
40. **Валгина, Н. С.** Синтаксис современного русского языка [Текст] / Н. С. Валгина. – Изд. 3-е, испр. – М. : Высш. шк., 1991. – 432 с.
41. **Варюшенкова, Е. Н.** О синтаксических функциях сочетаний типа «с целью + инфинитив» [Текст] / Е. Н. Варюшенкова // Современный русский синтаксис: предложение и его членение : межвуз. сб. научн. тр. – Владимир : ВГПУ, 1994. – С. 82 – 85.
42. **Варюшенкова, Е. Н.** Об обстоятельственном компоненте семантики в конструкциях с присубстантивным инфинитивом [Текст] / Е. Н. Варюшенкова // Семантика языковых единиц в современном русском языке : межвуз. сб. научн. трудов. – Смоленск : Смоленский государственный педагогический институт, 1994. – С. 40 – 47.
43. **Васильев, Л. М.** Современная лингвистическая семантика [Текст] / Л. М. Васильев. – М. : Высш. шк., 1990. – 176 с.
44. **Виноградов, В. В.** Избранные труды. Исследования по русской грамматике [Текст] / В. В. Виноградов. – М. : Наука, 1975. – 560 с.
45. **Виноградов, В. В.** Основные типы лексических значений слова [Текст] / В. В. Виноградов // Вопросы языкознания. – 1953. – № 5. – С. 3 – 29.
46. **Виноградов, В. В.** Русский язык: грамматическое учение о слове [Текст] / В. В. Виноградов. – 3-е изд., испр. – М. : Высш. шк., 1986. – 639 с.
47. **Востоков, А. Х.** Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная [Текст] / А. Х. Востоков. – СПб. : Тип. Глазунова, 1831. – 408 с.
48. **Гак, В. Г.** К проблеме синтаксической семантики [Текст] / В. Г. Гак // Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. – М. : Наука, 1969. – С. 77 – 85.
49. **Галкина-Федорук, Е. М.** Безличные предложения в современном русском языке [Текст] / Е. М. Галкина-Федорук // Вопросы синтаксиса русского языка. – М. : Государств. уч.-пед. изд-во м-ва просвещения РСФСР, 1950. – С. 302 – 338.
50. **Гвоздев, А. Н.** Современный русский литературный язык [Текст]. В 2 ч. Ч. 2. Синтаксис / А. Н. Гвоздев. – М. : Просвещение, 1973. – 350 с.
51. **Гехтляр, С. Я.** Русский инфинитив: категориальная характеристика, функционирование [Текст] : дис. ... докт. филолог. наук / С. Я. Гехтляр. – Брянск, 1996. – 381 с.

52. **Головин, В. Н.** К вопросу о парадигматике и синтагматике на уровнях морфологии и синтаксиса [Текст] / В. Н. Головин // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. – М. : Наука, 1969. – С.73 – 87.
53. **Головин, Б. Н.** Введение в языкознание [Текст] / Б. Н. Головин. – М. : Высш. шк., 1983. – 231 с.
54. **Грамматика русского языка** [Текст]. В 2 т. Т. 2. Синтаксис. Ч. 1. / под ред. В. В. Виноградова. – М. : АН СССР, 1954. – 444 с.
55. **Грамматика русского языка** [Текст]. В 2 т. Т. 2. Синтаксис. Ч. 2. / под ред. В. В. Виноградова. – М. : АН СССР, 1954. – 703 с.
56. **Грамматика современного русского литературного языка** [Текст] / отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М. : Наука, 1970. – 767 с.
57. **Гулыга, Е. В.** Автосемантия и синсемантия как признаки смысловой структуры слова [Текст] / Е. В. Гулыга // Филологические науки. – 1967. – № 2. – С. 62 – 72.
58. **Дудников, А. В.** Современный русский язык [Текст] / А. В. Дудников. – М. : Высш. шк., 1990. – 424 с.
59. **Ермакова, О. П.** О некоторых синтаксических функциях инфинитива [Текст] / О. П. Ермакова // Изв. АН СССР. Серия истории и языка. – Т. 22. – Вып. 5. – 1963. – С. 415 – 422.
60. **Ермакова, О. П.** О связи словообразовательных и синтаксических явлений [Текст] / О. П. Ермакова // Вопросы синтаксиса русского языка. – Калуга, 1969. – С. 34 – 47.
61. **Ермакова, О. П.** Словосочетания, выражающие целевые отношения в современном русском языке [Текст] : автореф. дис. ... канд. филолог. наук / О. П. Ермакова. – М., 1956. – 16 с.
62. **Жаркова, А. В.** Отражение глагольно-именной природы инфинитива в его синтаксических функциях [Текст] / А. В. Жаркова // Русский язык в школе. – 1982. – № 4. – С. 28 – 92.
63. **Жаркова, А. В.** Структурно-семантические особенности интонационно расчлененных предложений с субъектным инфинитивом [Текст] / А. В. Жаркова // Переходность и синкретизм в языке и речи : межвуз. сб. научн. тр. – М. : Прометей, 1991. – С. 114 – 121.
64. **Золотова, Г. А.** О нерешенных вопросах синтаксиса простого предложения [Текст] / Г. А. Золотова // Вопросы синтаксиса русского языка / отв. ред. О. П. Ермакова. – Калуга, 1969. – С. 3 – 7.
65. **Золотова, Г. А.** О синтаксической природе современного русского инфинитива [Текст] / Г. А. Золотова // НДВШ. Филологические науки. – 1979. – № 5. – С. 43 – 51.
66. **Золотова, Г. А.** О синтаксической форме слова [Текст] / Г. А. Золотова // Мысли о современном русском языке / под ред. В. В. Виноградова ; сост. А. Н. Кожин. – М. : Просвещение, 1969. – С. 58 – 66.
67. **Золотова, Г. А.** Очерк функционального синтаксиса русского языка [Текст] / Г. А. Золотова. – М. : Наука, 1973. – 351 с.

68. **Золотова, Г. А.** Синтаксический словарь : Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса [Текст] / Г. А. Золотова. – М. : Наука, 1988. – 440 с.
69. **Зуева, Р. С.** Словосочетания с приименным инфинитивом в современном русском языке [Текст]: дис. ...канд. филолог. наук / Р. С. Зуева. – Алма-Ата, 1965. – 300 с.
70. **Иосилевич, Н. В.** Соотношение подлежащего и дополнения с семантическими категориями субъекта и объекта [Текст] : монография / Н. В. Иосилевич. – Владимир, 2004. – 144 с. – ISBN 5-86953-133-0.
71. **Каноныкин, Н. П.** Распознавание второстепенных членов предложения [Текст] / Н. П. Каноныкин // Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена. Т. 20. – Л., 1939. – С. 33 – 68.
72. **Караулов, Ю. Н.** Ассоциативная грамматика русского языка [Текст] / Ю. Н. Караулов. – М. : Рус. яз., 1993. – 330 с.
73. **Касаткин, Л. Л.** Краткий справочник по современному русскому языку [Текст] / Л. Л. Касаткин, Е. В. Клобуков, П. А. Лекант ; под ред П. А. Леканта. – М. : Высш. шк., 1991. – 382 с.
74. **Кацнельсон, С. Д.** Типология языка и речевое мышление [Текст] / С. Д. Кацнельсон. – Л. : Наука, 1972. – 216 с.
75. **Кацнельсон, С. Д.** Валентность [Текст] / С. Д. Кацнельсон // Вопросы языкознания. – 1987. – № 3. – С. 31 – 32.
76. **Клюсов, Г. Н.** Обособление инфинитивов [Текст] / Г. Н. Клюсов // Русский язык в школе. – 1975. – № 1. – С. 74 – 79.
77. **Ковтунова, И. И.** Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения [Текст] / И. И. Ковтунова. – М. : Просвещение, 1976. – 285 с.
78. **Кодухов, В. И.** Общее языкознание [Текст] / В. И. Кодухов. – М. : Просвещение, 1974. – 303 с.
79. **Козловский, П. С.** Мелочи из синтаксического анализа [Текст] / П. С. Козловский // Филологические записки. – Вып. 2. – Воронеж. – 1887. – С. 35 – 47.
80. **Комлев, Н. Г.** Компоненты содержательной структуры слова [Текст] / Н. Г. Комлев. – М. : МГУ, 1969. – 192 с.
81. **Кочинева, О. К.** Синтаксически неразложимые сочетания [Текст] / О. К. Кочинева // Русский язык в школе. – 1970. – № 4. – С. 97 – 100.
82. **Красных, В. И.** Глаголы и предикаты. Словарь сочетаемости [Текст] / В. И. Красных. – М. : Арсислингва, 1993. – 224 с.
83. **Крушельницкая, К. Г.** К вопросу о смысловом членении предложения [Текст] / К. Г. Крушельницкая // Вопросы языкознания. – 1956. – № 5. – С. 55 – 67.
84. **Кузнецова, Э. В.** Лексикология русского языка [Текст] : учеб. пособие для филолог. фак. ун-тов / Э. В. Кузнецова. – М. : Высш. шк., 1982. – 152 с.
85. **Кузнецова, Э. В.** О принципах и методах выделения объема семантических классов русских глаголов [Текст] / Э. В. Кузнецова // Классы слов и их взаимодействие. – Свердловск : Уральский ГУ, 1979. – С. 5 – 14.
86. **Кузнецова, Э. В.** Части речи и лексико-семантические группы слов [Текст] / Э. В. Кузнецова // Вопросы языкознания. – 1975. – № 5. – С. 78 – 86.

87. **Курилович, Е.** Очерки по лингвистике [Текст] / Е. Курилович. – М., 1962. – 456 с.
88. **Лагузова, Е. Н.** Описательный глагольно-именной оборот как единица номинации [Текст] : монография / Е. Н. Лагузова. – М. : МГОУ, 2003. – 243 с. – ISBN5-7017-0602-8.
89. **Лазуткина, Е. М.** О троякой норме и реализации глагольной связи [Текст] / Е. М. Лазуткина // Синтаксис и норма. – М. : Наука, 1974. – С. 187–195.
90. **Лекант, П. А.** Типы и формы сказуемого в современном русском языке [Текст] / П. А. Лекант. – М. : Высш. шк., 1976. – 143 с.
91. **Лекант, П. А.** Изучение структуры предложения в курсе современного русского языка [Текст] / П. А. Лекант. – М. : МОПИ им. Н. К. Крупской, 1977. – 91 с.
92. **Лекант, П. А.** Синтаксис простого предложения в современном русском языке [Текст] / П. А. Лекант. – М. : Высш. шк., 1986. – 176 с.
93. **Лингвистический энциклопедический словарь** [Текст] / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
94. **Ломтев, Т. П.** Основы синтаксиса современного русского языка [Текст] / Т. П. Ломтев. – М. : Учпедгиз, 1958. – 166 с.
95. **Ломтев, Т. П.** Предложение и его грамматические категории [Текст] / Т. П. Ломтев. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1972. – 198 с.
96. **Ломтев, Т. П.** Структура предложения в современном русском языке [Текст] / Т. П. Ломтев ; под ред. Н. Д. Арутюновой. – М. : Изд-во МГУ, 1979. – 198 с.
97. **Лушай, В. В.** Синтаксическая семантика инфинитива в русском предложении [Текст] / В. В. Лушай // Грамматическая семантика глаголов и имен в языке и речи. – Киев : УМК ВО, 1988. – С. 69–77.
98. **Максимов, Л. Ю.** Русский язык [Текст] / Л. Ю. Максимов, О. Ф. Мирошниченко, Е. И. Мишина [и др.]. – М. : Просвещение, 1978. – 320 с.
99. **Малаховский, Всев.** Вопрос о второстепенных членах предложения [Текст] / Всев. Малаховский // Русский язык в школе. – 1936. – № 3. – С. 3–14.
100. **Малаховский, Всев.** Синтаксическое значение инфинитива [Текст] / Всев. Малаховский // Сб. тр. Госуд. Иркутского ун-та. Вып. 8. Науки общественно-исторические и педагогические. – 1924. – С. 33–58.
101. **Маслов, Ю. С.** Введение в языкознание [Текст] / Ю. С. Маслов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Высш. шк., 1987. – 272 с.
102. **Мейеров, В. Ф.** Инфинитив и его семантика [Текст] / В. Ф. Мейеров // Филологические науки. – 1985. – № 3. – С. 36–43.
103. **Метлина, Н. А.** Независимый и зависимый инфинитив и его синтаксическая роль в предложении современного русского литературного языка [Текст] : дис. ... канд. филолог. наук / Н. А. Метлина. – М., 1953. – 297 с.
104. **Мещанинов, И. И.** Глагол [Текст] / И. И. Мещанинов. – Л. : Наука, 1982. – 272 с.
105. **Мещанинов, И. И.** Члены предложения и части речи [Текст] / И. И. Мещанинов ; отв. ред. В. З. Панфилов и П. Я. Скорик. – Л. : Наука, 1978. – 688 с.

106. **Мигирин, В. Н.** Очерки по теории процессов переходности в русском языке [Текст] / В. Н. Мигирин. – Бельцы, 1971. – 199 с.

107. **Моисеев, А. И.** Синтаксические особенности инфинитива в современном русском языке [Текст] / А. И. Моисеев // Русский язык в школе. – 1957. – № 6. – С.15 – 19.

108. **Моисеев, А. И.** Употребление зависимого инфинитива в современном русском языке [Текст] : дис. ... канд. филолог. наук / А. И. Моисеев. – Л., 1952. – 446 с.

109. **Моисеев, А. И.** Употребление зависимого инфинитива в современном русском языке [Текст] : автореф. дис. ... канд. филолог. наук / А. И. Моисеев. – Л., 1952. – 20 с.

110. **Мухин, А. М.** Лингвистический анализ. Теоретические и методологические проблемы [Текст] / А. М. Мухин. – Л. : Наука, 1976. – 282 с.

111. **Никитин, М. В.** Лексическое значение слова [Текст] / М. В. Никитин. – М. : Высш. шк., 1983. – 127 с.

112. **Ожегов, С. И.** Словарь русского языка / С. И. Ожегов ; под ред. д-ра филолог. наук проф. Н. Ю. Шведовой. – Изд. 12-е, стереотип. – М. : Рус. яз., 1978. – 846 с.

113. **Павловская, М. А.** Синонимика приименного инфинитива и особенности его синтаксического употребления [Текст] / М. А. Павловская // Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена. Т. 225. – Л., 1962. – С. 89 – 108.

114. **Петров, Н. Е.** О содержании и объеме языковой модальности [Текст] / Н. Е. Петров. – Новосибирск : Наука, Сибир. отделение. – 1982. – 161 с.

115. **Петровская, С. С.** Синтаксическая синонимия субстантивно-инфинитивных сочетаний с существительными со значением побуждения к действию в современном русском языке [Текст] / С. С. Петровская // Лексическая и синтаксическая семантика русского языка: сб. научн. тр. – Киев : КГПИ, 1982. – С. 67 – 74.

116. **Петровская, С. С.** Субстантивно-инфинитивное сочетание и его синонимы в современном русском языке (в сопоставлении с украинским) [Текст] : автореф. дис. ... канд. филолог. наук / С. С. Петровская. – Киев, 1983. – 19 с.

117. **Пешковский, А. М.** Избранные труды [Текст] / А. М. Пешковский. – М. : Учпедгиз, 1959. – 252 с.

118. **Пешковский, А. М.** Русский синтаксис в научном освещении [Текст] / А. М. Пешковский. – 7-е изд. – М. : Учпедгиз, 1956. – 511 с.

119. **Плотников, Б. А.** О форме и содержании в языке [Текст] / Б. А. Плотников. – М. : Высш. шк., 1989. – 254 с.

120. **Прокопович, Н. Н.** Вопросы синтаксиса русского языка [Текст] / Н. Н. Прокопович. – М. : Высш. шк., 1974. – 350 с.

121. **Протогенова, Р. В.** Инфинитив и его синтаксические функции в современном русском литературном языке [Текст] / Р. В. Протогенова // Труды Среднеазиатского ун-та им. В.И. Ленина. – Вып. 59. – 1955. – С. 89 – 99.

122. **Распопов, И. П.** Несколько замечаний о синтаксической парадигматике [Текст] / И. П. Распопов // Вопросы языкознания. – 1969. – № 4. – С. 92 – 100.

123. **Распопов, И. П.** Спорные вопросы синтаксиса [Текст] / И. П. Распопов ; отв. ред. Н. П. Колесников. – Ростов н/Д : РГУ, 1981. – 128 с.
124. **Розенталь, Д. Э.** Словарь-справочник лингвистических терминов [Текст] : пособ. для учителя / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Просвещение, 1985. – 399 с.
125. **Руднев, А. Г.** Второстепенные члены предложения [Текст] / А. Г. Руднев // Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена. – Т. 122. – 1956. – С. 7 – 43.
126. **Руднев, А. Г.** Синтаксис современного русского языка [Текст] / А. Г. Руднев. – М. : Высш. шк., 1963. – 364 с.
127. **Русская грамматика** [Текст]. В 2 т. Т. 1. Фонетика, Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / гл. ред. Н. Ю. Шведова. – М. : Наука, 1980. – 784 с.
128. **Русская грамматика** [Текст]. В 2 т. Т. 2. Синтаксис / гл. ред. Н. Ю. Шведова. – М. : Наука, 1980. – 710 с.
129. **Сахаров, И. Я.** Инфинитив как обстоятельство [Текст] / И. Я. Сахаров // Вопросы современного и исторического синтаксиса русского языка. – Л., 1962. – С. 71 – 89.
130. **Сиротинина, О. Б.** Лекции по синтаксису русского языка [Текст] / О. Б. Сиротинина. – М. : Высш. шк., 1980. – 143 с.
131. **Скобликова, Е. С.** Современный русский язык: Синтаксис простого предложения [Текст] / Е. С. Скобликова. – М. : Просвещение, 1979. – 236 с.
132. **Скобликова, Е. С.** Согласование и управление в русском языке [Текст] / Е. С. Скобликова. – М. : Просвещение, 1971. – 240 с.
133. **Словарь современного русского литературного языка** [Текст]. В 17 т. Т. 4. – М. ; Л. : АН СССР, 1951 – 1965. – 1364 с.
134. **Словарь современного русского литературного языка** [Текст]. В 17 т. Т. 11. – М. ; Л. : АН СССР, 1951 – 1965. – 1842 с.
135. **Современный русский литературный язык** [Текст] / под ред. П. А. Леканта. – Изд. 2-е, испр. – М. : Высш. шк., 1988. – 416 с.
136. **Современный русский язык** [Текст] / под ред. В. А. Белошапковой. – М. : Высш. шк., 1981. – 560 с.
137. **Солнцев, В. М.** Язык как системно-структурное образование [Текст] / В. М. Солнцев. – М. : Наука, 1971. – 294 с.
138. **Соссюр, Ф. де.** Труды по языкознанию [Текст] / Ф. де Соссюр. – М. : Прогресс, 1977. – 625 с.
139. **Сухотин, В. П.** Синтаксическая роль инфинитива в современном русском языке [Текст] / В. П. Сухотин // Ученые записки Кабардино-Балкарского пед. ин-та. Вып. 1. – 1940. – С. 85 – 97.
140. **Сухотин, В. П.** Синтаксическая синонимика в современном русском языке. Глагольные словосочетания [Текст] / В. П. Сухотин. – М. : Изд-во АН СССР, 1960. – 159 с.
141. **Тимофеев, К. А.** Инфинитивные предложения в русском литературном языке [Текст] / К. А. Тимофеев. – М., 1951. – 169 с.

142. **Тимофеев, К. А.** Об основных типах инфинитивных предложений в современном русском литературном языке [Текст] / К. А. Тимофеев // Вопросы синтаксиса русского языка / под ред. В. В. Виноградова. – М. : Гос. уч.-пед. изд-во Мин. просв. РСФСР, 1950. – С. 257 – 301.

143. **Ткаченко, Е. М.** Сочинительный ряд разнофункциональных членов предложения [Текст] / Е. М. Ткаченко // НДВШ. Филологические науки. – 1990. – № 4. – С. 63 – 71.

144. **Федоров, А. К.** Использование лингвистического эксперимента при изучении некоторых вопросов синтаксиса [Текст] / А. К. Федоров // Русский язык в школе. – 1969. – № 1. – С. 49 – 56.

145. **Фигуровский, И. А.** В защиту второстепенных членов предложения [Текст] / И. А. Фигуровский // Русский язык в школе. – 1959. – № 2. – С. 19 – 27.

146. **Фразеологический словарь русского языка** [Текст] / под ред. А. И. Молоткова. – М. : Русский язык, 1986. – 543 с.

147. **Фурашов, В. И.** Проблема второстепенных членов предложения и синтаксическая парадигматика [Текст] / В. И. Фурашов // Вопросы языкознания. – 1974. – № 3. – С. 124 – 132.

148. **Фурашов, В. И.** Обособленные согласованные определения в современном русском литературном языке [Текст] / В. И. Фурашов. – Владимир : ВГПИ, 1975. – 192 с.

149. **Фурашов, В. И.** О второстепенных членах предложения [Текст] / В. И. Фурашов // Русский язык в школе. – 1977. – № 4. – С. 95 – 102.

150. **Фурашов, В. И.** Определение как синтаксическая категория [Текст] / В. И. Фурашов // Филологические науки. – 1982. – № 2. – С. 16 – 21.

151. **Фурашов, В. И.** Несогласованные определения в современном русском языке [Текст] / В. И. Фурашов. – М. : Изд-во МГПИ им. В.И. Ленина, 1984. – 113 с.

152. **Фурашов, В. И.** Определение как синтаксическая категория в современном русском языке [Текст] : дис. ... д-ра филолог. наук / В. И. Фурашов. – Владимир, 1985. – 467 с.

153. **Фурашов, В. И.** О парадигматической концепции членов предложения [Текст] / В. И. Фурашов // Современный русский синтаксис: словосочетание и предложение. – Владимир : ВГПИ 1986. – С. 10 – 18.

154. **Фурашов, В. И.** Члены предложения типичные и синкретичные [Текст] / В. И. Фурашов // Переходность и синкретизм в языке и речи: межвуз. сб. науч. тр. – М. : Прометей, 1991. – С. 91 – 103.

155. **Фурашов, В. И.** Современный русский синтаксис. Избранные работы [Текст] / В. И. Фурашов. – Владимир: ВГГУ, 2010. – 368 с. – ISBN 978-5-87846-717-8.

156. **Черкасова, Е. Т.** Переход полнозначных слов в предлоги [Текст] / Е. Т. Черкасова. – М. : Наука, 1967. – 279 с.

157. **Чеснокова, Л. Д.** Проблема членов предложения в теоретическом и методическом аспекте [Текст] / Л. Д. Чеснокова. – Таганрог : ТГПИ, 1991. – 213 с.

158. **Чеснокова, Л. Д.** Связи слов в современном русском языке [Текст] / Л. Д. Чеснокова. – М. : Просвещение, 1980. – 110 с.

159. **Чеснокова, Л. Д.** Семантические типы членов предложения с двойными отношениями [Текст] / Л. Д. Чеснокова. – Ростов н/Д, 1973. – 104 с.
160. **Чжи, Ючан.** Атрибутивная валентность местоименных существительных [Текст] : автореф. дис. ... канд. филолог. наук / Ючан Чжи. – М., 1992. – 16 с.
161. **Чиликина, Н. Г.** Синтаксическая роль инфинитива в современном русском языке [Текст] : автореф. дис. ... канд. филолог. наук / Н. Г. Чиликина. – Львов, 1955. – 16 с.
162. **Чуглов, В. И.** О синтаксической функции присубстантивных слов в современном русском языке [Текст] / В. И. Чуглов // Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена. Т. 471. – 1970. – С. 136 – 147.
163. **Чудинов, А. П.** Синтагматические и деривационные связи каузативных глаголов (к вопросу о принципах выделения лексико-семантических групп) [Текст] / А. П. Чудинов // Слово в системе отношений на разных уровнях. – Екатеринбург, 1993. – С. 27 – 35.
164. **Чыонг, Динь Бинь.** Сочетание имен существительных с зависимым инфинитивом в современном русском литературном языке [Текст] : автореф. дис. ... канд. филолог. наук / Динь Бинь Чыонг. – М., 1980. – 18 с.
165. **Шапиро, А. Б.** К учению о второстепенных членах предложения в русском языке [Текст] / А. Б. Шапиро // Вопросы языкознания. – 1957. – № 2. – С. 71 – 85.
166. **Шапиро, А. Б.** Еще о второстепенных членах предложения [Текст] / А. Б. Шапиро // Русский язык в школе. – 1936. – № 3. – С. 15 – 18.
167. **Шапиро, А. Б.** О границах и типах непростого сказуемого [Текст] / А. Б. Шапиро // Русский язык в школе. – 1936. – № 5. – С. 128 – 136.
168. **Шатух, М. Г.** Второстепенные члены предложения и их разграничение [Текст] / М. Г. Шатух // Сопровождение лингвистов Юга России и Сев. Кавказа по вопросам о членах предложения (Тезисы докладов). – Ростов : Изд-во Ростовского ун-та, 1959. – С. 129-137.
169. **Шахматов, А. А.** Очерк современного русского литературного языка [Текст] / А. А. Шахматов. – 4-е изд. – М. : Учпедгиз, 1941. – 288 с.
170. **Шахматов, А. А.** Синтаксис русского языка [Текст] / А. А. Шахматов. – Л. : Учпедгиз, 1941. – 620 с.
171. **Шведова, Н. Ю.** Активные процессы в современном русском синтаксисе : Словосочетание [Текст] / Н. Ю. Шведова. – М. : Просвещение, 1966. – 156 с.
172. **Шипицына, Г. М.** Структура значения слова и отношения между образующими ее компонентами [Текст] / Г. М. Шипицына // Филологические науки. – 1993. – № 3. – С. 67 – 76.
173. **Шмелев, Д. Н.** О значении синтаксических единиц [Текст] / Д. Н. Шмелев // Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. – М. : Наука, 1969. – С. 156 – 162.
174. **Шмелев, Д. Н.** Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка) [Текст] / Д. Н. Шмелев. – М. : Наука, 1973. – 280 с.
175. **Шмелев, Д. Н.** Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке [Текст] / Д. Н. Шмелев. – М. : Наука, 1976. – 150 с.

176. **Щерба, Л. В.** О второстепенных членах предложения [Текст] / Л. В. Щерба // Избранные труды по языкознанию и фонетике / Л. В. Щерба. – Л., 1958. – Т. 1. – С. 92 – 103.

177. **Щерба, Л. В.** Языковая система и речевая деятельность [Текст] / Л. В. Щерба – Л. : Наука, 1974. – 428 с.

178. **Экспериментальное исследование семантики русского глагола** [Текст] / Ю. Д. Апресян ; АН СССР. – М.: Наука, 1967. – 251 с.

179. **Юрченко, В. С.** Структура предложения и система частей речи [Текст] / В. С. Юрченко // Филологические науки. – 1992. – № 2. – С. 49 – 58.

180. **Яранцев, Р. И.** Словарь-справочник по русской фразеологии [Текст] / Р. И. Яранцев. – М. : Рус. яз., 1981. – 304 с.

181. **Ярцева, В. Н.** Пределы развертывания синтаксических структур в связи с объемом информации [Текст] / В. Н. Ярцева // Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. – М. : Наука, 1969. – С. 163 – 178.

Научное издание

ВАРЮШЕНКОВА Екатерина Николаевна

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ПРИСУБСТАНТИВНОГО
ИНФИНИТИВА В ПРЕДЛОЖЕНИИ

Монография

Подписано в печать 18.03.13.

Формат 60×84/16. Усл. печ. л. 7,44. Тираж 300 экз.

Заказ

Издательство

Владимирского государственного университета
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых.
600000, Владимир, ул. Горького, 87.